

РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРОЛОГИИ
ЮЖНЫЙ ФИЛИАЛ

А.Н. Еремеева

Культурная
ЖИЗНЬ
Кубани
в XX веке

Краснодар
2013

ББК 71.4(2)
УДК 316.723
Е 70

Еремеева, А. Н.
Культурная жизнь Кубани в XX веке /
А.Н. Еремеева. – Краснодар: Платонов И.,
2013. – 160 с.: ил.

ББК 71.4(2)
УДК 316.723

Печатается по решению учёного совета Южного филиала Российского института культурологии от 17 ноября 2012 г., протокол №5

Рецензенты:

И.Я. Куценко, доктор исторических наук, профессор Кубанского государственного технологического университета

В.В. Бондарь, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Южного филиала Российского института культурологии

Редактор: Е.Ю. Третьякова

В книге доктора исторических наук профессора А.Н. Еремеевой рассмотрены содержание и основные тенденции культурной жизни Кубани в условиях социально-политических трансформаций XX века. Книга рассчитана на учёных, преподавателей высших и средних учебных заведений, аспирантов, студентов, всех интересующихся региональной историей.

© Издатель Платонов И., 2013
© Автор Еремеева А. Н., 2013
© Оформление Захаровой Е., 2013

ISBN 978-5-904316-16-7

Отпечатано в ОАО «Полиграф-Юг»
Тираж 500 экз., заказ №
Телефон для справок 8 (8772) 52-23-92

Содержание

Предисловие.....	5
Раздел 1. Накануне великих потрясений: культурная жизнь Кубани в начале XX века.....	7
Раздел 2. Между прошлым и будущим: культурная жизнь в 1917–1920 годах.....	20
Раздел 3. Рождение новой культуры.....	36
Раздел 4. Культурные процессы периода «Великого перелома» и 1930-х годов.....	49
Раздел 5. В годы Великой Отечественной войны	
5.1. Культурная жизнь в 1941–1945 гг.	62
5.2. Учёные Кубани в условиях военного времени.....	70
Раздел 6. Культурные ракурсы послевоенных лет (1945–1953)	
6.1. Основные тенденции культурного развития	77
6.2. Художественная интеллигенция и художественная жизнь Кубани в эпоху позднего сталинизма	82
6.3. Из истории кубанского самиздата (студенческий литературный альманах «Шестиголосие»)	93
6.4. «...Целесообразно эту просьбу временно отклонить»: о попытках создания филиала Академии наук на Кубани в 1940-е годы	101
Раздел 7. Последнее советское тридцатилетие	
7.1. Векторы культурного развития Кубани в середине 1950-х – середине 1980-х годов.....	110
7.2. Приподнимая «железный занавес»: международные контакты учёных Кубани.....	125
7.3. Пропаганда советских достижений в освоении космоса: как это было в Краснодарском крае.....	136
7.4. «Щедра спортивная нива Кубани»: подготовка к Олимпиаде-80 в Краснодарском крае.....	146
Раздел 8. Культурная жизнь Кубани в условиях радикальной трансформации общества (середина 1980-х – 1990-е гг.)	150
Библиография	159

Предисловие

В современной России историко-культурная проблематика приобретает особое значение. Её актуализации способствуют поиски оптимальной модели культурной политики, адекватных оценок культурного наследия Российской империи и СССР¹.

В фокусе представленной книги – содержание и основные тенденции развития культурной жизни в XX веке. Территориальные рамки исследования – Краснодарский край². Отдельные аспекты этой тематики (история научной жизни, образования, спорта, художественной жизни, культурно-просветительной работы; культурная политика на различных её этапах, судьбы творческих коллективов, история учреждений культуры, биографии деятелей науки и культуры) привлекали внимание историков-профессионалов, специалистов других областей социогуманитарного знания, писателей и журналистов³. Многочисленные «отраслевые» труды, однако, не могут заменить самостоятельных исследований, смысл которых заключается в определении направленности и содержания культурной деятельности, её последствий для общества. Важной составляющей таких исследований является анализ социальных аспектов функционирования культуры: культурной политики (важным инструментом которой, кроме прямого распорядительного управления, является распределение ресурсов – финансовых, материальных, кадровых, информационных⁴) и организации институтов, действующих в пространстве культурной жизни.

¹ См.: Кочеляева Н.А., Разлогов К.Э. Современное понимание культуры: от теории к законодательной практике // Культурологический журнал. 2012. №3 (9) [электронный ресурс] <http://www.cr-journal.ru/rus/journals/149.html>

² Территория данного региона сложилась из части земель, занимаемых до революции Кубанской областью и Черноморской губернией. После 1920 года эти две административные единицы были объединены в Кубано-Черноморскую область. В 1924 году образован Северо-Кавказский край с центром в Ростове-на-Дону, спустя 10 лет он разделён на два региона: Азово-Черноморский и Северо-Кавказский. 13 сентября 1937 г. Азово-Черноморский край расчленён на Ростовскую область и Краснодарский край, в состав которого вплоть до 1991 года входила Адыгейская автономная область.

³ Список основных трудов приведён в библиографическом приложении к данной книге.

⁴ Жидков В.С. Культура в свете современных научных воззрений // Художественная жизнь России 1970-х годов как системное целое. СПб, 2001. С. 39.

Материал книги сгруппирован в рамках следующих этапов: начало XX века; революция и Гражданская война; 1920-е годы (до начала «великого перелома»); конец 1920-х – начало 1940-х годов; 1941–1945 годы; 1945–1953 годы; середина 1950-х – середина 1980-х годов; вторая половина 1980-х – 1990-е годы.

При изложении событий и процессов 1900-х – начала 1940-х годов (изученных в трудах, предшествующих данной книге, значительно лучше, чем последующие этапы), а также перестроечных и постперестроечных лет нам представляется возможным ограничиться «базовыми» очерками. Что касается периода Великой Отечественной войны и послевоенных десятилетий, то рассматриваются не только основные тенденции культурной жизни, но и её разнообразные аспекты (в отдельных очерках).

Многогранность и богатство культурной жизни региона не могут быть исчерпывающе показаны в одной небольшой книге; многие проблемы лишь обозначены и требуют дальнейшего изучения.

Выражаю благодарность сотрудникам центральных и региональных библиотек, архивов, музеев, рецензентам книги, респондентам, поделившимся ценными для исследования воспоминаниями и фотоматериалами, моим коллегам и учителям.

I. Накануне великих потрясений: культурная жизнь Кубани в начале XX века

Конец XIX – начало XX в. в Российской империи были временем кардинальных перемен всего уклада жизни общества. Они были заметны не только в столицах и крупных городах, но и в провинции. В число развитых в культурном отношении регионов России всё уверенней входила Кубань: быстрыми темпами распространялась грамотность, создавались новые учебные заведения.

С 1895 по 1915 г. число учащихся на Кубани возросло более чем в пять раз (при этом больше половины детей вообще не училось в школах), в основном за счёт контингента начальных училищ и церковноприходских школ. Там учили чтению, письму, арифметике, пению, Закону Божьему, формировали трудовые навыки, физическую подготовку.

В кубанских городах и ряде станиц: Лабинской, Славянской, Усть-Лабинской – имелись средние учебные заведения – гимназии мужские и женские и реальные училища, где могли получить образование дети из зажиточных семей, выходцы из привилегированных сословий.

Адыгские дети учились в горских и русских начальных школах, в специальных классах русских гимназий, в мусульманских школах-медресе.

Взрослое неграмотное население посещало воскресные школы.

К 1917 г. из 100 казаков читать и писать умели 58, среди 100 крестьян – 47, среди 100 женщин казачек и крестьянок – 17. Уровень грамотности среди адыгов был гораздо ниже: среди мужчин – 9; среди женщин – 1 из 100¹.

В Кубанской области находились четыре учительские семинарии: по одной в станицах Полтавской, Бесскорбной и две в Екатеринодаре. Помимо этого в гимназиях, городских училищах существовали педагогические классы. В 1915 г. был открыт Майкопский учительский институт для подготовки учителей начальных школ и высших начальных училищ юга России. Профессиональное образование было представлено также сельскохозяйственными, ремесленными, техническими, коммерческими

¹ История Кубани с древнейших времён до конца XX века в 2 ч. Краснодар, 2011. Часть 1. С. 260. Об истории народного образования на Кубани см.: Трёхбратова С.А. Зарождение и развитие народного образования на Кубани. Краснодар, 2005.

школами и училищами. Кадры фельдшеров пополняли выпускники Екатеринодарской военно-фельдшерской школы.

Высших учебных заведений на Кубани не было, несмотря на ходатайства об их открытии, направленные в Министерство народного просвещения и в Государственную думу. Кубанское казачье войско, общественные организации, частные лица выделяли стипендии для обучения способных юношей и девушек в других городах.

В начале XX века были учреждены новые публичные библиотеки в городах и станицах Кубани: в 1900 г. в Екатеринодаре открылась библиотека имени А.С. Пушкина, в 1902 г. на рабочей окраине города «Дубинке» 2-я городская библиотека им. Н.В. Гоголя. Свои библиотеки имели школы, общественные организации, религиозные братства, церкви, монастыри².

Интересна история создания первой библиотеки в адыгейском ауле: основу её фонда составили книги (около пятисот), подаренные А.Н. Толстым во время личной встречи в Ясной Поляне жителю аула Тахтамукай А.Х. Гагагогу.

В начале XX века на Кубани появились новые памятники: в Екатеринодаре – Екатерине II (1907, проект М. Микешина, скульптор Б. Эдуардс)³, в Тамани – запорожцам, высадившимся на здешний берег 25 октября 1792 г. (1911, проект екатеринодарского художника П. Косолапа, скульптор А. Адамсон).

Дальнейшее развитие получило музейное дело. В 1904 г. открываются музеи в Армавире и Туапсе, Екатеринодарская картинная галерея. Музей Кубанского статистического комитета в Екатеринодаре (основанный в 1879 г. по инициативе Е.Д. Фелицына) в 1907 г. становится самостоятельным учреждением – музеем Кубанского казачьего войска. В 1909 г. был создан музей в Анапе, в 1915 г. – в Майкопе, в 1916 г. – в Новороссийске.

Острый дефицит медицинских кадров (особенно в сельской местности) ещё сохранялся, но появились родильные приюты, зубо-врачебные кабинеты, в 1913 г. – химико-бактериологическая лаборатория в Екатеринодаре. В лечебных заведениях городов под влиянием технического прогресса началось использование рентгеновских аппаратов. Имена талантливых хирургов и общественных деятелей – доктора медицины И.Я. Мееровича (первым в отечественной хирургии высказался за необходимость экстренного оперативного вмешательства при остром аппендиците, был одним из пионеров в области спинномозговой анестезии⁴), В.М. Платонова и других пользовались широкой известностью. С 1909 по 1945 г. на Кубани работал крупный специалист-офтальмолог С.В. Очаповский.

Ускорилось формирование санаторно-курортного комплекса Кубани и Черноморья. В 1901 г. доктор В.А. Будзинский открыл первый санаторий в Анапе, с 1908 г.

шло строительство курортных объектов в Сочи⁵. Расширился спектр курортных услуг в Горячем Ключе, Геленджике, Новороссийске.

В 1911 г. в Петербурге по инициативе Н.И. Воробьёва было основано Общество изучения Черноморского побережья Кавказа «в отношении историческом, географическом, этнографическом, экономическом и культурно-правовом». Оно немало сделало для популяризации сведений о Черноморском побережье среди широких слоёв русского общества. Сельскохозяйственная и культурно-промышленная выставка в столице «Русская Ривьера» (1913–1914) дала с помощью диаграмм, картограмм и прочей печатной продукции яркое представление о Черноморском побережье как уникальной курортной местности⁶.

Центрами просветительской деятельности на рубеже веков стали народные дома, находящиеся в ведении Попечительства о народной трезвости. Их оснащали библиотекой, читальней, чайным или столовым залом, оборудованным для проведения народных чтений с «волшебным фонарём» (оптическое устройство для проецирования на экран увеличенного изображения с прозрачных рисованных или фототрафаретных картин)⁷.

Важную роль в просвещении населения Кубани играло основанное в 1907 г. И.Я. Мееровичем Кубанское общество народных университетов. Его члены – врачи, учителя, адвокаты, инженеры – организовывали общеобразовательные и профессиональные курсы, читали лекции на различные темы – от здорового образа жизни до истории литературы и искусства. Немалая заслуга в развитии общедоступной медицины, распространении санитарно-гигиенических знаний, выработке мер борьбы с заразными болезнями принадлежала Обществу врачей Кубанской области.

Активно занимались просветительской и благотворительной деятельностью армянские, греческие, украинские и другие национальные организации⁸. Черкесское благотворительное общество, активным деятелем и председателем которого был автор работ по истории горских народов, железнодорожный инженер Б. Шарданов, много сделало для популяризации культуры адыгов⁹.

Большую исследовательскую и просветительскую работу вели члены Кубанского областного статистического комитета, Общества любителей изучения Кубанской области (ОЛИКО), Кубанского общества любителей изучения казачества. В их печатных изданиях («Кубанский сборник», «Известия ОЛИКО» и др.) публиковались результаты научных экспедиций, статьи по истории, этнографии, географии, климату, природным ресурсам, экономике региона¹⁰.

² См.: Слуцкий А.И., Финогина Л.С. Православные библиотеки на Кубани в XIX – начале XX вв. // Фёдор Андреевич Щербина. Казачество и народы Северного Кавказа: ист. и современность: сб. материалов IX Международной науч.-практ. конф. Краснодар, 2009. С. 281–293.

³ См.: Хорошенко Е.В. Памятник Екатерине II. Краснодар, 2006.

⁴ Бенман В.М., Авакимян В.А. Основные вехи становления хирургии и хирургических школ на Кубани // Кубанский научный медицинский вестник. 2000. №5 (53). С. 21.

⁵ Первая здравница была построена в посёлке Мацеста ещё в 1902 году, она представляла собой небольшое здание, в котором имелись две мацестинские ванны и котёл для подогрева воды.

⁶ См.: Черноморское побережье Кавказа / [сост. В. П. Доброхотов; под ред. Н. И. Воробьёва]. Изд. 2-е. ад. Краснодар, 2009.

⁷ См.: Бабич А.В. Просветительская деятельность Кубанского областного комитета попечительства о народной трезвости (1902–1917 гг.) // Вопросы Южно-российской истории. Вып. 17. Армавир, 2011. С. 83–87. Бريدня О.П. Народные чтения в Кубанской области // Культурная жизнь Юга России. 2006. №6. С. 28–29; Аях В.И. Просвещение и культура в истории кубанской станицы. Краснодар, 1997.

⁸ См.: Король К.Б. Основные этапы становления национальных организаций на Кубани // Культурная жизнь Юга России. 2008. №3 (28). С. 129–131.

⁹ О Б. Шарданове см.: Ващенко И.И. Дом Батырбека Шарданова. Исследования и документы. Краснодар, 2009.

¹⁰ Слуцкий А.И., Селиванова Н.А. Издательская деятельность местных статистических комитетов на Северном Кавказе

Кубань с её древнейшей историей, фольклором, природными богатствами привлекала большое внимание крупных научных учреждений – Кавказского отдела Русского географического общества, Кавказской археографической комиссии, в годы Первой мировой войны – Комиссии по изучению естественных производительных сил России и др.

В начале века продолжались исследования древних курганов под руководством известного археолога Н.И. Веселовского: коллекция золотых вещей из Майкопского кургана и ныне является гордостью собрания Эрмитажа.

Изучением полезных ископаемых Кубани занимался уроженец нашего региона известный минералог В.И. Воробьёв.

Важную роль в развитии агрономии сыграло основание Сочинской сельскохозяйственной и садовой опытной станции, Екатеринодарской лаборатории опытного табаководства, Кубанской сельскохозяйственной опытной станции. На опытно-селекционном поле «Круглик» начинал путь в науку будущий академик В.С. Пустовойт.

Значителен вклад в культуру Ф.А. Щербины, автора двухтомной «Истории Кубанского казачьего войска» (1910; 1913), «Истории Армавира и черкесогаев». Уроженец кубанской станицы Новодеревянковской Ф.А. Щербина был, кроме того, автором книги «Крестьянские бюджеты», заложившей основы российской бюджетной статистики. В 1904 г. его избрали членом-корреспондентом Петербургской академии наук.

В начале XX века на Кубани вновь (после закрытия существовавшей в 1882–1885 гг. газеты «Кубань») появилась частная пресса: читатели, желавшие регулярно получать информацию о местных событиях, могли теперь выбирать между официальной газетой «Кубанские областные ведомости» и иными изданиями. Наиболее стабильными из газет были екатеринодарские: «Кубанский край» и «Кубанский курьер»; «Черноморское побережье» (Новороссийск); «Отклики Кавказа» (Армавир); «Майкопское эхо»; «Ейский листок». Выходили также педагогические, ведомственные, общественно-политические и литературные журналы¹¹. Как утверждает в своих воспоминаниях А. Лукашевич, работавший в разных регионах страны журналист, по сравнению с провинциальной прессой Цен-

(1858–1917 гг.) // Книжное дело на Северном Кавказе: история и современность: сб. ст. Краснодар, 2003. Вып. 1. С. 20–96; Ратушняк Т.В. Первое краеведческое общество на Кубани (к 100-летию ОЛИКО) // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 1997. №3. С. 24–33. Науменко В.Е. Деятельность кубанских краеведов по охране культурного наследия региона в XIX – начале XX века // Культура. Наука. Образование. Учёные записки кафедры теории и истории культуры Краснодарского государственного университета культуры и искусств. Вып. 2 / отв. ред. Т.В. Коваленко. Краснодар, 2011. С. 136–157.

¹¹ См.: Городецкий Б.М. Периодика Кубанско-Черноморского края. 1963–1925. Адапт. переизд. Краснодар, 2010. Лучинский Ю.В. «Эхо» и «Слёзы»: первые сатирические журналы Кубанской области // I-формат. Журналистика провинции. Вып. 7. Ставрополь, 2011. С. 156–161; Слуцкий А.И. Из истории педагогической периодики Кубани // Проблемы изучения региональных СМИ: историко-типологические и прогностические аспекты. Краснодар, 2000. С. 12–16.

Журнал «Кубанская школа»
(из фондов ККУНБ)

тральной России и Севера прессу Кубани отличали большая актуальность, красочность, обилие фельетонов на политические темы¹².

На страницах газет регулярно сообщалось о новинках: книгах, нотах, художественных изданиях, поступивших на книжные склады местных магазинов. Читатели имели представление о жизни и творчестве мастеров искусства благодаря критическим обзорам литературной и художественной жизни, рецензиям столичных и местных авторов. Печатались произведения признанных (М. Горький, И. Бунин, В. Короленко, Е. Чириков) и молодых, подававших большие надежды литераторов (А. Грин, В. Гофман, С. Маршак). Перед приездом в регион литераторов-гастролёров в газетах обязательно появлялись заметки об их творчестве.

На Кубани знали и любили произведения земляков – бытописателя и юмориста Н. Канивецкого, поэта и фольклориста А. Пивня (его книжки выходили в Москве, Киеве, Харькове), популяризатора истории казачества П. Орлова, автора исторических пьес и рассказов, издателя рабочего журнала «Прикубанские степи» М. Седина, учителя из станицы Родниковской, знатока обычаев и традиций многонациональной Кубани Л. Розенберга¹³, врача Псекупской войсковой больницы И.Ф. Косинова, украинских литераторов Я. Жарко, В. Потапенко, Г. Доброскока, А. Кирия.

Героями большинства произведений кубанцев становились обычные станичники. Их будни и праздники, общение с родственниками, соседями, чиновниками, военная служба оживали в рассказах, небольших повестях, стихотворениях.

Литераторы-адыги (И. Цей, С. Сиюхов) писали об истории и культуре горских народов, о политике царского правительства на Северном Кавказе. Широкою популярностью среди адыгского населения приобретало творчество поэта-ашуга Ц. Теучежа.

С Кубанью начала века связаны судьбы ряда известных писателей. На побережье подолгу или наездами жили В.Г. Короленко (в Джанхоте), С.И. Васюков (в Архипо-Осиповке), И.Ф. Наживин (вблизи колонии толстовцев «Криница», недалеко от Геленджика), Е.Ю. Кузьмина-Караваева – будущая героиня французского Сопротивления, затем принявшая монашество и прославившаяся под именем мать Мария (в Анапе), В.И. Дмитриева (в Сочи). В местных газетах «Кубанские областные ведомости» и «Черноморское

Устав Ейского кружка любителей музыки
(из фондов ГАКК)

¹² ОР РГБ. Ф. 458. Карт. 10. Ед. хр. 18. Л. 2–3.

¹³ Лучинский Ю.В. Лев Розенберг: этнограф из станицы Родниковской // Журналистика: историко-литературный контекст. Вып. 2. Краснодар, 2003. С. 153–167.

побережье» состоялись литературные дебюты 17-летнего Ф. Гладкова и 16-летней М. Шагинян – будущих известных советских писателей. Ф. Капельгородский, учительствуя в с. Успенское, создал сборник стихов «Отзвуки жизни», а сидя в армавирской тюрьме, работал над повестью «Записки семинариста».

Празднования литературных юбилеев классиков, утренники, спектакли, вечера декламации, народные гуляния становились событиями в жизни городов и сельских районов.

Художественное пространство региона во многом формировалось любительскими объединениями. Артистические общества, общества любителей изящных искусств, музыкально-драматические, художественные кружки возникали в городах и в сельской местности; они вели пропаганду искусства, воспитывали художественный вкус. Устраивались публичные спектакли, концерты, вечера, лекции, выставки. Газеты нередко сообщали об аншлагах на любительских спектаклях, об успехе вечера, посвящённого тому или иному выдающемуся деятелю литературы и искусства¹⁴. В уставах некоторых кружков и обществ было закреплено право создания учебных заведений художественного профиля.

Широкое распространение получило театральное любительство. Спектакли устраивали школьники, профессиональные организации и даже служилые казаки в офицерских войсковых собраниях (существовавшее тогда законоположение запрещало военнослужащим участвовать в любительских спектаклях вне военного клуба). Большое значение придавалось общедоступным, с минимальными ценами или вовсе бесплатным, спектаклям в народных домах. К участию в таких постановках нередко привлекались рабочие, станичники, часто неграмотные, выучивавшие свои роли на слух¹⁵.

В рамках кружков и обществ основывались национальные секции; некоторые организации изначально возникали как национальные, например Эллинское филармоническое общество в Екатеринодаре, многочисленные украинские кружки и т.д. Силами Черкесского благотворительного общества осуществлялись первые театральные постановки на сюжеты из истории адыгов.

Артисты-любители привлекались к участию в спектаклях гастролировавших профессиональных коллективов. Например, любимец екатеринодарской публики врач по профессии И.Б. Шварц исполнял сложнейшие роли, удивляя даже профессионалов. Его брат, адвокат А.Б. Шварц пробовал свои силы как антрепренёр. В майкопских постановках играл и третий брат – врач А.Б. Шварц с женой М.Ф. Шварц. Неудивительно, что следующее поколение этой семьи представляли заслуженный артист РСФСР А.И. Шварц и драматург Е.Л. Шварц – автор пьес «Тень», «Обыкновенное чудо», «Дракон». Последний спустя много лет тепло вспоминал о своём кубанском детстве: о первом знакомстве с оперой, о любительских спектаклях, о посещении Екатеринодарской картинной галереи¹⁶.

¹⁴ См.: Еремеева А.Н. Организации любителей искусства дореволюционной Кубани // Сборник работ преподавателей гуманитарных наук. Краснодар, 1994. С. 151–156.

¹⁵ См.: Комиссинская Л.В. Любительский театр Кубани XIX – начала XX в. Дисс... канд. искусствоведения. М., 1993.

¹⁶ Шварц Е. Живу беспокойно. Из дневников. Л., 1990.

Здание театра в Новоросийске (из фондов ГАКК)

Материальная база культуры на Кубани создавалась в течение многих десятилетий. За неимением или недостаточностью театральных помещений спектакли и концерты проходили в залах дворянского и офицерского собраний, в частных домах, в различных клубах, народных домах, курортных залах, гостиничных помещениях. В Анапе и Геленджике имелись курзалы, специально отведённые для культурного отдыха и развлечений курортной публики. В летний сезон работали летние театры, строившиеся, как правило, на территории городского сада. Культурно-зрелищные заведения нередко находились в непосредственном соседстве с гостиницами и санаториями¹⁷.

В начале XX века для публики открылись двери новых благоустроенных театров в Екатеринодаре (Летний, Зимний и Северный), Новоросийске, Армавире. В Майкопе в 1900 г. был построен Пушкинский дом, где размещались учреждения культуры, проходили спектакли и концерты. В Армавире обосновалась первая в области стационарная труппа.

Театральные помещения сдавались в аренду гастролёрам. Уровень приезжих коллективов был различным: никому не известные провинциальные труппы пытались

¹⁷ См.: Ктиторов С.Н. Зрелищно-развлекательные учреждения на Черноморском побережье Северо-Западного Кавказа (конец XIX – начало XX в.) // Аргонавт. Черноморский исторический журнал. 2006. №2. С. 39–50. Григорян Г.А. Театральная инфраструктура Кубани и Черноморья во второй половине XIX – начале XX веков. Дисс... канд. культурологии. Краснодар, 2009.

привлечь зрителя интригующими названиями; за прославленных и знаменитых говорило само их название: труппа Н. Синельникова, украинские труппы Д. Гайдамаки, С. Глазуненко, ансамбль киевского театра «Соловцов» под руководством Э. Дуван-Торцова и др.

В городах Кубани устраивались оперные сезоны. В составе оперных трупп на родину приезжал всемирно известный певец В. Дамаев, уроженец станицы Отрадной Кубанской области. На Кубани гастролировали знаменитые певцы Л. Собинов, Ф. Шаляпин, Н. Плевицкая, пианисты и композиторы С. Рахманинов, А. Скрябин и др.

Местные органы власти старались делать всё необходимое для того, чтобы обеспечить и финансовый успех, и высокий художественный уровень постановок гастролировавших коллективов. Городские управы в лице специальной структуры – театральной комиссии – ведали городскими театрами, театральным имуществом. Театральная комиссия контролировала деятельность антрепренёров, утверждала репертуар, следила за качеством исполнения пьес, за выполнением оговоренных в контракте финансовых обязательств перед городом¹⁸.

Как и по всей России, своих поклонников на Кубани имели театры миниатюр. Они арендовали небольшие, часто подвальные, помещения. Известный на юге режиссёр А. Сумароков вспоминал: «Мелкие антрепренёры ухватывались за это дело. Небольшая труппа, человек десять–двенадцать во главе с режиссёром, оркестрик из шести–семи человек, включая дирижёра. Расходы не бог весть какие, а между тем можно давать по несколько сеансов в день. Дешёвые билеты, возможность не снимать пальто и калош, непродолжительность сеанса (не более двух часов), занимательная программа – всё это привлекало зрителей»¹⁹.

Хорошо оборудованных цирковых помещений в регионе не было, гастролёры разворачивали свои шатры вблизи рынков. Лишь в 1914 г. в Екатеринодаре возвели дощатый цирк на 2000 зрителей, высокопарно названный «Колизеум». На Ку-

Афиша «электро-театра» «Аполло», ст. Лабинская (из личной коллекции В. Якубова)

1. Ф.А. Коваленко в картинной галерее (из фондов ККХМ)
2. Г. Аветисян «Мальвы» (из фондов ККХМ)

¹⁸ Григорян Г.А., Еремеева А.Н. Организация театральной жизни в российской провинции: конец XIX – начало XX в. (на примере Кубанской области и Черноморской губернии) // Социально-гуманитарные знания. 2008. №4. С. 219–222.

¹⁹ Сумароков А. Глазами актёра. Киев, 1966. С. 210.

А. Киселёв. Фелуки на берегу моря (из фондов ККХМ)

бани выступали знаменитый дрессировщик В. Дуров, «чемпион чемпионов» борец И. Поддубный, впоследствии многие годы живший в Ейске.

Когда в жизнь россиян вошёл кинематограф, предприниматели, чётко уловив конъюнктуру, начали массовое строительство «синематографов», «электробиографов», «иллюзионов» (так первоначально назывались кинотеатры), основывали прокатные конторы и киностудии. Даже роскошный «скейтинг-ринк», сооружённый в Екатеринодаре для катания на роликовых коньках, вскоре был переоборудован под электробиограф «Мон Плезир».

Развитие изобразительного искусства на Кубани тесно связано с деятельностью коллекционера Ф.А. Коваленко, создавшего в 1904 г. в Екатеринодаре картинную галерею – первую на Северном Кавказе. Наряду с постоянными выставками здесь дважды в год проводились периодические, в которых участвовали художники со всей России, в том числе и кубанцы – Г. Аветисян, Р. Колесников, В. Ступников, Н. Шариков, А. Марин, Г. Котелевец, П. Крутько и др.

В 1900 г. уроженец Темрюка художник Е.И. Посполитаки основал художественную школу в Екатеринодаре. В 1911 г. по инициативе художественного кружка при Екатеринодарской картинной галерее была открыта школа живописи и рисования. Директором её стал П.С. Краснов.

На Черноморском побережье жил и творил известный пейзажист А.А. Киселёв. На нескольких его картинах 1900-х годов изображены окрестности Туапсе.

Важное место в музыкальной культуре Кубани принадлежало хору и оркестру Кубанского казачьего войска, основанному в 1811 г. Хором в начале XX века руко-

водили уроженцы Кубани, знатоки местного фольклора Г.М. Концевич и Я.М. Тараненко. В репертуаре коллектива были произведения русской и зарубежной хоровой классики, церковная музыка, кубанские песни. Хор пел в Войсковом соборе, участвовал в светских концертах. Войсковой оркестр, пройдя почти вековой этап обслуживания вечеров в Войсковом собрании, превратился в высококвалифицированный симфонический коллектив, чему немало способствовали его дирижёры – К. Воут, Е. Эспозито, С. Столерман²⁰. Музыканты и певчие, обученные в Войсковом оркестре и хоре, возвратившись в родные станицы, собирали вокруг себя любителей музыки и создавали музыкальные коллективы. Практически в каждой станице был свой народный хор²¹.

В симфонических оркестрах кубанских городов играли профессионалы и любители. Летом оркестровая музыка звучала в городских парках. На Черноморском побережье популярностью пользовался оркестр 252-го Анапского резервного батальона под руководством капельмейстера А. Замулы²².

В регионе было немало частных музыкальных школ, студий, курсов. Среди их преподавателей – выпускники ведущих российских и зарубежных консерваторий Е.Ф. Ширинская (Кассан), А.А. Никулина, Л.В. Тюменева (Кича) и др. У истоков музыкального образования в Сочи стоял окончивший Московскую консерваторию, ранее работавший в прославленной капелле Архангельского И.А. Шмелев²³. Под его руководством сочинский церковный хор стал ведущим хоровым коллективом Черноморской губернии²⁴.

В 1900 г. в Екатеринодаре, вслед за другими крупными российскими городами, было основано отделение Императорского русского музыкального общества (ИРМО). Идея его создания принадлежала дирижёру, музыкальному педагогу П.А. Махровскому и юристу, видному общественному деятелю, знатоку казачьего фольклора А.Д. Бигдаю. Благодаря активной деятельности Екатеринодарского отделения ИРМО в городе появились сначала музыкальные классы, а в 1909 г. – музыкальное училище, в котором с 1911 г. работали молодые, но уже известные в России музыканты А. Дроздов и М. Гнесин. Они стали инициаторами лекций-концертов и грандиозных по местным масштабам праздников современного искусства (1912, 1913)²⁵.

Развитие образовательной инфраструктуры в области искусства привлекало в регион художественную интеллигенцию²⁶.

²⁰ См.: Борисов Б., Борисов Г., Бурый Б. Краснодарская филармония. Прошлое и настоящее. Краснодар, 1989. С. 23–26.

²¹ См. Кияшко И.И. Войсковые певческий и музыкантский хоры Кубанского казачьего войска. 1811–1911 годы: исторический очерк столетия их существования. Екатеринодар, 1911; Ерёмко С.И. Хоровое искусство Кубани. Краснодар, 1977; Фролкин В.А. Кубанский симфонический оркестр (1812–2002). Краснодар, 2002.

²² Слепов А.А. Музыка и музыканты Кубани // Энциклопедический словарь по истории Кубани: с древнейших времён до октября 1917 года / Авт. идеи, сост., науч. ред., рук. авт. коллектива Трёхбратов Б. А. Краснодар, 1997. С. 283.

²³ См.: РГАЛИ. Ф. 2503. Оп. 2. Д. 104. Л. 15.

²⁴ Слепов А.А., Шмелёв И.А. // Энциклопедический словарь по истории Кубани... С. 540.

²⁵ См.: А.Н. Дроздов в Екатеринодаре (1911–1916). Статьи, лекции, письма / ред.-сост. М.А. Дроздова. Краснодар, 2008; Фролкин В.А. Из истории Екатеринодарского отделения ИРМО // Русское музыкальное общество (1859–1917): История отделений. М., 2012. С. 404–418. Фролкин В.А. Краснодарский музыкальный колледж им. Н.А. Римского-Корсакова. История, события, факты (1906–2006). Краснодар, 2006.

²⁶ См.: Горлова И.И., Слуцкий А.И. К вопросу об исторических особенностях формирования образовательной инфраструктуры в области культуры и искусства Краснодарского края // Гуманитарное образование в современном вузе: традиции и новаторство: материалы регион. науч.-практ. конф. – Краснодар, 2002. – С. 105–113; Еремеева А.Н. Художественная интеллигенция Кубани в первой четверти XX века: исторический, социокультурный и биографический аспекты. Дисс... канд. ист. наук. М., 1993.

Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война вторглась во все сферы жизни общества. Юг России, будучи в относительном отдалении от фронтов, всё-таки почувствовал её близкое дыхание. Мобилизации, госпитали с огромным количеством раненых, гибель на фронтах родных и близких, поток армянских беженцев – жертв турецкого геноцида, поиски внутренних врагов (кампания по борьбе с «немецким засильем», депортации турецко-, германско- и австро-венгерских подданных), разочарование в силе общечеловеческих добродетелей – всё это угнетающе воздействовало на людей.

Для обеспечения фронта и тыла стратегическим сырьём на Кубань, как перспективную в плане полезных ископаемых территорию, направлялись научные экспедиции Комиссии по изучению естественных производительных сил (КЕПС) и других учреждений. Особое внимание уделялось нефтеносной территории в районе Майкопа, Таманскому полуострову (на предмет добычи там бора, йода, серы), использованию грязевых вулканов в лечебных целях. Общественные организации и научные учреждения Кубани оказывали посильную помощь фронту²⁷.

При эвакуации с западных территорий на юг перемещалось не только население, переводились учреждения науки и культуры. В Ростов-на-Дону, например, переехал Варшавский университет, несколько месяцев в этом же городе пребывала Киевская консерватория во главе с Р.М. Глиэром.

Эвакуация крупных университетов, правительственные проекты в плане организации новых вузов рождали соперничество между российскими городами. Они боролись за право стать вузовским центром. В ходатайстве Екатеринодарской городской думы о переводе в столицу Кубани «находящегося временно в Харькове» Новоалександрийского института сельского хозяйства отмечалось, что «собственный рассадник высшего образования» будет способствовать превращению Кубанской области в русский Тироль, «могущий завалить Россию и соседние страны продукцией плодоводства». В центре Екатеринодара планировалось отвести 20 десятин земли для будущих зданий института, а в пригороде – 200 десятин для учебного хозяйства²⁸. Проект тогда не осуществился, однако сама инициатива говорит о многом.

Военная тема выплёскивалась на страницы периодики²⁹, начала выходить газета «Листок войны», в Екатеринодаре был издан «Сборник славы кубанцев» (произведения участников текущей войны)³⁰.

Устраивались многочисленные спектакли, концерты, выставки в пользу жертв войны. Выражая солидарность с воюющими на фронте, театральные труппы и музыканты исключали из репертуара сочинения немецких авторов, осуществляли постановки батально-патриотических пьес. В синемаатографах после сеансов демонстрировалась военная хроника.

²⁷ См.: Еремеева А.Н., Параскевопуло А.П. Научная жизнь Юга России в годы Первой мировой войны // Народы Юга России в отечественных войнах. Материалы международной научной конференции. Ростов н/Д, 2012. С. 244–250.

²⁸ Кубанская мысль. 1915. 10 окт.

²⁹ См.: Лучинский Ю.В. Пресса Кубанской области и Черноморской губернии в 1914 году // Книжное дело на Северном Кавказе: история и современность. Вып. 3. Сб. статей / Ред.-сост. А.И. Слуцкий / КГУКИ. Краснодар, 2005. С. 184–193.

³⁰ Борец И.И. Сборник славы кубанцев: повести, рассказы, стихотворения, статьи, письма и заметки. Изд. 2-е. Краснодар, 2010.

«Сборник славы кубанцев».
Кн. 1. Екатеринодар, 1916 (из фондов ККУНБ)

Современники отмечали и невиданный рост зрительского интереса к театру, и одновременно изменение состава публики и её вкусов в худшую сторону. Это объяснялось многими факторами, в том числе антиалкогольными мероприятиями, закрытием питейных заведений, необходимостью разрядки в атмосфере военного времени. «Битковые» сборы оказались тем соблазном, который провинциальный театр не смог преодолеть³¹. Оживление в театральную жизнь внесла, главным образом, развлекательная пьеса. Гораздо больший, чем раньше успех выпадал на долю театров «малых форм».

Непосредственно накануне Февральской революции на Кубани гастролировали труппы Э. Берже и П. Амираго, несколько украинских коллективов. В майкопском цирке чужодействовали маги, демонстрируя «прикосновения духов» и «живых мертвецов»³². В Новороссийске с большим успехом выступал симфонический оркестр Кубанского казачьего войска под управлением С. Столермана³³.

В феврале 1917 г. в рамках южнороссийских гастролей кубанские города посетили известные российские литераторы Е. Чириков (с лекцией «Сказка русского народа»), «громкокопящий» И. Северянин, «поэт-авиатор», футурист В. Каменский.

Итак, развитие культуры Кубани шло в русле закономерностей, характерных для провинциальной России в целом. Повышение уровня образованности населения, увеличение численности интеллигенции обусловило интерес к печатному слову, к литературе, искусству. Своеобразные культурные очаги складывались в курортных зонах. Специфический колорит культурной жизни Кубани придавала полиэтничность её населения.

Помимо администрации Кубанской области и Черноморской губернии, органов местного самоуправления большую роль в развитии культуры играли общественные организации, в том числе национальные объединения. Совместными усилиями формировалась образовательная и культурная инфраструктура, создавались условия для развития профессионального искусства.

³¹ См.: Альтицлер А.Я., Герасимов Ю.К. Театр русской провинции // Русская художественная культура конца XIX – начала XX века. Кн. третья. М., 1977. С. 189.

³² Майкопское эхо. 1917. 12 янв.

³³ Черноморская газета. 1917. 8 янв.

2. Между прошлым и будущим: культурная жизнь в 1917–1920 годах

Годы революции и Гражданской войны на Кубани оказались насыщенными в культурном отношении. Учреждения Временного правительства, Кубанское краевое правительство, органы советской власти, денikinская администрация – все были заинтересованы в стабильной работе институтов образования и культуры. Активно действовали в этом направлении и общественные организации. Важным фактором интенсивной культурной жизни стало массовое бегство на Кубань, особенно в период «деникинщины», петроградцев и москвичей.

Поскольку известие о победе *Февральской революции* пришло на Кубань через несколько дней после начала событий в столице, революция была воспринята как свершившийся факт. Митинги и демонстрации в её поддержку прошли во всех городах и даже небольших населённых пунктах. Были созданы гражданские комитеты – опора комиссаров, назначенных Временным правительством, а также Советы. На страницы периодических изданий выплеснулось море восторженных публикаций. Гимны революции пели литераторы и журналисты различной политической ориентации: социал-демократы, эсеры, кадеты. И даже вчерашние сотрудники самых ортодоксальных промонархических изданий поздравляли «свободных людей великой России» с «падением цепей». Журнал «Кубанский казачий вестник», ещё 19 февраля 1917 года поместивший портрет Николая II в казачьем мундире с верноподданническими комментариями, ровно через месяц, 19 марта, напечатал панегирик новой власти – стихотворение С. Копыткина «Весна русской свободы».

«Кубанский Третьяков» Ф.А. Коваленко выступил с инициативой создания музея Великой революции при картинной галерее. Население призывало активно участвовать в формировании новых фондов – приносить в музей газеты, журналы, прокламации, фотографии революционной поры¹.

Имело место «хождение во власть» журналистов и литераторов: гласными екатеринодарской думы стали редакторы газет Н. Аркадьев, Н. Розанов, Н. Рындин, И. Гольман. Все они, кроме кадета Рындина, представляли левые партии. В областной

Совет от станицы Пашковской избрали Ф. Гладкова. В списках делегатов Кубанской краевой рады значились фамилии атамана станицы Брюховецкой, поэта И. Шевеля, руководителя хора Кубанского казачьего войска Г. Концевича. В городскую думу Анапы избрали поэтессу Е. Кузьмину-Караваеву.

Революция стала и катализатором процессов в области образования. Под влиянием провозглашённых идей демократии и равенства на Кубани открылись многочисленные курсы по ликвидации неграмотности, новые школы. В апреле 1917 г. на съезде кубанских учителей было решено способствовать введению украиноязычного преподавания в школах, где этого пожелают родители учеников, открыть курсы для подготовки украинских учителей².

Активизировалось движение за создание высших учебных заведений. Планировалось слияние музыкального училища с оркестром и хором Кубанского казачьего войска и основание музыкальной академии на правах консерватории³.

На киноэкранах появились ранее запрещённые фильмы и только что привезённые из столиц хроники революционных событий в Петрограде и Москве. Лучшей рекламой для публики было уведомление на афишах о демонстрации ранее запрещённого фильма или пьесы: фильмы, ранее слегка «пощипанные» цензурой, подавались под грифом «Без царских вырезок».

Актёры, музыканты, художники активно участвовали в прославлении революции. На сценических площадках проводились концерты-митинги – красочные, эмоциональные, где политика переплеталась с искусством. Вот типичное объявление той поры из армавирской газеты «Отклики Кавказа»: «22 марта в театре Меснянкина состоится инсценированный концерт, устраиваемый Советом рабочих и воинских депутатов. Участвуют артисты государственных и частных театров. После концерта – апофеоз “Великая Россия” с участием хора и оркестра. Исполнена будет “Дубинушка”»⁴.

Как известно, 26 марта 1917 г. Временное правительство представило министру финансов полномочия выпустить пятипроцентный внутренний заём на военные нужды под названием «Заём свободы 1917 г.» Поддержали его все политические партии, кроме большевиков. Мастера искусств участвовали в конкурсах плакатов, в театрализованных представлениях, пропагандируя данную инициативу⁵. Местные газеты пестрели информацией об условиях займа, стихами и призывами «защитить свободу, подписавшись на заём». Из артистов и музыкантов формировались бригады для распространения займа в сельской местности⁶. Антиреклама займу давалась в основном в органе кубанских большевиков «Прикубанская правда» (её редактором был М. Седин).

Комитеты, советы, комиссии, созданные в Петрограде в 1917 г., в многочисленных документах и обращениях призывали предотвратить разрушение культурных

² Васильев И.Ю. Украинское национальное движение и украинизация на Кубани в 1917–1932 гг. Краснодар, 2010. С. 17–18.

³ ГАКК. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 193. Л. 5 об.

⁴ Отклики Кавказа. 1917. 19 мар.

⁵ См.: Страхов В.В. «Заём Свободы» Временного правительства // Вопросы истории. 2007. №10. С. 31–45.

⁶ Об одной из таких экспедиций рассказал на страницах газеты известный кубанский писатель и актёр В. Потапенко (С займом свободы по Кубани // Свободная Кубань. 1917. 7 июня).

¹ Кубанский край. 1917. 30 мар.

ценностей. В апреле 1917 г. Кубанский областной исполком призвал не сносить памятник Екатерине II в Екатеринодаре как ценное произведение искусства⁷. На данном этапе памятник «выжил».

Среди театральных постановок лидирующее положение на Кубани, как и в столицах, занимал «Павел I» Д. Мережковского. Практически везде он шёл много раз и с аншлагами. Большой интерес вызвала и пьеса Ф. Протопопова «Чёрные вороны». Написанная в 1909 г., она по ходатайству Церкви и Союза русского народа была запрещена за подрыв авторитета православного духовенства (автор коснулся окружения знаменитого Иоанна Кронштадтского), и провинциальный зритель до этого знал о ней только понаслышке.

Заметное место в художественном творчестве, особенно в кинематографе, заняла так называемая распутинская тема, дававшая возможность сочетать обличение царского режима с эффектной подачей «интимных подробностей».

В связи с выдвинутой временем необходимостью художественные коллективы считали своим долгом сформировать репертуар, созвучный революции. Подходящие пьесы найти было сложно, приходилось искать «промежуточные варианты». Так, из цензурных архивов извлекали пьесу Е. Карпова «Зарево» о событиях Первой русской революции: её действие связано с политической забастовкой (героиня – революционерка), но главным в этом сценическом произведении всё-таки оставалась любовная интрига⁸. Поставленный в Новороссийске вариант пьесы заканчивался пением революционных гимнов⁹.

Новый смысл приобретали поставленные ещё на дореволюционной сцене пьесы кумиров демократической интеллигенции Л. Андреева, Е. Чирикова, произведения зарубежных драматургов Э. Верхарна, М. Метерлинка, Г. Гауптмана, ведь многое, за что боролись их герои, казалось, будет осуществлено в новой России.

Злободневностью могли похвастать и театры миниатюр. Антимонархические, «антираспутинские» куплеты, сценки, монологи конференсье получили широкое распространение, особенно в первые послефевральские месяцы.

К революционной тематике обращались композиторы. В репертуаре симфонического оркестра Кубанского казачьего войска наряду с «Марсельезой» появилось новое произведение его дирижёра М.Ф. Сирияно «Памяти 9 января 1905 года»¹⁰.

Развитие событий после Февральской революции внешне не нарушило привычной череды событий в мире культуры, даже Октябрьское вооружённое восстание не изменило коренным образом ситуацию в первое время. Пока «триумфальное шествие Советской власти» не достигло юга, местное население не осознавало (или не хотело осознавать) всей серьёзности происходившего. Несмотря на беспокойное состояние общества в целом и большинства граждан, даже у политиков ещё жила надежда на локальность и временность событий, развернувшихся в центре России. Известный художник-график Д. Митрохин писал 13 ноября 1917 г. из приазовского

города Ейска: «Здесь всё по-прежнему; режут здесь пока только свиной <...> После холодной недели – опять солнце и тепло»¹¹. Без сбоев обычного ритма работали учреждения искусства, даже, пожалуй, увеличился удельный вес вечеров юмора, комедийных постановок, цирковых представлений в общем потоке зрелищ. В зрительных и выставочных залах, в череде развлечений публика пыталась отрешиться от тревожных реалий и неясных перспектив ближайшего будущего.

Процесс советизации региона тянулся с ноября 1917 по март 1918 г. Время т. н. первых Советов (до конца августа 1918 г.) было отмечено вспышками военных действий. Тем не менее вопросы, относящиеся к сфере культуры, активно ставились и решались новой властью.

Наркомат просвещения Кубано-Черноморской республики тогда возглавляла Е. Полуян-Верецкая. Дочь инженера-путейца, она с детства обучалась музыке, иностранным языкам, с золотой медалью окончила гимназию, училась в Женском политехническом институте, а затем на высших Бестужевских курсах¹². Председатель Совета народных комиссаров (СНК) Ян Полуян был сыном казака. Он тоже окончил гимназию и даже проучился недолго в Киевском университете (исключён за революционную деятельность)¹³.

Был введён контроль над деятельностью учреждений культуры, принимались меры для обеспечения их безопасности. И это было своевременным, так как в день взятия Екатеринодара Красной армией солдаты учинили беспорядки в городской картинной галерее: были вынесены ценности, выбиты стёкла, повреждены кафельные печи, замки¹⁴. «С чувством тяжёлой боли приходится говорить об этом, – писал 4 апреля 1918 г. орган кубанских Советов «Известия», – картинная галерея – это достояние народа, это сокровищница культурных ценностей». Комиссариат народного просвещения попытался компенсировать ущерб, нанесённый галерее, распорядившись сдать туда сервизы, скатерти, кувшины, конфискованные в домах «классово чуждых элементов». В залах галереи был произведён ремонт. Исполком Екатеринодарского совета рабочих, воинских и крестьянских депутатов подтвердил высокий статус галереи¹⁵. Ф.А. Коваленко получил удостоверение, в котором указывалось, что он освобождается от реквизиции белья, от мобилизации, что не допускается его арест без санкции Совдепа и ЧК¹⁶ (аналогичные удостоверения получили другие деятели культуры).

Практически все ранее издававшиеся на Кубани газеты были закрыты, хотя монополия большевистской прессы ещё не установилась: выходили печатные органы левых партий, профсоюзов, Кубанский союз увечных воинов издавал научно-литературный и художественный журнал «Сын Отечества».

⁷ ГАКК. Ф. 1259. Оп. 1. Д. 15. Л. 2.

⁸ Петровская И. Театр и зритель российских столиц. Л., 1990. С. 183.

⁹ Черноморская газета. 1917. 23 мар.

¹⁰ Листок войны. 1917. 30 апр.

¹¹ Книга о Митрохине. Статьи. Письма. Воспоминания. М., 1986. С. 105.

¹² Инишаков П., Корниенко Л. Народный комиссар // Герои Октября. Краснодар, 1977. С. 373.

¹³ Седина А. Ян Полуян // Там же. С. 59–60.

¹⁴ См.: Золотарёва И.Д. К истории ограблений Екатеринодарской городской картинной галереи им. Ф.А. Коваленко (1914–1918) // Коваленковские чтения, 2000. Художественный музей в контексте истории. Научно-практ. конф. Сообщения. Вып. 7. Краснодар, 2000. С. 25–31.

¹⁵ ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 5. Л. 239.

¹⁶ Там же. Л. 239.

Началась реформа школьного образования: его сделали доступным для всех слоёв населения, вводилась единая структура, стандартные учебные планы. «Дело народной власти <...> ввести учебную жизнь в нормальное русло», – подчёркивала Е. Полуян в обращении к населению г. Екатеринодара¹⁷.

В начале 1918 г. было основано «Общество попечения о Кубанском политехническом институте». По мнению историка И.Я. Куценко, ведущую роль в Обществе играли секретарь городского управления Екатеринодара П.В. Миронов и известный учёный-физик Б.Л. Розинг¹⁸, дочь которого позже вспоминала: «Папа, конечно, не сидел без дела, кое-что писал и думал, чем бы ему заняться. Ему пришло в голову начать организацию в Екатеринодаре высшего технического учебного заведения <...>. Он правильно учёл, что в Екатеринодаре скопилось много опытных инженеров, местных и приезжих, было даже несколько столичных профессоров, томившихся без дела, а также много молодёжи, окончивших школы в этом году и никуда не смогших поехать для продолжения образования, да и многие студенты вернулись домой из Москвы и Петрограда»¹⁹.

Общество попечения о Кубанском политехническом институте сделало Б.Л. Розинга своим представителем в народном комиссариате просвещения Кубано-Черноморской советской республики. На основании подготовленных под его руководством документов 16 июня 1918 г. было принято решение об открытии в Екатеринодаре Северо-Кавказского политехнического института с шестью отделениями²⁰.

Не прекращали работать музыкальные и художественные учебные заведения – и частные, и состоявшие в подчинении или на обеспечении у структур, уже фактически не существовавших в прежнем виде: Русского музыкального общества (РМО), Академии художеств.

В мае 1918 г. Советом народных комиссаров Кубано-Черноморской республики издан приказ о создании (на базе музыкального училища РМО) Кубано-Черноморской консерватории. Для этого выделялось 93 тыс. руб.²¹ Серьёзным препятствием для исполнения приказа стал конфликт в училище: между членами художественного совета, в который входили члены местного отделения РМО, и преподавателями, с одной стороны, с другой – между педагогами и учащимися. Арбитрами

Б.Л. Розинг
(<http://images.yandex.ru/yandexsearch>)

выступили представители власти. Конфликт, широко обсуждавшийся в прессе, стал одной из причин создания в следующем году двух консерваторий.

На рассмотрение новой власти в апреле 1918 г. был поставлен вопрос о необходимости преобразовать екатеринодарскую художественную школу в училище. Ратуя за это, директор П. Краснов в качестве основных задач будущего учебного заведения выдвигал «содействие культурному подъёму трудового народа, распространение художественного развития, вкуса, художественной грамоты среди трудящихся»²². Однако открытие училища на данном этапе не состоялось.

В ведение новой власти перешли музыкантский и певческий хоры Кубанского казачьего войска. «Оркестр Кубано-Черноморской федеративной республики» и «Советский хор» (новые названия, данные этим коллективам) рассматривали как «рассадники искусства в среде трудового народа Кубани»²³.

Театры и синемаграфы тоже стали «достоянием республики». В условиях комендантского часа театральные билеты служили пропуском для свободного прохода по улицам до 11 часов вечера. Когда фронт подступал близко, комендантский час соблюдался гораздо строже. После 9 часов вечера хождение запрещалось. Тогда антракты сокращали, и спектакли оканчивались в половине девятого²⁴.

О какой-либо репертуарной политике говорить не приходилось в связи с отсутствием нового репертуара. Но театральные коллективы, ставившие пьесы «сомнительной идеологической ориентации», были объектом строгого порицания. Так, орган Армавирского совета рабочих, казачьих, крестьянских и солдатских депутатов газета «Кубанская правда» подвергла острой критике постановку пьесы «Комедия двора» о жизни титулованных особ²⁵. Совет народного образования Майкопа стремился «по возможности контролировать пьесы частной антрепризы»²⁶. Театры миниатюр новой властью не приветствовались, хотя в «больших» театрах комедийные постановки и оперетты допускались. В Екатеринодаре, Новороссийске, Сочи создавались драматические студии из рабочих и солдат.

Поток гастролёров значительно сократился, но театральная и музыкальная жизнь не замерла. С наступлением летнего сезона устраивались концерты симфонических оркестров на открытом воздухе в Екатеринодаре, Армавире, других городах. С успехом проходили концерты известного пианиста профессора Петроградской консерватории В. Покровского, скрипача К. Думчева, оперного певца Б. Асатурова²⁷.

В мае 1918-го в Екатеринодарской картинной галерее была проведена XVI периодическая выставка. Натюрморты и пейзажи передал на неё из Ейска Д. Митрохин. Сюрпризом для посетителей оказались бельгийские («Пляж в Бельгии», «Садик в Бельгии») и кубанские («Зима в Екатеринодаре», «Околица хутора») работы

¹⁷ Культурное строительство на Кубани (1918–1941). Краснодар, 1978. С. 22.

¹⁸ Куценко И.Я. Кубанский государственный технологический университет. 1918–2003. Краснодар, 2003. С. 11–12.

¹⁹ Твелькемейер Л.Б. Мой отец и его окружение // Нестор №12. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. Русская жизнь в мемуарах. Из семейных архивов. СПб., 2008. С. 83.

²⁰ См.: Куценко И.Я. Б.Л. Розинг – первооткрыватель электронного телевидения, основатель Кубанского политехнического института. Майкоп, 2007.

²¹ Проблеск. 1918. 25 мая.

²² ГАКК. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 193. Л. 4.

²³ Известия Кубанского облисполкома. 1918. 4 апр.

²⁴ Проблеск. 1918. 30 мая, 2 июня.

²⁵ Кубанская правда. 1918. 15 июня.

²⁶ Культурное строительство на Кубани. С. 29.

²⁷ Подробнее об этом см.: Еремеева А.Н. Между прошлым и будущим (художественная жизнь Кубани в годы революции и гражданской войны (1917–1920 гг.)) СПб., 1996. Гл. 3.

известного художника И. Похитонова²⁸. По данным Ф.А. Коваленко, выставку посетило около 2000 человек²⁹. По просьбе представителей учебных заведений она была продлена до конца июня³⁰.

Большинство представителей интеллигенции Кубани занимало нейтральную позицию по отношению к Советской власти и продолжало работать. Их желание обезопасить себя, «остаться в профессии», сохранить определённую стабильность и материальный достаток стало залогом интенсивной культурной жизни.

В конце августа 1918 г. на Кубани установилась власть *Кубанской рады* и *Деникина*. Екатеринодар стал центром российской контрреволюции. В мемуарах Н. Тэффи, М. Волошина, А. Борман и других свидетелей событий, стихотворных фельетонах С. Маршака (в 1918–1920 гг. сотрудника екатеринодарской газеты «Утро Юга») описано превращение «казачьей станицы» в столицу со всеми атрибутами последней. Ярko и образно ситуацию «прокомментировала» З. Жемчужная: «Тихий провинциальный Екатеринодар превратился в столицу<...> Крупная буржуазия, дипломаты, чиновники, адвокаты, политики, шикарно одетые женщины наводняли улицы и днём и ночью<...> Магазины сияли огромными витринами – духи, пудра, шоколад, шелка, кружева. В ювелирных магазинах выставлялись редкие фамильные драгоценности, сvezённые со всех концов России<...> Вечерами ещё больше, чем днём город гудел, шумел, переливался пёстрыми людскими волнами, световые рекламы зазывали в места развлечений, музыка, заглушая разноголосый шум, вырывалась на улицу из кафе и ресторанов. Гастролировали столичные артисты большой и малой сцены <...> Общее впечатление было как от пира во время чумы»³¹.

Полтора года Екатеринодар был в относительной удалённости от линии фронта, что создавало ощущение стабильности. В. Шверубович (сын артиста В. Качалова) вспоминал, что «даже в январе 1920 года, когда Красная армия заняла Ростов-на-Дону и фронт уже был недалеко <...> здесь было сравнительно спокойно»³².

Гражданская война дестабилизировала работу учебных заведений. Старших школьников призывали в армию. Из-за эпидемий тифа отменялись занятия. Э. Цытович, П. Колотинский, руководившие Ведомством народного просвещения Кубанского краевого правительства, активно противостояли использованию школьных зданий под лазареты или для постоя войск. Особое внимание уделялось физическому и патриотическому воспитанию. В 1919 г. многим учебным заведениям были присвоены имена борцов с большевизмом – Л. Корнилова, М. Алексеева, А. Филимонова, А. Шкуро, Н. Рябовола.

На Кубани, как и во многих других регионах России, разразился вузовский бум. Кроме Северо-Кавказского политехнического института (СКПИ), основанного

ещё при советской власти, был создан правительственный Кубанский политехнический институт – КПИ (приоритетным правом поступления пользовались «коренные жители Кубанского Края»).

Похожая ситуация складывалась в области высшего музыкального образования. В дополнение к консерватории РМО (созданной при советской власти, а открытой позже – в феврале 1919 г.) в октябре 1918 г. при активной поддержке Кубанского краевого правительства было создано Кубанское филармоническое общество, а через месяц при нём открылась консерватория³³.

Под псевдонимом Д-р Фрикен С.Я. Маршак опубликовал стихотворный фельетон «Кубанский дуализм», где были такие строки:

*Тут политехникума два
Открыли аудитории.
А если правильна молва, –
И две консерватории*³⁴.

В местных газетах в связи с возникновением вузов началась мощная рекламная кампания: помимо традиционных публикаций (правила приёма студентов, объявления о конкурсе на замещение вакантных должностей) появилось большое количество статей, в которых профессора расхваливали свои учебные заведения и старались дискредитировать конкурентов³⁵.

Кубанское правительство активно поддерживало правительственный политехнический институт: строительство институтского здания, обеспечение профессорских квартирами и другие вопросы жизнедеятельности этого учебного заведения неоднократно ставились на заседаниях Совета краевого правительства³⁶.

Северо-Кавказский политехнический институт, напротив, «раздражал» краевые власти. Правление попечительского общества, получив от Кубанского правительства отказ на прошение об открытии института, обратилось для пересмотра дела к А.И. Деникину. В письме Деникина от 23 ноября 1918 г. на имя Атамана Кубанского казачьего войска А.П. Филимонова были отмечены законность требований учредителей и необходимость развития технического образования на Северном Кавказе. Предлагался «наиболее правильный и скорый выход из создавшегося положения» – объединить два института. Будущему учебному заведению должна была гарантироваться автономия и «более широкий доступ всех кругов населения»³⁷. Очевидно, что, защищая позитивные общественные инициативы, А.И. Деникин одновременно пресекал проявления «кубанского патриотизма» в области образования. Письмо возымело силу, занятия в СКПИ были разрешены. В сентябре 1919 г. произошло

³³ Подробнее об этом см.: Еремеева А.Н. *Между прошлым и будущим (Художественная жизнь Кубани в годы революции и гражданской войны)*. СПб, 1996. С. 67–69.

³⁴ Д-р Фрикен. *Кубанский дуализм // Утро Юга. 1919. 14 (27) февр.*

³⁵ См. напр.: Шапошников Н. *Невероятная действительность сопоставления // Утро Юга. 1919. 24 февр. (9 мар.)*.

³⁶ См. напр.: ГАКК. Ф. Р 6. Оп. 1. Д. 298. Л. 101.

³⁷ Цит. по: Куценко И.Я. *Кубанский государственный технологический университет. История и современность*. Краснодар, 1999. С. 25–26.

²⁸ *Екатеринодарская картинная галерея им. Ф.А. Коваленко. ХУ периодическая выставка. 6 мая – 8 июня. Екатеринодар, 1918; Проблеск. 1918. 14 мая, 2 июня.*

²⁹ ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 193. Л. 36.

³⁰ *Известия Кубанского облисполкома. 1918. 21 июня.*

³¹ Жемчужная З. *Пути изгнания. Урал, Кубань, Москва, Харбин, Тяньцзинь. Воспоминания*. Н.У., 1987. С. 235.

³² Шверубович В. *О старом художественном театре*. М., 1990. С. 241.

Ф.А. Щербина. Статистика. Екатеринодар–Армавир, 1919 г. (из фондов ККУНБ)

слияние СКПИ и КПИ. Консерватории объединились уже после восстановления советской власти.

Правительственные круги, общественные организации, пресса обсуждали вопрос о создании в Екатеринодаре медицинского факультета. Однако осуществилось это уже при новой власти – в 1920 г.

Слабую материальную базу новообразованных кубанских вузов компенсировал блестящий преподавательский состав. В политехнических институтах работали А. Пароменский (бывший начальник Кронштадтского Морского инженерного училища, математик), Б. Розинг (изобретатель телевизионной связи, до революции преподававший в Петроградском технологическом институте), почвовед С. Захаров, Н. Шапошников (математик, автор школьных учебников), другие замечательные учёные.

Избрание профессором политехнического института Ф.А. Щербины по-особому освещалось в прессе: как сообщала газета «Утро Юга», на профессорскую должность впервые избран учёный «из казачьего звания»³⁸.

Среди преподавателей консерваторий были видные теоретики музыки: С. Богатырев (в недавнем прошлом директор Харьковской консерватории), В. Золотарев (профессор Московской консерватории), скрипачи И. Пиастро и М. Эрденко, виолончелист Я. Розенштейн, пианисты Л. Розенблюм и В. Покровский (профессор Петроградской консерватории). Класс вокала в консерватории РМО вела ранее выступавшая в «Русских сезонах за границей» с Ф. Шаляпиным оперная певица Е. Петренко.

Центром научной деятельности был созданный в Екатеринодаре в декабре 1917 г. Совет обследования и изучения Кубанского края (СОИКК), объединивший специалистов в различных областях знания. Его экспедиции обследовали залежи цемента и железных руд, состояние почв Кубани, а также животноводство, посевные площади, урожайность, промышленные предприятия, метеорологические станции и пр.³⁹ Большую работу проделала библиографическая секция во главе с Б.М. Городецким: был произведён учёт литературы, выходящей на Кубани с 1917 года при всех режимах, подготовлен подробный обзор периодической печати революционных лет⁴⁰.

С Советом сотрудничали многие учёные, оказавшиеся на Кубани, в частности знаменитый геохимик академик В.И. Вернадский, планировавший собственные исследования Азовского моря и Кубани.

³⁸ Утро Юга. 1919. 18 сент. (1 окт.). Разумеется, имелась в виду ситуация в вузах Кубани.

³⁹ Кузнецов В.А. «Родной брат ОЛИКО» (О Совете Обследования и Изучения Кубанского края – Кубано-Черноморского Краевого Научно-Исследовательского Института) // Голос минувшего. 1997. №1 (3). С. 34–42.

⁴⁰ Михеева Г.В. История русской библиографии 1917–1921 гг. (Текущая базисная библиография неперIODических изданий). СПб, 1992. С. 116–118.

В Майкопе в 1919 г. жила П.С. Уварова – археолог, первая в России женщина-академик. Несмотря на почтенный восьмидесятилетний возраст, она подробно знакомилась с майкопскими могильниками и дольменами⁴¹.

Кубанская интеллигенция и власти, следуя её призывам, прилагали значительные усилия для сохранения культурного наследия.

Удалось пополнить новыми экспонатами Кубанский Войсковой музей. Его директор И.Е. Гладкий даже осенью 1918 г. производил археологические раскопки в станице Новолатнировской⁴².

Это почти парадокс, но в условиях постоянного дефицита финансов и политической нестабильности на Кубани разрабатывались новые музейные проекты.

Ведомство торговли и промышленности Кубанского краевого правительства планировало открыть музей экспонатов «всех производств краевой промышленности». Идея создания Товарного музея при Торговой палате была озвучена на торгово-промышленном съезде 28 ноября 1918 г. городским головой Екатеринодара Н.И. Дицманом. В СОИКК рассматривался проект сельскохозяйственного музея. Различными ведомствами и учреждениями планировалось создание более десяти музеев⁴³.

Осознание неэффективности разрозненных усилий в области музейного строительства привело кубанскую общественность к мысли о создании Центрального краевого музея. Координатором выступил известный общественный деятель, основатель ставропольского музея учебных наглядных пособий Г.К. Пправе. Он разработал программу расширения имевшегося в Екатеринодаре музея учебных пособий, предусматривавшую создание при нём нескольких специальных музеев, библиотеки, книжного склада и т.д. По предложению городского головы И.Н. Дицмана 15 декабря 1918 г. состоялось совещание заинтересованных ведомств Кубанского краевого правительства и общественных организаций. Участники совещания пришли к выводу о необходимости создания двух музеев: общеобразовательного (педагогического) – на базе музея наглядных пособий и краевого, который «отражал бы в себе в возможно полном виде природу, быт и историю края»⁴⁴.

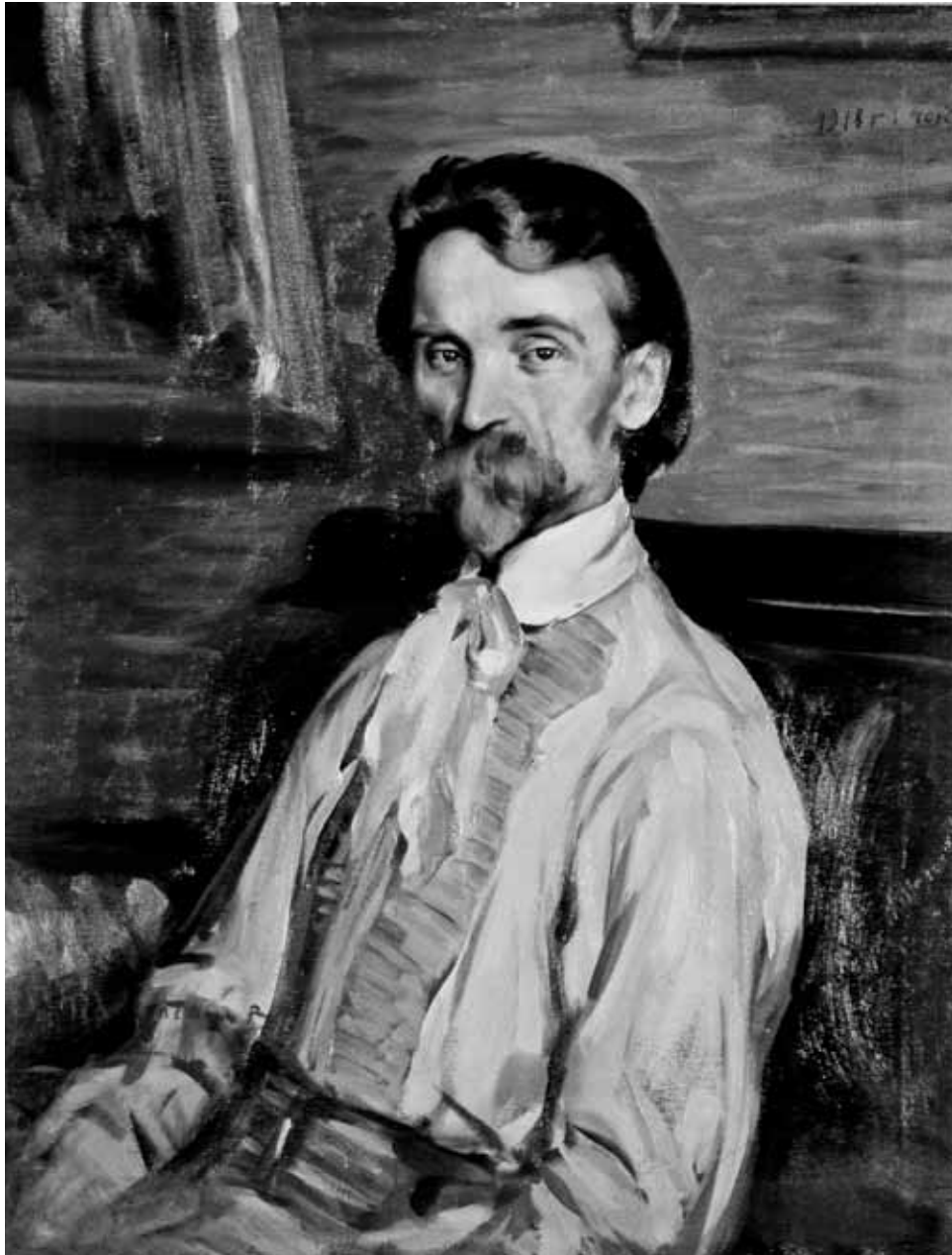
Весной 1919 г. широко обсуждалась идея строительства Екатеринодарского Дома Просвещения и Искусств, под крышей которого предполагалось разместить музеи, консерваторию, школу ваяния, живописи и зодчества, народный дом, народный университет, метеорологическую станцию, детские сады. Проект сооружения, разработанный бывшим «сатириконовцем», художником и архитектором А. Юнге-ром и архитектором А. Вайтенсом, демонстрировался на XVII периодической выставке в Екатеринодарской картинной галерее.

⁴¹ Еремеева А.Н. Майкопские страницы биографии академика П.С. Уваровой / Научная жизнь и научное сообщество Кубани в XX веке: очерки истории. Краснодар, 2006. С. 28–32.

⁴² Борзило И.И., Есипенко А.М. Краснодарский государственный историко-археологический музей им. Фелицына – хранитель исторической памяти Кубани // Гуманитарная мысль Юга России в XX веке. Тезисы межрегиональной научной конференции. Краснодар, 2000. С. 150.

⁴³ ГАКК. Ф. Р-5. Оп. 2. Д. 78. Л. 7 (об).

⁴⁴ Леусян О.А. Из истории разработки проекта создания Кубанского Дома Просвещения и Искусств (1918–1919 годы) // Состояние и проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия (К 150-летию со дня рождения Е.Д. Фелицына). Материалы Северо-Кавказской региональной научной конференции 19–22 окт. 1998 г. Краснодар, 1998. С. 76.

Портрет Ф.А. Коваленко, худ. Н.В. Харитонов (из фондов ККХМ)

В Центральном государственном военном архиве сохранилась копия циркулярного предписания командующего Третим конным корпусом генерала-лейтенанта А.Г. Шкуро от 29 сентября 1919 г. следующего содержания: «Член Кубанского краевого правительства по военным делам, дабы сохранить в памяти потомства Кубанского казачьего войска воспоминания о переживаемых событиях, приступил к образованию музея в городе Екатеринодаре. В каждой части надо назначить лицо, кое бы из любви к казачеству и своему родному краю <...> взяло бы на себя труд создать всё то, что имеет отношение к осуществлению намеченной цели»⁴⁵. В ноябре 1919 г. музей борьбы с большевиками был открыт. Он разместился в доме Акулова (на углу Красной и Крепостной), где тогда находилась канцелярия военного ведомства⁴⁶. Музей возглавил П.П. Орлов, популяризатор истории Кубани, автор хрестоматий, художественных произведений, публицистических работ о казачестве, участник Ледяного похода, награждённый крестом спасения Кубани.

Продолжала работать Екатеринодарская картинная галерея. В феврале 1919 г. Ф.А. Коваленко умер. XVII периодическая выставка была посвящена его памяти. На ней экспонировался, в частности, портрет Ф.А. Коваленко работы петроградского художника, в годы революции жившего в Новороссийске, Н. Харитонов. Этот портрет, написанный в конце 1918 г., и сейчас представлен в экспозиции Краснодарского художественного музея.

15 июля 1919 г. должность хранителя галереи занял известный кубанский литератор и коллекционер Я. Жарко⁴⁷. В августе 1919 г. нависла угроза выселения из здания, которое галерея занимала с 1907 г. (и занимает по сей день). Владелец особняка Б. Шарданов предъявил в суд иск, однако мировой судья принял сторону галереи⁴⁸. Залы её продолжали быть открытыми для посетителей, в библиотеку приходили для работы и общения известные литераторы: С. Маршак, Б. Леман и др.

В Армавире в 1919–1920 гг. жил М. Нестеров. Три этюда знаменитого художника – гордость коллекции армавирского музея⁴⁹.

Важным событием в культурной жизни стало открытие в феврале 1919 г. художественной школы в Новороссийске – первой в Черноморской губернии. Инициатором её создания были Н. Харитонов и местный учитель рисования Н. Коротков⁵⁰.

В художественной школе Екатеринодара продолжалась подготовка к реорганизации в училище (на сей раз – в художественно-промышленное). В состав преподавателей вошёл молодой, но уже хорошо известный в мире искусства художник А. Мочалов, выпускник Академии художеств, с 1914 г. участник престижных столичных выставок. За три года работы на Кубани (вплоть до смерти в 1921 г.) он приобрёл здесь широкую известность и как преподаватель.

⁴⁵ ЦГВА. Ф. 39704. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.

⁴⁶ Бардадым В.П. Радтели земли Кубанской. 2-е изд. Краснодар, 1998. С. 184.

⁴⁷ Чумаченко В.К. Украинские страницы в истории Краснодарского художественного музея // Художественный музей в контексте истории. Сообщения. Краснодар, 2000. С. 53.

⁴⁸ Утро Юга. 1919. 15 (28) авг.

⁴⁹ Бокова Н.А. Неизвестные этюды художника М.В. Нестерова // Историко-археологический альманах. Вып. 1. М.; Армавир, 1995. С. 193–196.

⁵⁰ Свободная речь. 1919. 2 февр.

Высокая концентрация беженцев, их оторванность от привычного уклада жизни и круга общения, стремление хотя бы на время забыть о страшных реалиях современности стимулировали развитие зрелищных предприятий. Как грибы после дождя множились театры миниатюр: «Улыбки», «Фантазии», «Ночные привалы», «Арлекины», «Чёрные коты» и т.д.⁵¹

Стабильным был и интерес к цирку, особенно во время чемпионатов по французской борьбе. В кино преобладали «психологические драмы» («У камина», «Последнее танго» и др.). Редким исключением в массе чисто развлекательной зрелищной продукции можно считать новую картину режиссёра Я. Протазанова «Отец Сергей» (по одноимённой повести Л.Н. Толстого), вошедшую в золотой фонд отечественной кинематографии.

Для антрепренёров открылась возможность заключать контракты с ведущими мастерами, предпочитавшими «сытый» юг голодавшим столицам. Например, А. Зарембо пригласил в труппу известную опереточную артистку, одну из лучших в то время исполнительниц роли Ганны Главари в «Весёлой вдове», В. Пионтковскую. Э. Берже предложил поставить спектакли в Зимнем театре знаменитому В. Мейерхольду, жившему тогда в Новороссийске. Лишь арест режиссёра деникинскими властями помешал екатеринодарцам увидеть комедии О. Уайльда в интерпретации прославленного мастера.

В конце 1919 г. в Екатеринодаре гастролировала группа артистов Московского художественного театра: В. Качалов, О. Книппер-Чехова, М. Германова, М. Тарханов и др. Корреспондент местной газеты назвал эти гастроли «одной из немногих приятных шуток революции». Восторженно встретили зрители «Братьев Карамазовых», «На всякого мудреца довольно простоты», «Осенние скрипки» и, конечно, «Дядю Ваню».

В городах и станицах продолжали устраиваться спектакли любительских организаций; заявила о себе театральными постановками и концертами екатеринодарская студенческая организация. С особой остротой встал вопрос о создании народного передвижного театра (его рассматривали как важное средство просвещения народа, своеобразный «заслон» от большевистского воздействия). На открытии театра 30 ноября 1919 г. в помещении бывшего Войскового собрания шли «Дети Ванюшина»⁵². Однако дни подобных культурных начинаний были уже сочтены.

Музыкальная жизнь рассматриваемого периода отличалась интенсивностью: две консерватории как будто соревновались друг с другом, подготавливая концерты симфонической и камерной музыки. Высококвалифицированный оркестр Кубанского казачьего войска был «нарасхват».

Вызывали интерес этнографические концерты, на которых слушатели могли познакомиться с музыкой народов, живущих на Кубани: русских, украинцев, греков, армян, адыгов. Так называемые популярно-народные концерты с минимальными ценами на билеты сопровождал интересными комментариями их ведущий – страстный пропагандист музыки уроженец Кубани И. Войтехов.

⁵¹ Еремеева А.Н. Кабаре и театры миниатюр на юге России в годы Гражданской войны // Кубань: проблемы культуры и информатизации. 1998. №2. С. 39–43.

⁵² Утро Юга. 1919. 2 дек.

На Кубани также выступали известные оперные певцы Д. Смирнов, К. Запорожец, Н. Шевелев, исполнительницы русских народных песен А. Поляновская, М. Лидарская и др., в августе 1919 г. в Екатеринодаре давал концерты находившийся на пике популярности «печальный Пьеро» Александр Вертинский.

С большим успехом прошли в столице Кубани выступления лучших писателей-сатириков того времени А. Аверченко (декабрь 1918 г.) и Н. Тэффи (июнь 1919 г.), лекции «короля фельетонистов» В. Дорошевича о журналистах Великой французской революции (ноябрь 1919 г.). Трагическая цепь событий во Франции конца XVIII века как классическое воплощение всех революционных переворотов могла бы послужить – но, как грустно констатировал Дорошевич, – не послужила «хорошим уроком» для потомков.

Тепло принимали в Екатеринодаре М. Волошина. Он читал свои последние, написанные в это беспокойное время, стихи. Репутация Волошина, который, по словам М. Цветаевой, «спасал красного от белых и белого от красных, то есть человека от своры, одного от всех», очередной раз была подтверждена его участием в судьбе бывшего генерала царской армии, крупного учёного Н. Маркса.

Марксу грозило серьёзное наказание за сотрудничество с большевиками. Чтобы предотвратить незаконный расстрел по дороге в Екатеринодар, где должен был состояться военно-полевой суд, Волошин сопровождал Маркса, а позже ходатайствовал об его освобождении перед Деникиным. В 1920 г. после установления советской власти Н. Маркс стал ректором Кубанского университета⁵³.

С текущей политикой репертуар театров и других зрелищных предприятий соприкасался не в столь уж значительной степени. Тема гражданского противостояния проникала в отдельные песни, сатирические куплеты. «На скорую руку» было подготовлено несколько театральных постановок пропагандистской направленности. В 1919 г. в Летнем театре кубанской столицы шёл спектакль «Кровавые туманы (из жизни Екатеринодара времён владычества большевиков)». Передвижной театр союза общественных организаций имени А.Г. Корнилова поставил пьесу «Ледяной поход» об успешем стать легендарным отступлении корниловцев с Кубани на Дон. Перед киносеансами демонстрировались кадры разоблачённых злодеяний противников, съёмки с военных парадов, зрителей призывали делать пожертвования на помощь армии.

Печатная продукция была значительно больше пропитана политикой. Крупнейшие из кубанских газет: официоз Кубанского правительства «Вольная Кубань», промонархическая «Великая Россия», антимонархическая и антисамостийная одновременно «Утро Юга» стали центрами консолидации политических сил. И в литературно-художественных журналах, сборниках («Кубанская неделя», «Шипы», «Перевал», «Накануне» и др.) политическая позиция издателей обозначалась чётко.

Жившие в то время на Кубани известные писатели Е. Чириков, И. Наживин, поэт-сатирик Е. Венский, историк и публицист В. Мякотин, издатель В. Шульгин

⁵³ См.: Солодкая М.Б. Он стоял у истоков Кубанского университета (очерк жизни известного учёного Н.А. Маркса) // Голос минувшего. 2011. №1–4. С. 5–14.

1. Д-р Фрикен «Сатиры и эпиграммы». Екатеринодар, 1919 (из фондов РНБ)
2. «Шипы». Еженедельный сатирический журнал. Екатеринодар (из фондов РГБ)
3. «Утро Юга». Ежедневная литературная, общественно-политическая и экономическая газета. Екатеринодар (из фондов ГАКК)

(он возглавлял газету «Великая Россия») и другие были в числе сотрудников периодических изданий.

В 1919 г. в Екатеринодаре вышел поэтический сборник Д-ра Фрикена (С. Маршак) «Сатиры и эпиграммы» – своеобразный отклик на атмосферу и конкретные события эпохи гражданского противостояния.

Многочисленные антибольшевистские брошюры, иногда стилизованные под художественные произведения, публиковали денкинское Осведомительное агентство (Осваг), конкурирующий с ним Отдел пропаганды Кубанского краевого правительства, екатеринодарское издательство «Энергия» (в серии «Голос писателей»).

Люди искусства порой оказывались в центре событий совсем нехудожественного свойства. Это касается, прежде всего, В.Э. Мейерхольда и Е.Ю. Кузьминой-Караваевой.

В конце сентября 1919 г. приехавший к дочери в Новороссийск Мейерхольд был арестован как член партии большевиков и водворён в новороссийскую тюрьму. За него вступились жившие на юге друзья: театральный критик Б. Алперс, музыкант М. Гнесин и другие. Седьмого ноября 1919 г. Мейерхольда выпустили из тюрьмы⁵⁴.

За недолгое сотрудничество с большевиками в качестве комиссара народного образования и медицины Анапы привлекали к ответственности и поэтессу Е.Ю. Кузьмину-Караваеву. Мягкий приговор суда – двухнедельный арест – тогда обусловили свидетельские показания анапских учителей, усилия адвокатов, заступничество группы писателей и министра земледелия Кубанского краевого правительства Д.Е. Скобцова, вскоре ставшего мужем Е.Ю. Кузьминой-Караваевой⁵⁵.

В конце 1919 г. многим стало ясно, что дни белой армии сочтены; распространение советской власти на всю территорию юга России, в том числе и на Кубань, неизбежно. Эту перспективу интеллигенция восприняла по-разному. Некоторые поспешили дожидаться в Новороссийске первого же подходящего судна, чтобы покинуть Россию (по крайней мере, перебраться в Грузию или во врангелевский Крым). Вместе с войсками Кубанского правительства уехали многие представители казачьей интеллигенции, в том числе Ф. Щербина, А. Пивень. Те, кто остался, вскоре включились в сложный и противоречивый процесс строительства культуры нового общества.

Итак, специфика культурной жизни Кубани в 1917–1920 годах определялась мощным притоком столичного населения, бежавшего от революции, текущими политическими изменениями, ситуацией гражданского противостояния.

Интеллигенция и властные структуры прилагали значительные усилия для сохранения культурного наследия, обеспечения нормальной работы образовательных учреждений. На Кубани появились высшие учебные заведения. Значительно возрос поток печатной продукции.

Необычайно востребованными со стороны местного населения и беженцев оказались зрелищные предприятия.

⁵⁴ Рудницкий К. Мейерхольд. М., 1981. С. 252.

⁵⁵ Веленгурин Н.Ф. Пути и судьбы: лит. очерки. Краснодар, 1988. С. 236.

3. Рождение новой культуры

Установление советской власти знаменовало начало кардинальных изменений во всех сферах, в том числе и в области культуры.

Интенсивность культурной жизни Кубани, пронизанной импульсом революционных лет, в начале 1920-х годов во многом была связана с организаторской и творческой деятельностью столичных мастеров. Например, новороссийцы имели возможность видеть на сцене театра имени Ленина «Нору» Г. Ибсена в постановке В. Мейерхольда. Ещё продолжали работать многочисленные старые художественные коллективы и учреждения культуры, в том числе бывший Войсковой оркестр и хор. Их национализировали. В репертуар хора вошли песни о Гражданской войне – «По долинам и по взгорьям», «Марш Будённого», оркестр исполнял «Интернационал». Артисты выступали на митингах-концертах в поддержку Советов.

Провозглашённая новой властью монополия партийно-советской печати подразумевала закрытие всех прежних печатных органов. В создании советских газет участвовали Ф. Гладков, А. Рославлев (возглавляли редакцию новороссийской газеты «Красное Черноморье»; в ней начался путь в большую литературу известного писателя В. Вишневского). Поэт-правдист Ф. Коновалов редактировал майкопскую газету «Красный пахарь». С многочисленными статьями в краснодарской газете «Красное знамя» выступал Д. Фурманов. Их материалы вошли в известное произведение о Гражданской войне – повесть «Красный десант».

Несмотря на приоритет в освещении политических и экономических вопросов, пресса достаточно подробно информировала читателей о событиях в культурной жизни, деятельности органов руководства культурой.

Многие представители интеллигенции – писатели и поэты С. Маршак, Б. Леман, Ф. Гладков, А. Рославлев, Г. Доброског, Е. Васильева (Черубина де Габриак), художники А. Юнгер, А. Марин, Г. Аветисян, режиссёр В. Мейерхольд, хормейстер Г. Концевич – были привлечены к работе в отделах народного образования в качестве инструкторов, заведующих подсекциями и секциями. В начале 1920-х годов реальным препятствием для трудоустройства в подобные структуры была только служба в белой армии в качестве офицера; иные формы антибольшевистских настроений могли

и не приниматься во внимание. Вот почему подготовку планов монументальной пропаганды, художественное оформление празднеств нередко доверяли вчерашним авторам антисоветских карикатур. Да и революционные песни, пьесы для репертуара агитационных театров писали, главным образом, те, кто ещё недавно в хлёстких куплетах и фельетонах высмеивал пороки большевистского правления. Руководители вузов, прежде контактировавшие с Кубанским краевым правительством, теперь налаживали контакт с новой властью, от которой зависело финансирование, снабжение топливом, нередко даже судьбы преподавателей и студентов.

К концу октября 1920 года на территории Кубано-Черноморской области насчитывалось шесть высших учебных заведений: Кубанский государственный университет в составе четырёх факультетов, Кубанский политехнический институт (пять факультетов), Кубанский государственный институт народного образования (три факультета), Кубанская государственная консерватория, Кубанские высшие государственные художественные мастерские и Сочинский садово-огородный техникум, приравненный к вузу (кроме них ещё два существовали только на бумаге)¹. Для «пролетаризации» вузов в их структуру включались рабочие факультеты (рабфаки).

Советизация школы, вплоть до проведения крупномасштабной реформы, подразумевала ликвидацию частных учебных заведений, отделение школы от церкви, запрет на «преподавание какого бы то ни было вероучения и исполнение обрядов культа», изъятие «всех книг и предметов, не отвечающих заданиями трудовой, советской, интернациональной школы»², создание школ национальных меньшинств.

В ответ на обострившуюся проблему детской беспризорности и безнадзорности стараниями группы интеллигенции был создан Детский городок, а в его рамках – Театр для детей. Его ведущими актёрами стали Д. Орлов (будущий народный артист РСФСР) и его жена – актриса и режиссёр А. Богданова. Музыка к спектаклям писали известные композиторы С. Богатырёв и В. Золотарёв (ученик М. Балакирева), декорации создавали петербургский художник С. Воинов, ранее специализировавшийся в области дизайна игрушек, и ученик

Программка спектакля «Летающий сундук» (из фондов ГАКК)

¹ Рожков А.Ю. Первые шаги высшей школы на Кубани // Кубань: 1920-е годы: сб. науч. тр. Краснодар, 1996. С. 42–43.

² Культурное строительство на Кубани... С. 38–39.

Л. Бакста Я. Гарбуз. В Театре для детей фактически родились как детские писатели С. Маршак и Е. Васильева. На сцене театра были впервые поставлены пьесы «Кошкин дом», народная кукольная комедия «Петрушка», «Горе-злосчастье» (последующее название «Горя бояться – счастья не видать»), быстро завоевавшие широкую известность.

Именно 1920-й – начало 1921 года характеризовались наибольшим притоком на спектакли, концерты, выставки в национализированные советской властью культурные учреждения нового зрителя из среды рабочих, солдат. Побудительным началом зачастую являлись не осознанные эстетические потребности, а стремление к социальному самоутверждению, желание реально ощутить и продемонстрировать свои права на пользование культурными ценностями.

Ответом на вызовы времени стало создание Театра революционной сатиры (Краснодар), Театра политической сатиры (Новороссийск), многочисленных рабочих и красноармейских театров. Наряду с традиционным репертуаром шли пьесы, созвучные революции. Их авторами были жившие на Кубани Ф. Гладков, В. Билль-Белоцерковский, А. Рославлев и др.

Переходу от военного коммунизма к нэпу сопутствовало сокращение государственных дотаций на образование и культуру; основная доля расходов на содержание учреждений образования и культуры с 1921 г. была перенесена на местный бюджет.

Тяжёлое экономическое положение приводило к постоянной реорганизации вузов Кубани. Так, в октябре 1921 года был закрыт Кубанский госуниверситет; его медицинский факультет преобразовали в медицинский институт, естественный факультет передали институту народного образования, который стал именоваться Краснодарским педагогическим институтом. Рабочий факультет университета объединили с рабфаком политехнического. На базе аграрного факультета политехнического института образован Кубанский сельскохозяйственный институт.

Весной 1922 г. художественные мастерские и консерватория были реорганизованы в художественный и музыкальный техникумы, садово-огородный техникум был закрыт. Таким образом, к июню 1922 года на Кубани действовало четыре высших учебных заведения: сельскохозяйственный, педагогический, медицинский и политехнический институты. Последний в июле 1923 года был закрыт решением ВЦИК, вместо него образован Кубанский индустриальный техникум³.

Государственного финансирования лишилось и большинство учреждений культуры. Так как зарплата подолгу не выплачивалась, многие вынуждены были искать заработок вне основного места работы: заниматься бухгалтерией, мелкой торговлей, работать в переплётных мастерских и т.д. Ситуацию усугубил разразившийся голод.

С 1921 г. начался отток столичной интеллигенции с Кубани в Москву и Петроград. Как писал несколько лет спустя ректор мединститута Н.Ф. Мельников-Разведенков, «один за другим потянулись на Север, в свои насиженные научные гнёзда осевшие временно на Кубани учёные»⁴. В начале 1920-х гг. также уехали

³ Екатеринбург–Краснодар: два века города в датах, событиях, воспоминаниях [1793–1993]: материалы к летописи / сост. А.М. Авраменко. Краснодар, 1993. С. 487.

⁴ Мельников-Разведенков Н.Ф. Медицина и краеведение // Изв. ОЛИКО. Вып. 9. Краснодар, 1925. С. 203.

Кубанские рабфаковцы (из фондов ГАКК)

видные деятели художественной культуры – В. Мейерхольд, С. Маршак, Е. Васильева, Д. Орлов и многие другие.

Тем, у кого не было формальной причины покинуть Кубань и оставить ответственные посты, могли помочь только официальные вызовы за подписью Луначарского или других влиятельных лиц. Проживший полтора десятка лет на Кубани, вступивший здесь в 1921 г. в партию большевиков Ф. Гладков писал В. Мейерхольду: «Спасите <...> меня из Новороссийской ямы. Ради бога, немедленно телеграфируйте через ВЦИК как члена партии, пишете, как найдёте удобным и более скорым, – через Луначарского и т.д. – лишь бы я мог как можно скорее тронуться отсюда»⁵. Будущего автора «Цемент» можно понять: как литератор он к тому времени перерос уровень редактора окружной газеты и мог рассчитывать на успех в столице.

Приход нэпа не изменил магистральной линии культурного строительства, однако придал ему своеобразие, особенно на начальных этапах. В финансовом плане активной и эффективной оказалась деятельность попечительных советов при учебных заведениях Кубани. Хозяйственные учреждения и предприятия отчисляли для них установленные суммы. Институты вне очереди снабжались топливом, бесплатно – электроэнергией и водой⁶. Комиссия по улучшению быта учёных, учреждённая в Краснодаре в январе 1922 г., занималась выдачей продовольственных пайков, одежды, налаживанием

⁵ РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Д. 1378. Л. 1.

⁶ Куценко И.Я. Революция и культура. Очерк истории борьбы партийных организаций Северного Кавказа за осуществление культурной революции в 1918–1932 гг. Краснодар, 1973. С. 76.

Выпуск агрономов Кубанского сельхозинститута
(из фондов музея П.П. Лукьяненко, КНИИСХ)

медицинского обслуживания деятелей науки. В итоге даже после возвращения значительной части интеллигенции в столицы местное научное сообщество сохранило в своих рядах крупных учёных. В сельскохозяйственном институте преподавали один из основоположников отечественной зоотехнической науки А.А. Малигонов и известный ботаник П.И. Мищенко. Ректор медицинского института Н.Ф. Мельников-Разведенков, предложивший новый способ хранения анатомических препаратов, участвовал в балъзамировании тела В.И. Ленина. Кубанские научно-исследовательские учреждения возглавляли всемирно известный микробиолог И.Г. Савченко (Химико-бактериологический институт), будущий академик агрохимик А.А. Шмук (Институт табаководения).

Ведущие учёные Кубани преподавали в Краснодарском рабочем университете (основан в 1925 г.) – учреждении просветительского типа, призванном расширить кругозор тружеников фабрик и заводов.

1920-е годы были для Кубани, как и для всей страны, «золотым десятилетием» краеведения. Создавались краеведческие организации и бюро, продолжалась деятельность ОЛИКО⁷. В 1925 г. возникло Общество изучения Адыгейской автоном-

ной области, открылся Адыгейский областной историко-этнографический музей (на территории адыгейского школьного городка в Краснодаре⁸), в 1929-м – Адыгейский научно-исследовательский институт краеведения. Активно занимался краеведческими исследованиями Совет обследования и изучения Кубанского края, переименованный в 1923 г. в Кубано-Черноморский краевой научно-исследовательский институт. В 1927 г. он был преобразован в Северо-Кавказский Промышленный НИИ и переключился на область промышленности.

В те годы понятие «краеведческая деятельность» трактовалось расширительно, более ёмко по сравнению с сегодняшним пониманием данного термина. В «Краткой истории Кубанского медицинского института» (1926) и отчётах его отдельных подразделений к краеведческой работе отнесены борьба с малярией (её возглавлял И.Г. Савченко), экспедиции по изучению эндемического зоба на Северном Кавказе, изучение производственного травматизма на заводах Краснодара, проделанное кафедрой факультетской хирургии⁹. К разряду краеведения причисляли и организацию С.В. Очаповским медицинских отрядов, направившихся в глубинку для лечения инфекционных глазных болезней, для оказания офтальмологической помощи населению труднодоступных районов Черкесии, Карачая, Осетии, Ингушетии, Дагестана, Абхазии, Чечни. Одна из работ выдающегося офтальмолога так и называется: «О краеведении в медицине». Даже основание мединститута его ректором Н.Ф. Мельниковым-Разведенковым определялось как «краеведческое предприятие»¹⁰.

В Краснодаре, Анапе, Армавире, вблизи Майкопа и Гулькевичей открылись институты и опытные станции, ведущие исследования в области медицины, животноводства, выращивания зерновых культур, сахарной свёклы, винограда. По инициативе известного ботаника В.М. Арнольди в Новороссийске появилась биологическая станция для изучения состояния Чёрного моря.

В 1920-х годах на Кубани, как и во всей стране, центральным звеном в системе школьного образования были начальная (I ступень) и средняя (II ступень) школы общеобразовательного типа. Хотя в 1923 г. была введена плата за обучение, выделялись квоты на бесплатные места для детей красноармейцев, крестьян-хлеборобов, безработных, инвалидов. Они учились бесплатно в отличие от детей, чьи родители занимались торговлей, предпринимательством, были служителями культа¹¹. Число школ и количество обучающихся росло. В школах появились органы самоуправления – ученический комитет, многочисленные комиссии (санитарная, хозяйственная, библиотечная); стали действовать пионерские форпосты, комсомольские ячейки.

Массово организовывались школы для взрослых. Местные ячейки общества «Долой неграмотность» открывали «ликпункты». В станицах работали избы-читальни. В «Положении об избах-читальнях Кубано-Черноморской области»

⁸ См.: Корсакова Н.А. Адыгейский областной историко-этнографический музей. К вопросу о создании и деятельности в 1920-е – 1930-е гг. // Сохранение и актуализация историко-культурного наследия народов Северного Кавказа и формирование толерантной личности музейными средствами. Мат-лы региональной научно-практ. конф. г. Майкоп, 29–31 мая 2007 г. Краснодар, 2007. С. 110–113.

⁹ ГАКК. Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 1123. Л. 72; ГАКК. Ф. Р 1608. Оп. 1. Д. 10. Л. 16.

¹⁰ Мельников-Разведенков Н.Ф. Медицина и краеведение. С. 197.

¹¹ См. Мирук М.В., Рожков А.Ю. Нэп и школьная реформа на Кубани // Кубань: 1920-е годы. Сб. науч. тр. Краснодар, 1996. С. 93.

⁷ См.: Ратушняк Т.В. Развитие краеведения на Кубани в 1920-е гг. // Кубань: 1920-е годы: сб. науч. тр. Краснодар, 1996. С. 9–17.

(1924) указывалось, что их цель – «укрепление общего и политического просвещения крестьянских рабочих масс». В качестве первоочередной задачи выдвигалось ознакомление с декретами и постановлениями советской власти, хозяйственной и экономической жизнью страны¹².

Повышенное внимание было уделено просвещению молодёжи различных национальностей. В 1927 г. в Кубанском округе имелось 259 национальных школ: украинских, армянских, немецких, эстонских, грузинских и др.¹³ Параллельно открытию национальных школ в Адыгее шло распространение адыгейской письменности на основе латиницы взамен арабских букв. Выходили газеты на украинском, армянском, греческом языках¹⁴.

В середине 1920-х с целью вовлечения в советское строительство сельского населения, для которого украинский язык в его кубанском варианте был родным, началась так называемая украинизация Кубани: предпринимались меры по обучению грамоте на украинском языке.

Усиливалась атеистическая пропаганда. Если в начале 1920-х гг. допускалось «сосуществование» религиозных праздников с революционными, то впоследствии «комсомольская пасха», «комсомольская свадьба», «октябрины» пришли на смену церковному направлению обрядов. В качестве альтернативы религии предлагались кино, художественная самодеятельность (в т.ч. антирелигиозные программы «живые газеты», выступления «синей блузы») в рамках клубных учреждений. Молодёжь, особенно городская, вовлекалась в спортивные секции. Первый стадион был открыт в Краснодаре в 1923 году.

Из библиотек изымались книги религиозного, монархического, антисоветского содержания.

Радио, кино, печатная продукция стали важным ресурсом строительства социалистической культуры. В 1924–1925 гг. в Краснодаре развернула съёмки местная кинохроника. В 1926 г. заработала Краснодарская радиовещательная станция. В 1924–1925-м начала складываться сельская киносеть: по районам должно было действовать не менее одной киноустановки и одной кинопередвижки на 12–15 населённых пунктов. Однако решить эту задачу удалось не сразу¹⁵.

Из появившихся в годы нэпа издательства наиболее известен «Буревестник», давший путёвку в жизнь многим авторам и произведениям, в частности единственному поэтическому сборнику А. Платонова «Голубая глубина» (1922). Это издательство выпускало много книг для массового читателя, прежде всего для крестьян¹⁶.

В 1928 г. основано первое адыгейское национальное издательство. В 1920-е гг. появились произведения, ставшие классикой адыгейской литературы: драмы И. Цея

«Хищники» (о событиях недавней Гражданской войны) и «Уздышко» (о борьбе с бандитизмом в первые годы советской власти).

Центром сосредоточения литературных сил сначала были литературные объединения – кружок «Птичник», Кубанское отделение Всероссийского союза поэтов, а впоследствии – редакции газет, прежде всего «Красного знамени». Здесь печатался Л. Попов (под псевдонимом Л. Солнцев), в дальнейшем получивший известность как сатирик Л. Ленч. С созданием в середине 1920-х гг. Краснодарского отделения Российской ассоциации пролетарских писателей (КАПП) творчество её членов и её мероприятия (собрания, литературная учёба и пр.) освещались в прессе как главный и определяющий компонент литературной жизни региона. Молодой критик З. Штейнман комментировал создание КАПП следующим образом: «До настоящего времени Краснодар жил неровной и неправильно уклонившейся литературной жизнью <...> Самое лучшее, что было, группировалось вокруг литературных кружков рабочего класса и литературного кружка при журнале “Буревестник”, позже <...> при газете “Красное знамя”». «Платформой» ассоциаций пролетарских писателей определялась опора на «молодое, бодрое, полное жизни пролетарское творчество» взамен «уходящего, нездорового буржуазного искусства»¹⁷.

В КАПП в разное время входили драматург Н. Винников, К. Чёрный – в дальнейшем зав. кафедрой литературы Ставропольского пединститута, критик и автор сатирических сочинений З. Штейнман, будущий литературовед, фольклорист, лауреат Ленинской премии Ф. Прийма, В. Очерет (будущий писатель русского зарубежья, псевдоним – В. Барка)¹⁸. Члены КАПП активно общались с В. Маяковским во время его турне по городам Кубани (февраль 1926 г.).

Вокруг новороссийской газеты «Красное Черноморье» объединились журналисты и рабкоры (рабочие корреспонденты) из Новороссийской ассоциации пролетарских писателей (НАПП)¹⁹. Литературное приложение к газете называлось «Норд-ост». Члены Армавирской АПП печатались в газете «Трудовой путь» и её приложении «Первые шаги».

Пролетарские писатели пользовались наибольшей поддержкой, хотя в Постановлении Политбюро ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» (18 июня 1925 г.) было провозглашено «терпимое отношение к промежуточным идеологическим формам», «свободное соревнование различных группировок и течений».

Многих литераторов с дореволюционной биографией практически не печатали. Я. Жарко работал в художественном музее, В. Потапенко – в учреждениях, далёких от сферы культуры, Г. Доброскок учительствовал. Одним из немногих, чьё имя время от времени появлялось в хронике литературной жизни, был А. Кирий. В 1926 году ему удалось издать книгу «Збірка поезій».

Как известно, политика советской власти вылилась в целый комплекс мер, связанных с уничтожением старых и возведением новых памятников. В Екатеринодаре

¹⁷ Штейнман З. КАПП // Красное знамя. 1925. 14 февр.

¹⁸ Чумаченко В. К. Феномен Василия Барки // Культурная жизнь Юга России. 2003. №2. С. 59–61.

¹⁹ Литературная жизнь края // На подъёме. 1927. №2. С. 36.

«Норд-ост»: литературное приложение к газете «Красное Черноморье» (из фондов ККУНБ)

О. Кирий «Збірка поезій» (фото обложки предоставлено В.К. Чумаченко)

демонтировали памятник Екатерине II и «царские ворота», построенные в честь приезда Александра III, в Армавире – памятник в честь 200-летия кубанского казачества. В 1923 г. был возведён монумент бойцам Таманской армии в ст-це Славянской. Это первый в ряду памятных стел и обелисков, позже появившихся по всему пути легендарного «железного потока». Устанавливались многочисленные памятники В.И. Ленину.

Формировались экспозиции по истории революции, Гражданской войны, советского строительства как в старых, так и в новых (появившихся в Ейске, Сочи, Темрюке) музеях. При архивном управлении был образован Музей Революции²⁰.

Значительно меньше соответствовал представлениям о советском музейном учреждении Краснодарский художественный музей им. А.В. Луначарского (бывшая Екатеринодарская картинная галерея Ф.А. Коваленко, имя наркома просвещения было присвоено музею в 1924 г.). В фонды музея были присланы большие коллекции из крупнейших собраний Москвы и Ленинграда, в том числе произведения И. Айвазовского, И. Левитана, К. Коровина, образцы европейских школ живописи позднего Средневековья и Нового времени. В 1924–1927 годах, во многом стараниями директора Р.К. Войцика, формировалась коллекция русского авангарда из работ всемирно известных мастеров – М. Ларионова, К. Малевича, В. Кандинского, а также художников-авангардистов, живших на Кубани, – супругов Л. и Н. Шмит-Рыжовых и их сына В. Шмит-Рыжова, А. Зеленского, Т. Удальцова²¹. Ещё в начале 1920-х гг. музей принял на хранение 190 произведений японской ксило-

²⁰ Садковская О.Г. Музей Октябрьской революции в городе Краснодаре // Сохранение и актуализация историко-культурного наследия народов Северного Кавказа и формирование толерантной личности музейными средствами. Мат-лы региональной научно-практ. конф. г. Майкоп, 29–31 мая 2007 г. Краснодар, 2007. С. 143–146.

²¹ См.: Солодовников Ю.А. «Дело» профессора Войцика. Исследования и материалы. Краснодар, 2009.

Директор художественного музея профессор Р.К. Войцик (из фондов ККХМ)

В. Кандинский «Беспредметное» (из фондов ККХМ)

графии из собрания уроженца Екатеринодара Н.И. Воробьёва (брата минералога В.И. Воробьёва), который был страстным коллекционером.

В музее проводились выставки членов местного отделения Ассоциации художников революционной России (АХРР), объединявшего приверженцев разных стилей – от реализма до экспрессионизма²², костяк его молодёжного крыла составляли студенты художественного техникума. Критикуя выставочный материал, местная пресса нередко указывала на «методологические ошибки» Р.К. Войцика, в частности на отсутствие классового подхода.

Большинство кубанских театров и кинотеатров в первые годы нэпа были сданы в аренду частным лицам. Для возмещения расходов упор делался на чисто развлекательные зрелища, имевшие сомнительную художественную ценность. Анонсы оформлялись в том же духе. Например, Народный дом Туапсе приглашал зрителей посмотреть «Науку любви» – «весёлую пьесу с интересными положениями»²³.

Как отмечает историк В.А. Матецкий, коммерческий уклон преобладал не только в частных, но и в государственных художественно-зрелищных предприятиях. Статистика показывает, что «кассовым» кинофильмам, спектаклям отдавалось предпочтение. С марта 1924 по июнь 1925 г. в кинотеатрах Северо-Кавказского края было продемонстрировано 58 советских фильмов и более 140 иностранных; всего в прокате края имелось 70 советских фильмов, 151 американский, 59 немецких, 14 итальянских, 13 французских, 4 шведских²⁴.

²² См. Тажиидина И.Г. Краснодарский филиал Ассоциации художников революционной России // Наследие XX века. Опыт переосмысления. Сб. сообщений. Вып. 2. Краснодар, 1995. С. 87–03.

²³ Культурная жизнь в Туапсе и Туапсинском районе. 1920–1930. Хроника. Фрагменты. Туапсе, 1988. С. 8.

²⁴ Матецкий В.А. Художественная культура. Власть. Большевики... С. 60.

Афиша художественного фильма «Азмита», худ. А. Зеленский (из фондов ККХМ)

По мере вытеснения частного предпринимателя из зрелищной индустрии, осенью 1925 г., решением крайисполкома была окончательно прекращена практика сдачи в аренду зрелищных учреждений²⁵. Одновременно усиливался государственный контроль за репертуаром, повышались требования к идейно-политической ценности спектаклей²⁶.

Как вспоминал главный режиссёр краснодарского театра А. Сумароков, с середины 1920-х в репертуаре появилось множество советских пьес – «Шторм» В. Биль-Белоцерковского, «Конец Криворыльска» Б. Ромашова, «Любовь Яровая» К. Тренева и др.²⁷. В сезон 1927–1928 гг. советские пьесы преобладали во всех десяти государственных театрах Северо-Кавказского края, но и при этом, как подчёркивалось в официальных отчётах, материальный успех имели в большей степени комедии и мелодрамы, а спектакли советского репертуара посещались слабо. Дефицит покрывался за счёт дотаций из местного бюджета.

Путём продажи льготных билетов членам профсоюзов, студентам, учащимся формировалась «организованная публика». Иногда профсоюзы централизованно закупали все билеты на тот или иной спектакль²⁸.

Театр для детей после отъезда из Краснодара его основателей оказался в сложном положении; личная поддержка А.В. Луначарского, энтузиазм режиссёров Н. Бу-

торина и Н. Попова позволила театру «продержаться» до середины 1920-х годов за счёт активной гастрольной деятельности. В 1927 г. в Краснодаре начала работать «Мастерская детского театра».

Оформляли спектакли талантливые художники, в том числе И. Жильцов, ранее работавший в Большом театре, упомянутый выше ученик Бакста Я. Гарбуз. Под руководством Гарбуза молодые художники Краснодара овладевали тонкостями создания театральных костюмов.

Характерной приметой нэпа было сосуществование государственной и частной инициативы в художественном образовании. Постановлением Кубано-Черноморского облисполкома в 1922 г. было разрешено наряду с государственными открывать и частные «художественно-профессиональные» учебные заведения²⁹. На основе самоокупаемости работали хореографические школы К. Исаченко, Е. Волковой и др. Представления воспитанников театральных и балетных школ вносили разнообразие в художественную жизнь региона. Пресса сообщала о студийных постановках балетной классики, нового балета «Красный мак» (композитор Р. Глиэр). На музыку Д. Говорухина (выпускника руководимого В. Золотарёвым класса композиции Кубанской консерватории/музыкального института) был поставлен балет «В ночь карнавала» (эскизы костюмов Л. Шмит-Рыжовой)³⁰.

Широкое распространение получили самодеятельные театральные студии. Профессиональные передвижные труппы давали шефские спектакли в воинских частях, сельской местности.

В период нэпа ведущие музыкальные коллективы Кубани практически распались. Музыканты выступали в ресторанах и фойе кинотеатров и лишь изредка в неполном составе собирались, чтобы дать совместный концерт. Обозреватель культурных событий И. Войтехов в 1923 г. отмечал: «Музыки здоровой и серьёзной у нас в пределах города и области нет», хотя в первые месяцы советской власти музыкальная жизнь «была ключом»³¹. Через год он дал такую характеристику имеющимся в городе двум симфоническим группам. Первая – сильная, квалифицированная (музыканты бывшего оркестра Кубанского казачьего войска) – играла в кинотеатре «Арс» под руководством Г. Черкасского. Вторую группу, менее опытную, но близкую к музыке в смысле «служения искусству», составили учащиеся музыкального техникума под руководством Г. Тамлера³².

Краснодарский музыкальный техникум становится центром музыкальной жизни. В середине 1920-х гг. он насчитывал 482 учащихся и 37 педагогов³³. Среди преподавателей были талантливые скрипачи Н. Вилик, М. Кирлиан, пианисты Ф. Кребс, А. Сокольниковская, В. Сокольниковская-Вассер, Н. Яковлев, вокалисты В. Монтиконе-Майна, Ю. Соломко, дирижёры К. Воут и Г. Тамлер и др. Они выступали в концертах классической музыки, давали лекции-концерты.

²⁵ Куценко И.Я. Революция и культура. С. 127.

²⁶ См.: Тажидинова И.Г. Кубанские театры в 1920-е годы (особенности репертуара) // Первые Кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар, 1999. С. 80–83.

²⁷ Сумароков А. Глазами актёра. Киев, 1966. С. 205.

²⁸ Матецкий В.А. Художественная культура. Власть. Большевики... С. 122–123.

²⁹ Екатеринодар–Краснодар. С. 473.

³⁰ Красное знамя. 1927. 1 апр.

³¹ Ил. В. Музыкальная жизнь в городе // Огни. Краснодар, 1923. Кн. 2. С. 14.

³² Ил. В. Возможны ли симфонические концерты в Городском саду // Красное знамя. 1924. 5 июля.

³³ Северный Кавказ после районирования. Ростов-на-Дону, 1925. С. 285.

В 1925 г. был образован Кубанский мужской вокальный квартет, исполнявший советские и народные песни (формировать кубанский репертуар помогли бывшие руководители Войскового хора Г. Концевич и Я. Тараненко).

С творческими экспериментами молодёжи, входившей в Российскую ассоциацию пролетарских музыкантов, зрители могли познакомиться на концертах «революционной музыки».

По инициативе И. Войтехова (он преподавал в музыкальном техникуме историю музыки) проводились молодёжные симфонические утренники. Первое отделение обычно было посвящено творчеству какого-либо композитора или анализу отдельного произведения, а второе формировалось по заявкам слушателей. После смерти И. Войтехова в 1926 г. подобные мероприятия потеряли свой просветительский характер и превратились в «блиц» по заявкам слушателей³⁴.

Празднование 100-летия со дня смерти Бетховена в Краснодаре в 1926–1927 гг. ознаменовалось исполнением всех симфоний и ряда других произведений выдающегося композитора. Было проведено 15 концертов, на которых выступили музыканты бывшего Войскового симфонического оркестра и учащиеся музыкального техникума. По мнению музыковеда В.А. Фролкина, это был «выдающийся факт» для провинции³⁵.

Большой интенсивностью отличалась гастрольная жизнь Кубани. Кубанских меломанов радовали знаменитые певцы Л. Собинов, А. Нежданова, А. Батурин, В. Дровяников (уроженец Кубани), квартет им. А. Глазунова, композитор Р. Глиэр. Приезжали Малый театр, театр В. Мейерхольда, балетная студия Ирмы Дункан, балерина Е. Гельцер. В Краснодарском театре несколько сезонов выступали известные актёры Н. Радин, Е. Шатрова, В. Блюменталь-Тамарин.

Итак, установление советской власти ознаменовало собой кардинальные изменения в сфере культуры, главной задачей стало формирование нового человека – строителя социализма.

Интенсивностью и разнообразием отличалась культурная жизнь Кубани в начале 1920-х гг. Привлечение на данном этапе к координационной деятельности интеллигенции объективно способствовало её адаптации к новым условиям.

Из-за сокращения государственных дотаций в годы нэпа были упразднены или реорганизованы многие учреждения культуры и образования. Несмотря на отток научной и художественной интеллигенции, продолжала развиваться сеть учебных заведений, в том числе высших, научно-исследовательских и просветительских центров. Возникли новые творческие коллективы и организации, в том числе делавшие ставку на развитие пролетарской культуры, на активное приобщение рабочих, крестьян, красноармейцев к мировому художественному наследию.

Сосуществование государственной и частной инициативы, соперничество различных направлений в художественной культуре при отсутствии тотальной идеологизации вносили разнообразие в развитие культурной жизни.

4. Культурные процессы периода «великого перелома» и 1930-х годов

Рубеж 1920-х – 1930-х гг. – время «великого перелома» под знаком решительного наступления социализма на капиталистические элементы города и деревни.

«Великий перелом» означал окончательное подчинение культуры задачам социалистического строительства – через идеологизацию, огосударствление и централизацию. Курс на культурную революцию предполагал, прежде всего, коренное преобразование духовной жизни людей на основе коммунистической идеологии.

Повышение уровня грамотности населения на рубеже 1920–1930-х гг. являлось одним из условий социалистической модернизации. С 1929 г. начался переход к всеобщему начальному обучению. Массово открывались школы всеобщего для детей 8–11 лет и для «переростков». Города и сельские районы Кубани рапортовали об успехах в этой области¹, и даже Н.К. Крупская (в статье «Культурная революция»), опираясь на победные рапорты, констатировала, что «к ленинским дням 1931 г. Адыгея стала страной сплошной грамотности»². Судя по ситуации последующих лет, заявление оказалось преждевременным.

В начале 1930-х гг. был дан старт программе обязательного семилетнего обучения. Школы становились институтами советизации – организационными центрами пионерской и комсомольской работы. Уже в 1931 г. 86% учащихся школ первой ступени Краснодара были пионерами³.

В городах и районных центрах открываются дворцы и дома пионеров. Растёт сеть культурно-просветительных учреждений. На 1 мая 1938 г. в Краснодарском крае имелись 71 дом культуры, 1373 колхозных клуба, 255 других клубов, 617 изб-читален. Секретарь Краснодарского крайкома ВКП(б) отмечал, что к 1937 г. количество библиотек в крае выросло почти в 100 раз сравнительно с 1914 годом: 1791 библиотека с 1848 тыс. книг, тогда как в 1914 г. было 19 библиотек с 21 тыс. единиц книжного фонда⁴.

¹ Культурное строительство на Кубани... С. 127.

² Там же. С. 136.

³ Там же. С. 127.

⁴ Там же. С. 165. Данные о количестве библиотек и их книжном фонде в дореволюционный период были сильно искажены. Только в шести библиотеках Екатеринодара в 1914 г. было не менее 53 тыс. томов книг и более 14 тыс. комплектов

³⁴ Фролкин В.А. Кубанский симфонический оркестр (1812–2002). Краснодар, 2002. С. 46–47.

³⁵ Там же. С. 47.

Всё большее внимание уделялось спорту. В 1930 году была открыта первая школа-манеж для «обучения трудящихся верховой езде и конному делу». Проводились традиционно любимые кубанцами конноспортивные состязания. С 1932 г. в Краснодаре начал работать современный стадион «Динамо» с двумя футбольными полями, в 1935 г. – гимнастическая школа. Краснодарский аэроклуб был одним из лучших в СССР.

Своего апогея достигает пропаганда атеизма. Церкви и мечети разрушали или переоборудовали в клубы; на Кубани было уничтожено множество зданий, связанных с религиозными культурами (в 1932 г. разрушен бывший войсковой Александро-Невский собор в Краснодаре; в Армавире – православные Николаевская и Успенская церкви, храмы Св. Петра и Павла и Св. Георгия Армянской апостольской церкви, кирха, синагога). Многие служители религиозного культа были репрессированы, в их числе архиепископ Софроний (Арефьев), расстрелянный в 1937 г. В 1938 г. первый секретарь Краснодарского крайкома ВКП(б) докладывал о том, что в крае действует 889 ячеек Союза воинствующих безбожников (22 547 человек), причём данные показатели представлялись партийному лидеру «скромными»⁵. Официально был запрещён колокольный звон, проводились антирождественские карнавалы, широко тиражировались листовки с антирождественскими тезисами. При музее революции с конца 1928 г. работало антирелигиозное отделение с разделами дарвинизма, христианской религии и современной науки.

Вообще музеи рассматривались как инструмент идеологического воздействия на посетителей. В 1930 г. экспозиция Краснодарского художественного музея была перестроена на базе учения об общественно-экономических формациях. Посетителей знакомили со стилевыми особенностями искусства различных социальных групп. Как справедливо утверждает историк И.Г. Тажиудинова, установка на выявление классово-сущности искусства с неизбежностью влекла за собой отказ от традиционного эстетического принципа показа художественных школ, которого придерживался директор музея Р.К. Войцик (арестован в 1934 г.). Негативная оценка «буржуазно-формалистического авангардизма» обусловила изъятие из экспозиции богатой коллекции авангарда⁶.

В историко-краеведческих музеях (которых к 1940 г. в крае было 13) строго регламентировался метод показа сюжетов отечественной истории. Согласно принципам сталинского «Краткого курса истории ВКП(б)» особое значение придавалось отделам социалистического строительства. Уже в предвоенные годы в музейную экспозицию как обязательная вводилась тема «Защита Отечества – священный долг каждого гражданина СССР»⁷.

По решениям июльского 1928 г. и ноябрьского 1929 г. пленумов ЦК ВКП(б), определивших ориентир на создание в стране нового типа высших учебных заведений «с резко выраженной специализацией по определённым отраслям промышлен-

Здание Всесоюзного института табака и махорки. Краснодар (из фондов КГИАМЗ)

ности», произошли некоторые изменения в вузовской сети Кубани. В Краснодаре на базе КСХИ были открыты Северо-Кавказский практический институт сельского хозяйства, Институт специальных технических культур, Институт свиноводства, Институт пищевой промышленности. Эти «карликовые» высшие школы просуществовали недолго и вскоре подверглись реорганизации⁸. Появились, в частности, институт виноделия и виноградарства и химико-технологический вуз. Незадолго до войны в Краснодаре и Майкопе были учреждены учительские институты для подготовки учительских кадров для средних классов школы. По данным на 1940 г., в пяти вузах края училось 5368, а преподавало 480 человек⁹.

Из новых научно-исследовательских учреждений в это время возникли Всесоюзный НИИ масличных культур, рисовая опытная станция. В 1936 г. в Сочи начал работу Клинический НИИ им. Сталина. Всего перед войной в Краснодарском крае было 32 научные организации, в том числе 7 научно-исследовательских институтов и 21 опытная и селекционная станция¹⁰.

Широкую известность снискали опыты по выведению новых сортов подсолнечника В.С. Пустовойта, озимой пшеницы П.П. Лукьяненко.

журналов и газет. Этот факт отражён в представленном председателем библиотечной подкомиссии Екатеринодарской городской думы Б.М. Городецким Докладе по вопросу о реорганизации библиотечного дела в городе Екатеринодаре (Екатеринодар: Энергия, №1419–1915. С. 6).

⁵ Краснодарский край в 1937–1941 гг.: Док. и материалы. Краснодар, 1997. С. 496.

⁶ Тажиудинова И.Г. Художественная жизнь Кубани в 1920-е – 1930-е гг. Автореф... канд. ист. наук. Краснодар, 1997. С. 19.

⁷ Стругова М.Р. Краснодарский историко-краеведческий музей в 1930-е годы // Еремеева А. Н., Рожков А.Ю., Стругова М.Р. Наука и власть: кубанский контекст (1917–1941). Краснодар, 2010. С. 107.

⁸ Куценко И.Я. Кубанский государственный технологический университет: история и современность. С. 118.

⁹ Краснодарский край в 1937–1941 гг. Документы и материалы. Краснодар, 1997. С. 126.

¹⁰ Суций С.Я. Образование и наука Юга России: аналитико-картографическое исследование. Ч. 1 (период до 1945 г.). Ростов н/Д, 2009. С. 190.

Сотрудники селекционной опытной станции, 1935 г. (из фондов музея П.П. Лукьяненко, КНИИСХ)

Стенд сочинской селекционной станции на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, 1941 г. (из архива ВНИИЦиСК)

В связи с постановлением ЦК ВКП(б) «О создании в СССР собственного чайного хозяйства» в 1936 г. на сочинской зональной плодово-ягодной опытной станции открывается Отдел чайного хозяйства и закладывается плантация чая в Сочи. Спустя два года были проведены первые посевы чая в окрестностях Майкопа¹¹.

В числе экспонатов сочинской станции на предвоенных ВДНХ были представлены мандарины, апельсины, грейпфруты, фейхоа, японская хурма, чайные кусты¹².

На этой же станции в 1934 г. был начат уникальный эксперимент: к молодому деревцу дикого лимона стали прививать различные цитрусовые культуры для получения новых морозостойких сортов. Научный сотрудник Ф.М. Зорин последовательно привил в крону дерева японские мандарины, испанские апельсины, китайские кинканы, итальянские лимоны, грейпфруты и др. – всего 45 видов и сортов цитрусовых. Из дикого сеянца выросло дерево-сад с яркими и абсолютно разными плодами. В 1940 г. на этом дереве в память о своём посещении сада сделал прививку известный полярный исследователь О.Ю. Шмидт. Сейчас на дереве Дружба более 600 прививок, сделанных выдающимися людьми планеты, в разное время посетившими Сочи.

В Краснодаре супруги С.Д. и В.Х. Кирлиан, развивая идеи Я. Наркевича-Йодко и Н. Теслы, разработали новый способ фотографирования объектов различной природы посредством газового разряда, позволявший наблюдать факт излучения света атомами или молекулами. «Эффект Кирлиана» был открыт в 1939 г., а запатентован через 10 лет.

В рамках организованного в 1929 г. Адыгейского научно-исследовательского института краеведения проводились многочисленные фольклорные экспедиции в адыгейские аулы (в них принимали участие адыгейский писатель И.С. Цей и зна-

ток казачьего фольклора Г.М. Концевич). Н.Ф. Яковлев и Д.А. Ашхамаф разработали правила новой адыгейской орфографии: на смену латинице пришла кириллица.

Силами Краснодарского историко-краеведческого музея и столичных академических учреждений было много сделано в плане археологических изысканий¹³.

Однако именно конец 1920-х – 1930-е годы стали временем больших потерь для образования и науки Кубани. В период свёртывания нэпа прозвучали требования «изъять реакционных профессоров» из вузов, заменить их новыми кадрами в строгом соответствии с «классовой линией». В течение 1929 г. всех беспартийных ректоров краснодарских вузов заменили членами Коммунистической партии.

Первая волна репрессий пришлась на 1930–1931 годы: арестовали ректора и профессоров сельскохозяйственного института Н.А. Ленского, П.И. Мищенко А.А. Малигонова, С.А. Захарова и др., вменив им в вину то, что они были противниками коллективизации. В.С. Пустовойт по ложному доносу был арестован и в течение пяти лет отбывал наказание на территории Карагандинского лагеря; там учёный занимался селекцией уже не подсолнечника, а местной культуры – проса. В середине 1934 г. по политическим мотивам были взяты под арест профессора и доценты пединститута Р.К. Войцик, Г.Г. Григор, М.В. Клочков и др., в 1937-м – директор Адыгейского НИИ И.Х. Барон, директор Адыгейского краеведческого музея И.А. Наврузов. В 1937–1938 гг. в Краснодарском музыкальном училище были арестованы директор М.И. Чернышев, теоретик музыкального образования и композитор Н.А. Преображенский, Г.М. Концевич и др.¹⁴

В начале 1930-х на Кубани, как и по всей стране, стали запрещать краеведческие организации. По этой причине в 1932 г. после более чем тридцатилетней деятельности произошёл самороспуск Общества любителей изучения Кубанской области¹⁵.

Своеобразное воздействие на культурную жизнь Кубани оказала украинизация. Как государственная политика это направление быстро эволюционировало. Признание необходимости образования на родном, понятном значительной части жителей края языке сменилось планом «сплошной украинизации», согласно которому следовало перевести на украинский язык всё делопроизводство, партийную работу и т.д. В связи с этим на базе Краснодарского пединститута был организован Северо-Кавказский украинский педагогический институт им. М. Скрыпника. Открылся Северо-Кавказский украинский научно-исследовательский институт с секторами экономики, истории и этнографии, литературы и искусства, культурно-языкового строительства. Его научному коллективу была поручена разработка новых школьных учебников: по украинскому языку, обществоведению, украинской литературе. Однако постановление ЦК ВКП(б) «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области» от 14 декабря 1932 г. положило конец украинизации Кубани: выпуск украинских газет и журналов, радиовещание на украинском языке запрещались, закрывались украинские учебные

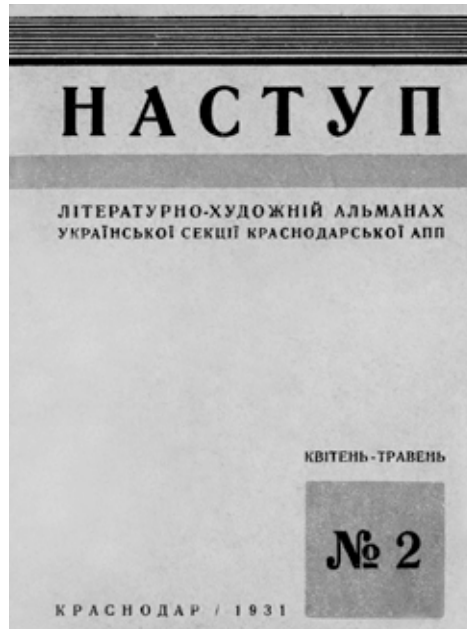
¹³ См.: Прошлое Кубани: из наследия Н.В. Анфимова / сост. Е.А. Хачатурова, А.В. Пьянков. Краснодар, 2010.

¹⁴ Фролкин В.А. Краснодарский музыкальный колледж им. Н.А. Римского-Корсакова. История, события, факты (1906–2006). С. 137.

¹⁵ Ратушняк Т.В. Краеведение на Кубани в годы репрессий (к постановке проблемы) // Вторые Кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар, 2000. С. 125–131.

¹¹ Кравцов И.А., Сапиев А.М. 110 лет на службе сельскому хозяйству субтропиков России // 110 лет в субтропиках России: сб. науч. тр. Вып. 39. Сочи, 2004. Ч. 1. С. 12.

¹² Кремнев М. Сочинская опытная станция субтропических культур // Большевик. 1940. 26 мая. С. 3.

«Наступ». Литературно-художественный альманах украинской секции Краснодарской ассоциации пролетарских писателей (из фондов КГИИМЗ)

заведения, подверглись репрессиям деятели украинской культуры¹⁶.

После свёртывания нэпа начался переход к тотальной цензуре, художественная интеллигенция была поставлена под «опеку» со стороны государства.

В авангарде борьбы за социализм шла Российская ассоциация пролетарских писателей, а в регионах – отделения РАПП. Писатели были поделены по классовому принципу. Развернулась борьба против «правой опасности». В связи с такой политической ситуацией газетные статьи о литературе, искусстве, театре всё более начинали походиться на печатные доносы. Члены Краснодарской ассоциации пролетарских писателей (КАПП) клеймили «подлейший и омерзительнейший» рассказ Б. Пильняка «Нижегородский откос», «чуждые» произведения С. Сергеева-Ценского, роман К. Федина «Трансвааль», критические статьи А. Вронского и др.¹⁷. В борьбе с «правым уклоном» в Краснодарском театре прошли пять диспутов КАПП, подробно освещавшиеся в прессе. «Театр – не зрелище, а трибуна», «классовая борьба разгорается в зрительном зале между рабочим зрителем и мещанско-обывательской публикой», «театр не может пройти мимо пятилетнего плана и развития народного хозяйства СССР», – утверждалось в газете «Красное знамя».

От творчества литераторов главным образом требовали «идеологической зрелости» – освещения тем, актуальных для насущных задач строительства социализма. Яркий пример – напечатанная в 1930 г. в альманахе «Ленинским шляхом» (орган КАПП) критика стихов поэта с дореволюционным стажем А. Кирия. Начинаящий публицист И. Тахненко обнаружил множество ошибок у поэта, который «участия в революции не принимал». Особенно его возмутили лирические стихи. «Это что же, батраку больше нечего делать, как ходить к речке и играть на сопилке?» – иронизировал он. А потом обрушивался на стихотворение «Подсолнух»: «Это теперь, когда посевов больше, чем до войны? Когда на Кубани вся степь коллективная и не осталось ни одного шматка незасеянного, а у т. Кирия серая степь

и только один подсолнух желтеет?» И далее следовал бескомпромиссный вывод: «С такими пятилетку не выполнить и за 50 лет»¹⁸.

С началом коллективизации члены КАПП, а также местных отделений ВОКП (Всероссийское объединение крестьянских писателей) осуществляли рейды в сельскую местность, где участвовали в севе и хлебозаготовках, агитировали за вступление в колхоз. На основе собранных в поездках впечатлений они писали о социалистическом переустройстве села. 21 марта 1930 г. «Красное знамя» сообщило о том, что председатель КАПП, редактор радиогазеты «Кубанский колхозник» Ф. Макеев «погиб от руки кулака».

Как и по всей стране, на Кубани проходил «призыв ударников в литературу». КАПП в целях «закрепления новых кадров ударников» курировала литературные кружки на заводах, выступала организатором вечеров в рабочих клубах¹⁹.

Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 г. ассоциация пролетарских писателей была ликвидирована. Отныне писателей, поддерживающих платформу советской власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве, должен был объединить единый Союз советских писателей. Аналогичным изменениям подверглись творческие объединения музыкантов, композиторов, художников, архитекторов.

Первыми членами созданного в 1934 г. Адыгейского отделения Союза писателей СССР стали Т. Керашев, А. Хатков, М. Паранук. В их творчестве преобладала тематика революции и социалистического строительства. На адыгейский язык переводились произведения русской классики и современной литературы, создавались учебники по адыгейской литературе для средней школы. К новой действительности адаптировался и ашуг Цуг Теучеж. Его поэма «Родина» (1939), стихи «Счастье», «Старое и новое» и др. отражают социалистическое строительство в Адыгее. В исторических поэмах «Война с князьями и орками» (1938), «Урысбий Мэфоко» (1939) получили развитие темы его дореволюционных песен.

Во второй половине 1930-х гг. вокруг газеты «Большевик» сформировалась литературная группа, куда входили будущий известный советский прозаик и драматург В. Овечкин, писатели А. Первенцев (автор получивших известность романов «Кочубей», «Над Кубанью»), П. Иншаков (он руководил кабинетом молодого литератора), К. Катаенко, В. Очерет. Инициированное партийными органами создание Краснодарского отделения Союза писателей пришлось уже на послевоенные годы.

Многие писатели и журналисты Кубани стали жертвами репрессий – В. Потепенко, Ф. Коновалов, С. Сиухов и др.²⁰

В 1928–1936 гг. в Сочи прикованный к постели и потерявший зрение Николай Островский писал роман «Как закалялась сталь». Это произведение почти сразу стало культовым. Силами группы писателей, в том числе Т. Керашева, роман

¹⁶ См. Чумаченко В.К. К истории Северо-Кавказского украинского научно-исследовательского института в Краснодаре // История регионального научного сообщества: проблемы изучения. Краснодар, 2007. С. 87–90.

¹⁷ И.Ш. В КАПП. Против правой опасности // Красное знамя. 1929. 1 мая. С. 4.

¹⁸ Чумаченко В.К. «Я всё стерплю, перестрадаю...» // Кирий Олекса. Моя жизнь. Краснодар, 2012. С. 11.

¹⁹ См.: На подъёме. 1931. №5. С. 186.

²⁰ Чумаченко В.К. Казачья литературная Голгофа (кубанские писатели, историки и журналисты – жертвы политических репрессий) // Третий Кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар, 2001. С. 255–267.

Афиша Краснодарского театра музкомедии (из коллекции Е. Ручей)

Премьер Краснодарского театра музкомедии Л. Орлов (из коллекции Е. Ручей)

оперативно перевели на адыгейский язык. С 1937 г. в Сочи функционировал мемориальный музей Н.А. Островского.

В 1940 г. в Краснодаре опубликована первая книга романа А. Степанова «Порт-Артур», завоевавшая любовь читателей и получившая высокую оценку критики.

К концу 1930-х гг. в крае выходило 154 газеты, из которых 2 краевые – «Большевик» и «Комсомолец», 3 городские, 73 районные, 2 адыгейские областные, 73 печатные многотиражки и одна «Курортная газета». Общий тираж составлял 350 тыс. экз.²¹

Стремлению расширить сферу зрелищных предприятий отвечало строительство новых театральных помещений (в Краснодаре, Майкопе, Сочи). В 1930-х годах появились театр музыкальной комедии, кукольный театр. На волне реализации принятого 15 марта 1934 г. постановления Наркомпроса РСФСР «О развитии колхозно-совхозных театров» и последовавшего за ним приказа наркома просвещения А. Бубнова «О порядке организации работы колхозно-совхозных театров» массово организовывались театральные коллективы такого рода.

К концу 1930-х гг. в крае было 11 театров, из которых 5 – колхозно-совхозных. Работали национальные труппы – украинская, армянская, адыгейская, кадры для которой готовил открывшийся в 1933 г. в Краснодаре при деятельном участии И. Цея Адыгейский театральный техникум. Первоначально адыгейский театр имел статус передвижного колхозно-совхозного, затем (после постановки спектаклей «Скупой» Ж.-Б. Мольера и «Кочас» И. Цея) стал профессиональным. В 1941 г. его труппа пополнилась вернувшимися из Москвы выпускниками адыгейской театральной студии Государственного института театрального искусства.

²¹ Культурное строительство на Кубани. С. 166. Приведены данные на 1938 г.

На рубеже 1920–1930-х гг. режиссёров и артистов «мобилизовывали» на решение задач социалистического строительства, призывали следовать «классовой линии». Обозреватель «Красного знамени» критиковал руководство драматического театра Краснодара за репертуар, не пропагандировавший политику партии и курс на коллективизацию²². Журналист связывал необходимость «классовой линии» с «обострением классовой борьбы», транслируя, таким образом, известный тезис И.В. Сталина. Был объявлен бой «мелкобуржуазным мещанским настроениям» зрителей, требовавших «красивых пышных постановок»²³. Многие публикации на театральную тему отталкивались от положений постановления СНК РСФСР «Об улучшении театрального дела» (принято 7 октября 1930 г.) и приказа №419 наркома просвещения А. Бубнова: театр должен был стать средством коммунистического воспитания.

В театрах формировались постоянные труппы. Репертуарные планы стали утверждаться на бюро горкомов партии. Особое внимание отводилось советскому репертуару. Олицетворением его стали пьесы Горького: в драмтеатре Краснодара шли «Варвары», «Враги», «Васса Железнова». В 1934 г. по решению Краснодарского горсовета в ознаменование 40-летия литературной и революционной деятельности писателя имя А.М. Горького было присвоено театру и городскому саду²⁴. Театр Ростова-на-Дону носил это же имя.

Показателем достаточно высокого статуса Краснодарского драмтеатра стало разрешение на постановку в 1939 г. пьесы о вожде революции («Человек с ружьём» Н. Погодина). Роль Ленина исполнял М. Сандро-Новиков.

Оригинальностью отличались работы театральных художников Я. Гарбуза, А. Ладыжинского (впоследствии с успехом работал в театрах Ташкента, Ашхабада и Москвы) и П. Цыгоя (с 1938 г. он был главным художником краевого драмтеатра им. М. Горького).

Сеть городских и сельских театров в целом была убыточной, затраты восполнялись дотациями. Колхозно-совхозные театры не имели стационарной базы и постоянно давали спектакли на «выезде»; затраты увеличивались за счёт оплаты транспорта, суточных. На прошедших в 1937 г. партийных конференциях причиной убытков провозглашали, в духе времени, враждебную деятельность «разоблачённых врагов народа»²⁵.

Помимо традиционно популярных цирков-шапито в Краснодаре, Майкопе, станции Лабинской были построены стационарные цирковые помещения. Работавшая с 1939 г. Краснодарская филармония организовывала эстрадные концерты. Объединённые высокоидейным конферансом номера концерта могли мобильно откликаться на все требования момента. Песня о любви к Родине сменялась сценой из драматического спектакля или оперетты, разоблачающей врагов народа, бодрый марш – клоунадой, а зажигательная пляска – политическим фельетоном²⁶.

²² Суриц Е. Итоги театрального сезона Госдрамы в 1929–1930 гг. // Красное знамя. 1930. 17 мая. С. 4.

²³ За советский театр. Никаких уступок мелкобуржуазным мещанским настроениям // Красное знамя. 1930. 5 февр. С. 4.

²⁴ Екатеринбург–Краснодар... С. 545.

²⁵ Краснодарский край в 1937–1941 гг... С. 496.

²⁶ Борисов Б., Борисов Г., Бурyleв В. Краснодарская филармония: прошлое и настоящее. Краснодар, 1989. С. 72.

В связи с усилением требований к кино как средству пропаганды, агитации и воспитания с 1930 г. началась перестройка кинодела. Частные формы кинообслуживания были ликвидированы, внедрялись новые – под лозунгом «Ни одного сеанса без политпросветработы!». Ставился вопрос о замене «буржуазных» фильмов в прокате советскими²⁷.

Началась эпоха звукового кино. Одним из лучших звуковых кинотеатров стал краснодарский «Колосс» (бывший «Палас»), открытый в 1933-м. К концу второй пятилетки было решено полностью кинофицировать (в основном звуковыми киноустановками) города и районные центры. В 1938 г. в крае, по официальным данным, было 580 кинотеатров, в 1940-м – чуть больше 400 (из них 354 звуковых)²⁸. Однако при этом в Краснодаре было только два современных кинотеатра, а во «всесоюзной здравнице» Сочи – один. В 1940 году в крае имелось 98 звуковых и 119 «немых», 213 узкоплёночных автопередвижек. Часть установок простаивала по причине отсутствия запасных частей для кинооборудования, а также горючего и резины для автомашин²⁹.

В 1936 г. на Кубани и Дону по решению ЦК ВЛКСМ состоялся первый в стране кинофестиваль. Демонстрация лучших советских фильмов – «Чапаев», «Весёлые ребята» и др. – проводилась в первую очередь в отдалённых сельских районах.

В крае работали небольшие симфонические и джазовые коллективы. Наиболее надёжным местом заработка для них были фойе кинотеатров. Попытки создать симфонический оркестр в 1930-е гг. предпринимались неоднократно: при радиокомитете (под управлением Г.Ф. Тамлера), при Краснодарском Доме учёных (под управлением К.А. Воута), при филармонии (под управлением сначала И.Е. Ванслова, затем К.А. Воута). Однако новорождённые коллективы существовали недолго. Гораздо чаще концерты с несложными программами симфонической музыки давали оркестр драматического театра им. Горького, усиленный педагогами музыкального училища, оркестр театра музкомедии, ученический оркестр музучилища³⁰. Среди юных кубанских музыкальных дарований выделялся студент Краснодарского музыкального техникума по классу скрипки Ю. Силантьев. Вскоре его имя – главного дирижёра ведущего симфонического оркестра СССР – узнала вся страна.

Курс сталинского руководства на воспитание патриотизма через осознание великого исторического прошлого России выразился в повышении интереса к народной культуре. В 1936 г. был создан первый адыгейский ансамбль песни и пляски. В этом же году воссоздан Кубанский казачий хор. Его возглавили прежние руководители – 74-летний Г. Концевич (вскоре обвинённый в подготовке покушения на Сталина) и Я. Тараненко. Классические хоровые произведения, кубанские народные песни, отрывки из опер, песни советских композиторов (среди которых, конечно, «Песня о Сталине») в исполнении коллектива с восторгом принимались и кубанцами, и зрителями всей страны. В 1938 г. хор был реорганизован в ансамбль песни и пляски кубанских казаков.

²⁷ Матецкий В.А. Художественная культура. Власть. Большевики... С. 120.

²⁸ Краснодарский край в 1937–1941 гг... С. 496.

²⁹ Там же. С. 535.

³⁰ Фролкин В. Кубанский симфонический оркестр (1812–2002). С. 49–50.

Для записи казачьих песен проводились фольклорные экспедиции, параллельно записывали и воспоминания партизан³¹. О реабилитации казачьей тематики в целом свидетельствовало появление в местной молодёжной газете статей В.А. Голобуцкого о ранней истории казачества³².

На гастрольных афишах Кубани появлялись имена оперных певцов П. Цесевича и В. Дровяникова, скрипачей Д. Ойстраха и М. Эрденко. Взрослым и детям полюбили выступления руководимого С. Образцовым Московского кукольного театра с его оригинальными конструкциями кукол и необычной стилистикой спектаклей, будь то агитационная пьеса или народная сказка.

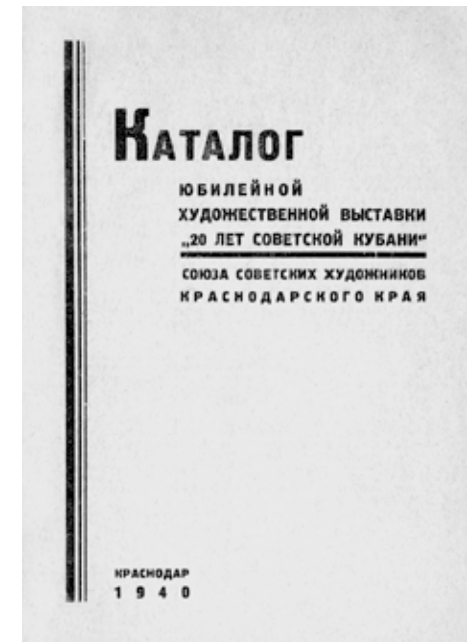
Изобразительное искусство в 1930-х гг. было призвано прежде всего освещать успехи социалистического строительства.

Зарисовки будней колхозной Кубани, индустриальные пейзажи вышли на первый план в творчестве большинства художников. Особо востребованы были сюжетно-тематические полотна, изображающие выступления государственных и военных руководителей перед населением (в этом жанре работали К. Матцев и В. Майяков). Непревзойдёнными мастерами лирического пейзажа остались известные кубанцам с дореволюционных времён Г. Аветисян, Н. Шариков.

На эти годы пришлось творческое становление графика, будущего известного книжного иллюстратора А. Глуховцева. В 1930-е гг. он, уроженец кубанской станицы, иллюстрировал повесть Л.Н. Толстого «Казак». На рисунках небольших форматов, выполненных тушью, со знанием всех тонкостей изображены одежда и предметы быта казаков и горцев.

Важным элементом в оформлении парков, площадей, клубов в станицах и в городах были памятники, скульптуры типа «Салют пионера». В 1940 г. в крае было 111 памятников В. Ленину, 288 памятников борцам за революцию, 5 – С. Кирову, 1 – С. Орджоникидзе, 1 – К. Марксу³³.

Автором множества скульптур, надгробных памятников, реставратором

Каталог юбилейной художественной выставки «20 лет Советской Кубани» (из фондов ККХМ)

³¹ Феценко. Фольклорная экспедиция // Большевик. 1940. 27 мая. С. 4.

³² Голобуцкий В.А. Уничтожение Запорожской Сечи и начало образования Черноморского казачьего войска // Комсомолец (Краснодар). 1941. 23 мар.; Его же. Образование Черноморского казачьего войска // Там же. 1941. 2 апр.; Его же. О социальных отношениях в Черноморье // Там же. 1941. 16 мая; Его же. «Персидский бунт» 1797 года // Там же. 1941. 1 июня.

³³ Краснодарский край в 1937–1941 гг... С. 536.

барельефов и художественной резьбы был К.А. Дитрих (репрессированный в конце 1930-х гг.).

В 1938 г. учреждено Краснодарское отделение Союза советских художников. Его основными функциями были организация выставок, контроль за созданием новых произведений, оказание творческой помощи самодеятельным художникам. Местные творческие силы наиболее полно представила Первая выставка художников Краснодарского края, посвящённая 20-летию Советской Кубани. В порядке подготовки к ней проходили смотровые выставки в Майкопе, Новороссийске, Сочи, Краснодаре.

Многие художники заключали контракты на создание тематических картин и оформительские работы со «Всероссийским кооперативным союзом работников изобразительных искусств» (краткое название этой организации «Всекохудожник»). Филиал «Всекохудожника» на Кубани был образован во второй половине 1930-х гг.³⁴

Особое значение придавалось развитию самодеятельных коллективов рабочих и колхозников. В 1939 г. в Краснодарском крае имелось 2244 самодеятельных кружка: хоровых, театральных, танцевальных и др.³⁵ Профессиональные коллективы брали шефство над ними. Краснодарский драмтеатр шефствовал над театральными коллективами станиц Марьянской и Пластуновской. Деятельность самодеятельных коллективов координировал краевой Дом народного творчества. Смотры художественной самодеятельности, в том числе детской, стали неотъемлемой частью культурной жизни.

В сентябре 1938 г. прошла первая краевая олимпиада колхозно-совхозного творчества. Она продемонстрировала значительный потенциал самодеятельности. В постановлении крайкома партии по итогам олимпиад наряду с положительными моментами отмечались недостаточное количество кубанских народных песен в репертуаре хоров, малая активность индивидуальных исполнителей – чтецов, декламаторов, инструменталистов, а также такое «недопустимое» явление, как стремление ряда станичных самодеятельных коллективов (из станиц Ладожской, Марьянской, Брюховецкой) организовывать платные концерты³⁶.

Деятели науки и культуры широко привлекались к «культурному обслуживанию» рабочих и колхозников. Формировались бригады для поездки на «ударные» стройки, например на строительство Шапсугского и Тщикского водохранилищ. Профессиональные артисты и самодеятельные коллективы, выступая с концертами, поддерживали «ударный» дух рабочих³⁷. Сотрудники краевого музея параллельно чтению лекций («Древние поселения Прикубанья», «Наука и религия», «Революционное прошлое нашего края») вели сбор экспонатов: строительство водохрани-

³⁴ См. Тажидинова И.Г. Кубанское изобразительное искусство в 1930-е гг. // Третьи Кубанские литературно-исторические чтения / Науч. ред. В.К. Чумаченко. Краснодар, 2001. С. 127–132.

³⁵ Культурное строительство на Кубани... С. 171.

³⁶ Краснодарский край в 1937–1941 гг... С. 504.

³⁷ По данным Краснодарского крайкома профсоюза искусств, для строителей Тщикского водохранилища работники искусств края дали 32 спектакля и концерта, художественная самодеятельность края – 347 концертов и спектаклей (Культурное строительство на Кубани... С. 174).

лища решено было отразить в экспозиции³⁸. Художники делали зарисовки для будущих полотен, отражающих успехи социалистического строительства.

Итак, в конце 1920-х – 1930-е годы были достигнуты значительные успехи в ликвидации неграмотности и малограмотности населения, в развитии науки. Открывались новые учреждения культуры, широкие массы приобщали к художественной самодеятельности, занятиям спортом. Всё это сочеталось с установлением тотального идеологического контроля. Инакомыслие пресекалось, каралось репрессиями. Создание единых творческих союзов в 1932 г. означало полное подчинение литературы и искусства задачам социалистического строительства.

³⁸ ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 1. Д. 1317. Л. 34.

5. В годы Великой Отечественной войны

5.1. Культурная жизнь в 1941–1945 гг.

На первых этапах военного противостояния происходила мобилизация учреждений образования и культуры для помощи фронту. Повсеместно доминировала патриотическая тематика. Особое внимание уделяли военной подготовке, воспитанию учащихся на подвигах героев войны. Кубанские школьники – выпускники 1942 года писали сочинения на темы: «Советская молодёжь на фронтах Великой Отечественной войны», «Слава героям бессмертным».

Из писателей и журналистов Кубани, которые ушли на фронт, многие стали военными корреспондентами и боролись с врагом силой пера. В краевой газете «Большевик» публиковались материалы, проникнутые верой в победу.

С началом войны произошли изменения в структуре театральных учреждений. Решением крайисполкома были распущены коллективы Кропоткинского, Ейского и трёх краснодарских театров, создан объединённый краевой театр. Первая поставленная им пьеса – «Полководец Суворов». Тогда же был сформирован передвижной театр миниатюр, актёры которого исполняли сцены из водевилей, оперетт, частушки, юморески, танцы. Часть выручки от спектаклей поступала в Фонд обороны¹.

Срочно формировались фронтовые концертные бригады. Уже с июля 1941 г. ансамбль песни и пляски кубанских казаков постоянно давал концерты в частях Северо-Кавказского военного округа.

Война затронула и творчество художников. Многие ушли на фронт. Оставшиеся в тылу, как вспоминал научный сотрудник художественного музея М. Богоявленский, организовали бригаду «Штык», которая создавала «окна сатиры» и в сотнях экземпляров снабжала ими города и районы края². Уже осенью 1941 года в Краснодарском художественном музее прошли две оборонные выставки, где экспонировались антифашистские плакаты, репродукции картин известных советских баталистов, зарисовки военных корреспондентов. Музей представил посетителям картины И. Айвазовского из эвакуированных на Кубань фондов Феодосийской картинной

В зале Краснодарского художественного музея: зима 1941/42 г. (из фондов ККХМ)

галереи³. Художник А.Е. Глуховцев вспоминал о посещении Краснодарского художественного музея в декабре 1941 года: «На втором этаже все картины, как и прежде, висели на своих местах, чинно сидели зрители, по залам бродили редкие посетители, главным образом выздоравливающие военные. Стояла тишина, и повеяло таким покоем, как будто ничего волнующего не произошло и не происходит»⁴. Вскоре директор музея А.К. Осипова и научный сотрудник М.П. Богоявленский стали готовить фонды к эвакуации, непосредственно перед оккупацией значительная их часть была отправлена в Соликамск.

Фонды историко-краеведческого музея заблаговременно вывезти из города не удалось. Наиболее ценные экспонаты были спрятаны в тайнике (к сожалению, в период оккупации тайник был «рассекречен»)⁵.

В первые месяцы войны в Краснодарский край эвакуировались Одесский университет (в Майкоп) и Крымский медицинский институт (в Армавир), однако продвижение противника сделало их пребывание в регионе недолгим. Местные вузы и научные учреждения также перенесли свою деятельность в южные и восточные районы страны.

³ Екатеринодар – Краснодар... С. 590.

⁴ Наследие XX века. Опыт переосмысления. Сб. сообщений. Вып. 2. Краснодар, 1995. С. 9.

⁵ Стругова М.Р. Ущерб Краснодарского историко-краеведческого музея в период оккупации (август 1942 – февраль 1943 г.) // Фелицынские чтения (XII). Великая Отечественная война: историческая память и проблемы осмысления. Мат-лы межрегиональной науч. конф. Краснодар, 2010. С. 141–156.

¹ Вклад кубанцев в победу над фашизмом. Краснодар, 1996. С. 16–18.

² Кондратенко Т.М., Косопойко Е.А., Солодовников Ю.А. Быть свидетелем истории: исследования и документы. Краснодар, 2009. С. 130.

Основные театральные силы Краснодара были эвакуированы в Сочи. Там же временно издавалась краевая газета «Большевик». На этой территории, превратившейся в крупнейшую госпитальную базу, несмотря на близость фронта, продолжало работать большинство учебных заведений и научных учреждений. В Сочи в октябре 1942 г. открылся новый кинотеатр «Ривьера» на 500 мест⁶.

На оккупированной территории фашисты, пытаясь привлечь симпатии населения, создать иллюзию стабильности и справедливости «нового порядка», директивно восстанавливали работу учреждений здравоохранения, образования, культуры.

Возобновилось проведение церковных служб в храмах, был снят запрет на деятельность различных конфессий, разрешено преподавание Закона Божьего в школе. Всего вновь открылось православных церквей и молитвенных домов «тихоновского» (сторонники патриаршей власти) направления – 110, «обновленческих» – 92 (до оккупации их численность составляла соответственно 3 и 4)⁷.

В ряде учебных заведений оккупанты устроили казармы, конюшни. В здании майкопского учительского института расположился немецкий госпиталь. Однако часть образовательных учреждений всё же работала. Пропагандировалось возвращение к дореволюционным порядкам: с 5 по 15 января в школах прошли рождественские каникулы, организовывались рождественские ёлки⁸. Но многие дети не посещали школу из-за невозможности оплатить обучение, отсутствия тёплой одежды и обуви.

Немецкая пропаганда широко использовала возможности печатного слова. 26 сентября 1942 г. в Краснодаре вышел первый номер газеты «Кубань». Её редактором стал обрусевший немец В.А. Нордель (Тумко), членами редакции – преподаватели Краснодарского педагогического института Н.А. Яблоновский, Ю.А. Иванов, Я.С. Коблов, А.Е. Бескровный, В.К. Очерет и др. В редакции существовали отделы: местной жизни, военно-политический, религиозный, художественный, украинский, литературы и искусства. Тираж газеты составил 5 тыс. экз., всего вышел 41 номер⁹.

В оккупированном Майкопе издавалась газета под дореволюционным названием «Майкопская жизнь», в Кропоткине выходило «Новое время», в Армавири – «Вестник Кубани», в Тихорецке – «Возрождение Кубани», в станице Славянской – «Станичник». Некоторые из них использовали девиз «Трудящиеся всех стран, объединяйтесь в борьбе против большевизма!»¹⁰. Активно обсуждалась казачья, украинская тематика, печатались статьи по дореволюционной истории Кубани, регулярно давалась информация о событиях культурной жизни.

Из не успевших эвакуироваться артистов в период оккупации было создано несколько театральных трупп (в том числе украинская). В них вошли многие прежние любимцы краснодарской публики: М. Сандро-Новиков, до войны исполнявший роль Ленина, Л. Орлов, солист театра мюзикомедии. Цыганский и казачий

⁶ Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: рассекреченные документы. Хроника событий. Краснодар, 2000. Кн. 1. С. 572.

⁷ Там же. С. 611. См. также: Религиозная жизнь Кубани в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период // История Кубани с древнейших времён до конца XX века: в 2 ч. Ч. 2. Краснодар, 2011. С. 186–200.

⁸ Кринко Е.Ф. Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942–1943). Майкоп, 2000. С. 110.

⁹ Екатеринодар – Краснодар... С. 597.

¹⁰ Кринко Е.Ф. Жизнь за линией фронта... С. 74.

хоровые коллективы, а также группа преподавателей музучилища давали концерты для немецких солдат и офицеров.

В кинотеатрах шли советские и немецкие фильмы, в основном комедии, мюзиклы, мелодрамы¹¹. Открывались кафе, бильярдные, клубы. По донесениям советской разведки, в Краснодаре в клубах железнодорожников и «Путь к коммунизму» устраивались танцы «для немцев и опрятно одетых граждан»¹². В целом преобладали развлекательные зрелища.

Один из активных деятелей казачьей администрации на оккупированной Кубани П. Иваница вспоминал, что краевой театр драмы им. Горького был реквизирован немцами. Объединённая труппа драмы и оперетты возобновила спектакли: для немцев представления шли в театре оперетты, для гражданского населения – в клубе профсоюзов, рядом с кинотеатром «Колосс»¹³. Не прекращал работы армавирский театр драмы и комедии.

Оккупанты стимулировали создание кружков (литературных и агрономических), сельскохозяйственных и промышленных обществ. В городах открылись курсы, в первую очередь для этнических немцев¹⁴. Под наблюдением берлинского художника Гершке и профессора Гамбургского университета, археолога Матеса велись, как сообщала газета «Кубань», «восстановительные работы» в художественном и историко-краеведческом музеях¹⁵.

Директором краснодарских музеев оккупанты назначили врача А.И. Латышева. В краеведческом для посетителей работали разделы палеонтологии, природы и археологии. Прошла выставка в художественном музее (ноябрь 1942 г.), на которой были представлены портретная живопись, пейзажи (работы Н. Шарикова, Я. Гарбуза, а также молодых художников). Газетный обозреватель этого события – вероятно, знаток изобразительного искусства Кубани – отмечал влияние П. Краснова и А. Мочалова (ранее преподававших в художественных учебных заведениях Екатеринодара-Краснодара) на творчество молодых живописцев¹⁶. Специального внимания был удостоен написанный художницей Л. Леоновой портрет профессора А.М. Фролова-Багреева, поскольку имя работавшего в Краснодаре (перед оккупацией эвакуированного в Грузию) лауреата Сталинской премии, главного «шампаниста» СССР было у всех на слуху в те годы.

Перед отступлением фашисты сожгли или взорвали множество зданий, разграбили объекты образовательного и культурного назначения, вывезли ценные книги, музейные экспонаты. В многотысячных списках жертв фашистов оказались выдающиеся деятели культуры Кубани: умерщвлённые в газовых камерах (душегубках) преподаватели музыкального училища Н. Вилик, В. Сокольников, Н. Соколов, режиссёр театра мюзикомедии А. Елизаветский и др.

¹¹ Болдырев Ю.А. Художественная культура Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. СПб, 1996. С. 94–98.

¹² Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: рассекреченные документы. Хроника событий. Краснодар, 2000. Кн. 1. С. 146.

¹³ Иваница П.П. Кубань в 1942–43 годах // Родимый край (Париж). 1963. №49. С. 19.

¹⁴ Кринко Е.Ф. Жизнь за линией фронта... С. 81.

¹⁵ Екатеринодар – Краснодар... С.598.

¹⁶ Ус И. О выставке живописных работ местных художников // Кубань. 1942. 17 нояб. С. 4.

Освобождение Кубани от фашистских захватчиков стало началом её культурного возрождения.

Учебные занятия были возобновлены почти сразу после освобождения, несмотря на то, что 70% школьных зданий края были разрушены полностью или требовали капитального ремонта. С 1943 г. на Кубани, как и по всей стране, вводилось раздельное обучение в школах.

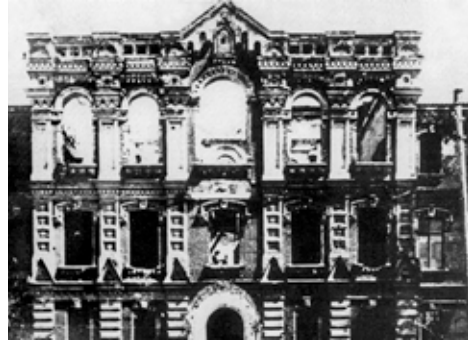
Кубанские вузы пережили сложный этап эвакуации и реэвакуации. Во время оккупации были сожжены вузовские здания с лабораториями и библиотеками, общий фонд которых составлял до 1 млн томов научной литературы. Тем не менее уже весной 1943 г. студенты (абсолютное большинство составляли девушки) приступили к занятиям. На базе химико-технологического института и института виноградарства и виноделия открылся Краснодарский институт пищевой промышленности.

Вплоть до окончания войны вузы особенно заботились о военной и физической подготовке студентов; параллельно с основной профессией они овладевали навыками радиста-телеграфиста, инструктора противовоздушной обороны и др., на занятиях по иностранному языку изучалась военная терминология.

Для школьников и студентов серьёзной проблемой был недостаток бумаги: шли в ход газеты, оборотная сторона исписанных листов, старые обои, брошенные убегающими противниками географические карты. На нескольких учащихся выдавался один учебник, общими усилиями решалась проблема элементарного оборудования аудиторий (стулья, столы и пр.). Молодёжь участвовала в городских воскресниках, помогая восстанавливать разрушенные объекты, отправлялась на уборку урожая, сбор лекарственных трав.

В нелёгких условиях возвращались к активной деятельности культурно-просветительские учреждения. Их пришлось восстанавливать практически с нуля. Количество книг в массовых библиотеках за годы войны уменьшилось в четыре раза. Фонд восстанавливали за счёт поступлений из книжных собраний Москвы и Ленинграда.

Музеи начали собирать свидетельства военного времени. 5 марта 1943 г. вновь открыл двери для посетителей Краснодарский историко-краеведческий музей. Его сотрудники организовывали также передвижные выставки в госпиталях. Одна из них была посвящена краснодарцам братьям Игнатовым – Героям Советского Союза. В честь первой годовщины освобождения города (февраль 1944 г.) музей организовал выставку, отобразившую картину наступления Красной армии от Моз-

Главный учебный корпус педагогического и медицинского институтов, разрушенный и сожжённый, 1943 г. (из фондов музея КубГУ)

дока до Тамани и партизанское движение в крае¹⁷. Ещё до Великой Победы начались работы по учёту памятных мест Великой Отечественной войны и увековечению памяти её героев.

В годы войны власть в значительной мере отступила от политики воинствующего атеизма. Это способствовало оживлению религиозной жизни, активной деятельности религиозных общин. С 1944 г. открывались православные и армянские апостольские храмы, оформлялась регистрация мусульманских, протестантских, иудейских религиозных обществ.

Восстановлению театрально-концертной жизни после изгнания оккупантов мешало отсутствие подходящих зданий (за исключением Ейского театра, все остальные лежали в руинах). Представления шли в неотопляемых помещениях, не хватало электропроводки, светового оборудования, материалов для декораций и костюмов, бумаги для афиш и билетов.

Лишившаяся помещения труппа Краснодарского драмтеатра им. М. Горького была разделена на три группы, они регулярно выезжали в воинские части, госпитали, в колхозы и совхозы. «Считать строительство театра одной из первоочередных строек города» – значилось в постановлении крайкома ВКП(б) «О строительстве краевого драматического театра» (28 августа 1943 г.)¹⁸. Однако процесс растянулся на много лет.

Концертно-эстрадное бюро собирало разбросанные войной творческие силы, формировало новые коллективы и гастрольные маршруты. Возобновилась деятельность ансамбля песни и пляски кубанских казаков.

Уже к ноябрю 1943 г. в крае действовало 16 городских, 58 сельских кинотеатров и 22 кинопередвижки¹⁹. В них кроме лучших художественных фильмов тех лет шли документальные ленты «Сталинград», «Народные мстители» и др. Практически уничтоженный в период оккупации фильмофонд края восстановили в достаточной мере за короткие сроки.

С 25 ноября 1943-го по 1 февраля 1944 года был проведён смотр сельской художественной самодеятельности края, его победители выступили на концерте в честь Первой годовщины освобождения Краснодара. Силами сводного хора там был впервые исполнен введённый в декабре 1943 новый Гимн СССР²⁰.

Сражающаяся Кубань. Эта тема нашла отражение в литературе и искусстве военных лет (стихотворения И. Сельвинского и С. Михалкова, фронтовые репортажи К. Симонова, очерки Л. Леонова). Одним из главных героев очерка Е. Петрова «"Птенчики" майора Зайцева» стал известный кубанский лётчик. В.П. Катаев посвятил очерк «Семья Игнатовых» партизанам Кубани. Кубанский писатель А.А. Первенцев работал над романом «Огненная земля» о боях на Керченском полуострове.

¹⁷ См.: Стругова М.Р. Краснодарский историко-краеведческий музей в 1943–1945 гг. // Фелицынские чтения (XIII). Краснодар, 2011. С. 106–118.

¹⁸ Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: рассекреченные документы. Хроника событий. Краснодар, 2003. Кн. 2. Ч. 1. С. 451.

¹⁹ Там же. С. 759.

²⁰ Ерёмко С.И. Хоровое искусство Кубани. Краснодар, 1977. С. 73.

Вступление красных частей в Краснодар 12 февраля 1943 года.
Худ. П.Н. Ружейников (из фондов ККХМ)

Война взяла свою жестокую дань с каждого народа. На фронте погиб молодой талантливый поэт Адыгей Х. Андрухаев. Ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Художники Кубани и в зоне боевых действий, в том числе на Малой земле, делали наброски в походных альбомах, рисовали плакаты. В феврале 1944 г. в Краснодаре была организована выставка «Герои фронта и тыла» с участием А. Глуховцева, К. Матцева и др.²¹ В рядах освобождавших кубанскую столицу был выпускник Краснодарского художественного училища П. Ружейников. Позже тема освобождения родного города нашла отражение в его картине «Вступление красных частей в Краснодар 12 февраля 1943 года».

Итак, в 1941–1945 годах краю пришлось быть то глубоким тылом, то прифронтовой территорией, зоной военных действий и вражеской оккупации. На первом этапе (вплоть до лета 1942 г.) происходила адаптация населения к условиям военного времени, формировалась система тыловой жизни и помощи фронту. Стремительное продвижение войск противника на Кубань потребовало срочно эвакуировать учреждения культуры.

²¹ См.: Ушенко И.В. Художественная жизнь Краснодара после изгнания фашистских оккупантов (по материалам газеты «Большевик» («Советская Кубань») 1943–1947 гг.) // Историческая мысль Кубани на пороге третьего тысячелетия. Краснодар, 2000. С. 121.

А.К. Осипова (из фондов ККХМ)

Выписка из приказа Управления по делам искусств при СНК РСФСР от 30.12.1944 г. о премировании А.К. Осиповой за образцовую организацию эвакуации художественного музея (из фондов ККХМ)

Период оккупации был отмечен такими демонстративными действиями режима, как стремление наладить работу зрелищных предприятий, научных и образовательных учреждений, деятельность религиозных центров (в целях пропаганды и создания иллюзии нормальной жизни), однако при этом учебные заведения, музеи, библиотеки подверглись разграблению.

После освобождения Кубани и эвакуации началось постепенное восстановление разрушенной материальной базы культуры. Память о войне была увековечена в музейных экспозициях, памятниках, в произведениях литературы и искусства. Возрождение культуры символизировало переход к мирной жизни во всём её многообразии.

5.2. Учёные Кубани в условиях военного времени

История научной интеллигенции Кубани в годы Великой Отечественной войны комплексно не изучалась. В брошюрах, посвящённых юбилейным вехам в истории научно-исследовательских институтов и вузов, приводились краткие данные об эвакуации, масштабах разрушения научных учреждений; опубликованные биографии учёных Кубани освещают военный период лишь фрагментарно.

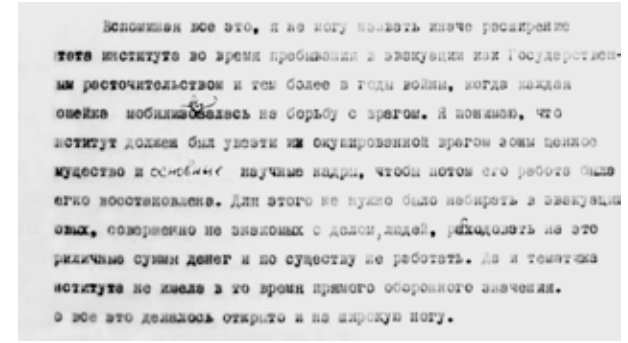
В первой половине 1970-х годов было завершено написание двух обширных трудов по истории научно-исследовательских институтов общесоюзного значения, базировавшихся в Краснодаре. Историографом Всесоюзного института табака и махорки (ВИТИМ) стал его бывший директор Г.М. Псарев¹. «Очерки по истории организации и развития Всесоюзного научно-исследовательского института масличных культур» написал старший научный сотрудник названного учреждения Д.П. Умен². Оба эти автора – кандидаты сельскохозяйственных наук – десятилетия работали в своих институтах, а в годы войны эвакуировались вместе с ними. Первая рукопись представляет собой скрупулёзный анализ научной деятельности института, социальных аспектов этой деятельности Г.М. Псарев практически не касается. Военные годы представлены на нескольких страницах данными о помощи институту фронту, о людских и материальных потерях института, о его успешной эвакуации и реэвакуации. Напротив, многотомный, иллюстрированный большим числом аннотированных фотографий труд Д.П. Умена показывает историю ВНИИМК с учётом политических и социально-экономических изменений в советском обществе. Автор этой уникальной в своём роде рукописи не обошёл тему репрессий 1930-х годов, просчёты в деятельности руководства института и его «кураторов». Четвёртая часть рукописи (более 100 стр.) озаглавлена «Временная эвакуация института из Краснодара и его потери в годы Великой Отечественной войны».

¹ Псарев Г.М. История научной деятельности Всесоюзного научно-исследовательского института табака и махорки им. А.И. Микояна (1914–1972 гг.). Рукопись хранится во Всероссийском НИИ табака, махорки и табачных изделий.

² В Государственном архиве Краснодарского края есть личный фонд Д. П. Умена, содержащий несколько томов рукописи этого труда и переписку по поводу планировавшейся его публикации (ГАКК. Ф. Р-1712).

Д.П. Умен
(из фондов музея ВНИИМК)

Фрагмент рукописи Д.П. Умена «Временная эвакуация института из Краснодара и его потери в годы Великой Отечественной войны» (из фондов ГАКК)

Источники по истории региональной науки военных лет проанализированы Е.Ф. Кринко³. В книгах И.Я. Куценко⁴ реконструируется история предшественников Кубанского государственного технологического университета, в том числе в 1941–1945 годах.

В данном очерке сделана попытка рассмотреть специфику функционирования научной интеллигенции Кубани в условиях военного времени.

Начало войны вызвало мощный патриотический подъём. Подлежавшие мобилизации направлялись на призывные пункты, не подлежавшие – записывались в народное ополчение, принимали участие в мероприятиях оборонительного характера. Уже 23 июня 1941 года на расширенном заседании президиума АН СССР были определены главные направления научной деятельности в военных условиях. Среди них – поиск и конструирование средств обороны (научно-техническое обеспечение решения соответствующих проблем); помощь промышленности в улучшении и освоении военного производства; мобилизация сырьевых ресурсов страны, замена дефицитных материалов местным сырьём. В Краснодарском крае вопросы, связанные с комплексным переводом деятельности «на военные рельсы», обсуждались учёными совместно с руководством края на научно-технических и научно-оборонных конференциях.

При кафедрах и лабораториях в экстренном темпе организовывается производство противотанковых и пехотных мин, взрывателей для них. На кафедре технологии жиров Химико-технологического института в рамках «спецпроизводства» под руководством М.Н. Ждан-Пушкина выпускались медицинские препараты: эмульсия для лечения ожогов, кровозаменяющая «жидкость Сельцовского». Доктор химических наук П.Э. Стребейко в 1942 году сконструировал аппарат для капельного переливания

³ Кринко Е.Ф. Развитие науки в годы Великой Отечественной войны в документах архивов Кубани и Ставрополя // Научное наследие советской эпохи: совр. осмысление. Краснодар, 2006. С. 69–73.

⁴ Куценко И.Я. Кубанский государственный технологический университет: ист. и современность. Краснодар, 1999; Он же. Кубанский государственный технологический университет. 1918–2003. Краснодар, 2003.

ПРОФЕССОР
ПЯТНИЦКИЙ Н.П.

Н.П. Пятницкий (фото
предоставлено Л.А. Еремеевым)

крови, который широко применялся при лечении раненых⁵. Кафедра ботаники Краснодарского пединститута силами научных работников и студентов организовала сбор лекарственных растений для нужд Красной армии. По запросам военного командования проводились консультации о применении определённых растений для маскировки аэродромов⁶. В НИИ масличных культур стали производить антипаразитическое мыло для нужд армии, хлористый кальций для госпиталей⁷.

Медиков призывали в армию. Профессор Н.П. Пятницкий – физиолог и биохимик – в звании майора возглавил отделение тяжёлой черепно-мозговой травмы в одном из сочинских госпиталей. Он же и его брат – биолог профессор М.П. Пятницкий – вёл большую работу по борьбе с авитаминозом. В рецептуру предложенных учёными препаратов входили местные растения – листья цитрусовых, чая, ежевики, хвоя молодых

побегов ели, сосны, гималайского кедра, дающие высокую концентрацию аскорбиновой кислоты. Изготовленные на Сочинской опытной станции препараты, напитки из растений, богатых витамином С, попадали непосредственно в госпитали. На этой же станции шла апробация введения новой для нашей страны культуры батата (сладкий картофель); в краевой газете «Большевик» сообщалось, что его урожайность в субтропиках в 8–10 раз больше, чем картофеля⁸. На Майкопской опытной станции Всероссийского института растениеводства (ВИР) шла интенсивное изучение топи намбура (земляной груши) как пищевого и кормового продукта. Рассматривалась возможность его использования для производства спирта и патоки⁹.

Условия военного времени диктовали необходимость расширить производство консервов и пищевых концентратов. В Краснодарском НИИ консервной промышленности активно работали над рецептурой, технологическими инструкциями и проектами технических условий для производства концентрированных супов, таблеток из рыбной муки и крупы. Одна такая таблетка, разведённая в воде, при нагревании превращалась в аппетитную уху. Большое внимание уделялось сушке и сохранности овощей. Сульфатизация плодов – яблок, слив, черешни – позволяла хранить их в течение длительного времени. Среди разработок НИИ была томат-паста с повышенным содержанием сухих веществ (40–60%), питательные консервы из красного и жёлтого перца¹⁰.

Кубанские учёные-медики вели на базе госпиталей исследование по оборонной тематике (клиника, лечение, рентгенодиагностика огнестрельных остеомиелитов, подготовка ампутационной культы к протезированию).

⁵ Куценко И.Я. Кубанский государственный технологический университет ... С. 142.

⁶ Кубанский государственный университет: 90 лет в ист. образования и науки России. Краснодар, 2010. С. 58.

⁷ ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 3. Д. 1653. Л. 86.

⁸ Вильчинский Н. Сочинская опытная станция в дни войны // Большевик. 1943. 27 нояб.

⁹ Шибря Н. На Майкопской опытной станции // Большевик. 1941. 30 окт.

¹⁰ В институте консервной промышленности // Большевик. 1941. 23 нояб.

Учёные-гуманитарии, стараясь поддержать боевой дух населения, популяризировали ратные подвиги россиян, культурное наследие прошлого. Доцент пединститута М.В. Покровский напечатал большое количество статей на военно-исторические и патриотические темы в прессе воинских соединений и газете «Большевик».

Стремительное продвижение войск противника по территории СССР в первые месяцы войны поставило под угрозу уничтожения главные научные силы страны. Началась эвакуация научных учреждений и вузов из зоны возможных боевых действий в тыл. Учреждения АН СССР были рассредоточены в 45 географических пунктах страны, это значительно усилило научный потенциал «городов-реципиентов». Например, в Казани в 1941–1943 годах работало множество московских и ленинградских институтов и лабораторий Академии наук СССР.

Краснодарский край с точки зрения вынужденной миграции научных учреждений и вузов являлся и регионом-донором, и регионом-реципиентом. В начале войны в Майкоп эвакуировался Одесский университет, в Армавир – Крымский медицинский институт. Мощная госпитальная база Сочи стала местом концентрации ведущих медицинских сил. В то же время эвакуация кубанских научных учреждений в Закавказье, Казахстан, Среднюю Азию стимулировала развитие науки в этих регионах.

Эвакуация стала стимулом к углублённому изучению ресурсов регионов-реципиентов. По сообщению корреспондента газеты «Большевик», на научно-производственной конференции Одесского университета в Майкопе профессор В.Д. Богатский (доклад «Рациональное использование сырьевой базы Адыгейской области для потребностей пищевой и других отраслей промышленности») обосновал целесообразность изготовления пищевой кислоты из отходов яблок и плодов, выработки винной кислоты из дрожжевых осадков и виноградной выжимки¹¹. На заседании учёного совета университета 24 февраля 1942 года доцент Краснодарского пединститута Ю.К. Намиток (впоследствии видный адыгейский учёный) защитил кандидатскую диссертацию «Антирелигиозное воспитание в преподавании естествознания»¹².

Большинство научных учреждений и вузов эвакуировалось с Кубани практически в последний момент, так как сроки неоднократно переносились в надежде на улучшение ситуации на фронте. Огромные расстояния преодолевались пешком, движение прерывалось бомбёжками. Когда эвакуационная колонна Краснодарского института виноделия и виноградарства прибыла в Баку, голодные, завшивевшие, оборванные люди с трудом подобрали более-менее подходящую одежду избранному в процессе эвакуации ректору П.Г. Асмаеву (взамен бросившего эвакуирующийся коллектив прежнего руководителя) для визита в Наркомат¹³.

В упомянутой выше рукописи Д.П. Умена отмечают факты пропажи в пути институтского золота и платины, утраты ценнейшего селекционного материала, вынужденное оставление селекционной документации «со всеми родословными записями в журналах и книгах». Комментируя это событие, Умен писал: «Нами,

¹¹ Большевик. 1942. 12 мая.

¹² Аутлев П.У. Адыгея в летописи социализма (1917–1958 гг.). Майкоп, 1990. С. 116.

¹³ Куценко И.Я. Кубанский государственный технологический университет ... С. 144.

селекционерами, овладел приступ какого-то отупения. Была потеряна способность здраво мыслить...»¹⁴. Рациональные схемы спасения зерновой коллекции сои (7000 образцов) сложились, когда было уже поздно; погибшая в пути, она позже была оценена в 1 млн 800 тыс. рублей¹⁵.

Д.П. Умен подробно описал движение колонны института по Краснодарскому краю, питание людей и лошадей, организацию отдыха, контакты с руководством учреждений края. Деньги на передвижение приходилось добывать самостоятельно. Так, выписанные с разрешения директора сочинского совхоза сливы и яблоки были переварены учёными на повидло, которое реализовали на местном рынке. Здесь же продали наручные часы сотрудников, в том числе будущего академика В.С. Пустовойта¹⁶.

В эвакуации по мере возможности происходило восстановление научных учреждений и вузов. Работа велась в непригодных помещениях, остро ощущался дефицит оборудования и литературы, но в то же время сосредоточение значительного количества специалистов в небольших городах способствовало развитию научной коммуникации. Например, эвакуированные в Самарканд краснодарские профессора П.С. Ерыгин, М.П. Архангельский, доцент Н.И. Володарский и другие преподавали в Тимирязевской академии, профессор А.А. Серебренников – в Артиллерийской академии¹⁷.

Учёные краснодарских НИИ в Средней Азии и Закавказье экспериментировали с местными культурами, организовывали семинары по селекции. Как отмечал Г.М. Псарев, сотрудники ВИТИМа «на земельной базе Фрунзенской станции и в алма-атинском совхозе проводили селекционные работы с использованием материала, вывезенного из Краснодара. Улучшались режимы ферментации табака на заводах в Лагодехах, Фрунзе и Кызыл-Кия. Организовано производство сортов махорки в Катта-Кургане Киргизской ССР для снабжения колхозов и совхозов Сибири и Средней Азии»¹⁸. Достижения эвакуированного в Закаталы (Азербайджан) коллектива ВНИИМКа оцениваются Д.П. Уменом значительно скромнее: «Штат института расширялся анекдотически, а работы по существу не было. Ведь семенной материал по селекции был брошен в пути, а цифрового материала по опытам 1942 г. и предшествующих лет в портфеле института также не оказалось»¹⁹.

Как известно, отдельные учёные по разным причинам не покидали территорию, занятую врагом: в период оккупации кто-то решительно отверг предложение о любой форме сотрудничества с немцами и поплатился за это жизнью или пленом, кто-то предпочёл заниматься физическим трудом, не афишируя свои профессиональные навыки. Однако были и те, кто активно взаимодействовал с оккупантами. Они, как правило, уходили вслед за немецкой армией. Представленные «по горячим следам» Краснодарским пединститутом данные показывают, что среди сотрудничавших

¹⁴ Умен Д.П. *Временная эвакуация института из Краснодара и его потери в годы Великой Отечественной войны* (ГАКК. Ф. Р-1712. Оп. 1. Д. 13. Л. 13, 34).

¹⁵ Там же. Л. 78.

¹⁶ Там же. Л. 52.

¹⁷ Куценко И.Я. *Кубанский государственный технологический университет ...* С. 145.

¹⁸ Псарев Г.М. *История научной деятельности Всесоюзного научно-исследовательского института табака и махорки им. А.И. Микояна ...* С. 91.

¹⁹ ГАКК. Ф. Р-1712. Оп. 1. Д. 13. Л. 66.

с фашистами преобладали гуманитарии (доцент кафедры всеобщей истории, декан факультета Б.И. Иванов; старший преподаватель по курсу древней истории В.М. Самсонов; декан факультета иностранных языков М. Баграухова; кандидаты филологических наук Л.К. Бескровный, В.К. Очерет и др.²⁰). Многие из них печатались в газете оккупантов «Кубань», выступая со статьями по всеобщей и отечественной истории, истории казачества (казачья карта, как известно, активно разыгрывалась фашистами). Кандидат географических наук В.И. Жуковский занимал пост заведующего отделом культуры и просвещения управления бургомистра города²¹.

В Архиве управления ФСБ России по Краснодарскому краю имеется дело Ю.А. Иванова, сотрудника краснодарского пединститута, историка, потомка Ф.М. Достоевского. Подследственный сообщал, что попал в оккупированный Краснодар вследствие пленения. Он «делал попытку сплотить группу преподавателей для открытия в Краснодаре частной высшей школы», состоял сотрудником военно-политического отдела газеты «Кубань», некоторое время заведовал Пушкинской библиотекой²².

В газете «Кубань» регулярно появлялась информация о деятельности научных учреждений, где декларировалась поддержка оккупантами прикладной науки. Вот фрагмент одной из заметок: «Учитывая всю важность научной деятельности краевой животноводческой опытной станции, Германское командование обеспечило неприкосновенность её и создало условия для работы учёных. Станция вступила в строй <...> На опыте работы станции научными работниками закончена и подготовлена к печати книга «Многолетние кормовые травы и травосеяние приферменного севооборота Краснодарского края»²³.

В статье об Отрадо-Кубанской селекционной станции приводится интервью с учеником Н.И. Вавилова, старшим научным сотрудником Б-ковым (фамилия дана в сокращении. – А.Е.). Согласно его ответам немецкое командование в отличие от большевиков, которые «превратили селекционную станцию в методический кабинет», уделяет внимание научной деятельности. Немецкие профессора Вальтер и Клем «тщательно ознакомились с положением дел»; «Воскресла традиция академика Вавилова, мы приступили к работе над засухоустойчивыми сортами пшеницы и ячменя»²⁴. В небольшой по объёму статье трижды упомянуто имя репрессированного академика Н.И. Вавилова: тема сталинских репрессий поднималась в газете регулярно.

«Кубань» сообщала о работе научно-исследовательской плодово-ягодной станции, института рисового хозяйства. Население информировали о том, что профессорами мединститута ведётся приём больных. В декабре 1942 года с размахом отмечалось 45-летие научно-педагогической деятельности доктора медицинских наук зав. кафедрой патологической физиологии профессора А.А. Мелких. Был организован молебен, на чествовании юбиляра присутствовали представители немецкого командования. Юбилей через газету поблагодарил всех поздравивших его. По данным историка

²⁰ ГАКК. Ф. Р-68. Оп. 2. Д. 6. Л. 3 об. 26.

²¹ Там же.

²² Архив управления ФСБ России по Краснодарскому краю. Ответ на запрос Н.Н. Богданова от 23.03.2004 за №1-1-1-4. Благодарю профессора В.К. Чумаченко за содействие в получении этой информации.

²³ А. Н. Научное учреждение // Кубань. 1942. 3 окт.

²⁴ А. Н. Селекционная станция // Кубань. 1942. 25 окт.

Е.Ф. Кринко, профессор Мелких занимал пост главного врача края по поручению подпольной группы. Благодаря его деятельности лечебные учреждения в Краснодаре обеспечивались необходимыми медикаментами²⁵.

В советской делопроизводственной документации второй половины 1940-х годов есть упоминание об открытом немцами Табачном институте под руководством основателя ВИТИМа А.В. Отрыганьева²⁶. Однако каких-либо иных свидетельств об этом учреждении пока обнаружить не удалось.

Независимо от рода деятельности в период оккупации всем пережившим её неоднократно приходилось давать объяснения по этому поводу. Клеймо побывавшего в оккупации сопровождало человека многие годы, оставаясь веским отрицательным аргументом в таких ситуациях, как конкурсное избрание на должность, разнообразные «чистки», выдвижение на правительственные награды. Между тем в рукописи Д.П. Умена утверждается, что именно сотрудники ВНИИМКа, оставшиеся на оккупированной территории, «с риском для своей жизни, спасли буквально всё: и исходный семенной материал в полном его составе генофонда, а также самое необходимое для продолжения работ оборудование и сельскохозяйственный инвентарь». И эти же люди «вместо благодарности за свои подвиги подверглись всяческому гонениям»²⁷.

С освобождением Кубани при реэвакуации многие научные и учебные учреждения пришлось возрождать практически на пустом месте. Лабораторное оборудование, книжные фонды библиотек были разграблены. Остро ощущался недостаток бумаги. Руководство и сотрудники проявляли недюжинные усилия для скорейшего налаживания нормальной работы. Некоторые необходимые приборы закупались у частных лиц или изготавливались в собственных мастерских, организованных при вузах и НИИ. Туберкулёзный и микробиологический институты возглавили борьбу с эпидемическими заболеваниями, широко распространившимися на Кубани в 1943–1944 годах. Хирургическое общество при Кубанском мединституте, куда входили лучшие местные специалисты В.К. Красовитов, С.М. Ряднов и др., оказывало большую помощь клиникам и госпиталям.

Пресса уделяла значительное внимание восстановлению научных учреждений, их вкладу в близящуюся победу. Её предвкушением было проникнуто всё. Например, сообщая о позитивных результатах контрольной проверки наиболее ценных видов животных: оленей, тигров, серн – в Кавказском заповеднике, корреспондент добавлял: «Исключительным по силе был в этом году рёв самцов-оленей»²⁸. Давалась информация о возвращении в край академических экспедиций: археологических, геологических и др.

В целом научное сообщество региона смогло эффективно функционировать в экстремальных условиях. Вынужденные перемещения научных учреждений и вузов, помимо очевидных потерь, имели и позитивную составляющую, связанную с интенсификацией научной коммуникации; немаловажным результатом кризисной ситуации военных лет стало повышение авторитета профессионалов во всех сферах деятельности.

²⁵ Кринко Е.Ф. Жизнь за линией фронта... С. 64.

²⁶ ГАКК. Ф. Р-380. Оп. 4. Д. 19. Л. 19.

²⁷ ГАКК. Ф. Р-1712. Оп. 1. Д. 13. Л. 2.

²⁸ В Кавказском заповеднике // Большевик. 1945. 3 янв.

6. Культурные ракурсы послевоенных лет (1945–1953)

6.1. Основные тенденции культурного развития

Первые послевоенные годы были наполнены активной созидательной работой. На развитие образования государством выделялись значительные средства. Количество учащихся в женских, мужских и смешанных школах постоянно увеличивалось, поскольку росла миграция населения на Кубань. Важным шагом в переходе к всеобщему семилетнему образованию стало создание школ рабочей молодёжи.

Численность студентов кубанских вузов к 1947 г. достигла 6000 чел., превысив довоенный уровень. В 1950 г. был восстановлен Кубанский сельскохозяйственный институт; в 1952-м на базе Майкопского учительского института открыт педагогический институт.

2 «Б» класс краснодарской средней школы №2. 1946/47 уч. год
(фото предоставлено Л.А. Еремеевым)

Выпускники физико-математического факультета Краснодарского пединститута 1950 г.
(фото предоставлено В.Ф. Писаренко)

Восстанавливалась инфраструктура здравоохранения, культурно-просветительской деятельности. Официальные данные на 1950 г. в основном превосходили аналогичные показатели за 1940-й.

Необходимость скорейшего преодоления продовольственного дефицита дала мощный толчок развитию сельскохозяйственной науки. Среди учёных-аграриев Кубани было немало награждённых орденами и премиями за высокие достижения. Сталинские премии по итогам 1945 г. получили П.П. Лукьяненко – за выведение новых высокоурожайных сортов озимой пшеницы «Первенец», «Краснодарка», «Новоукраинка-83» и В.С. Пустовойту – за высокомасличные сорта подсолнечника.

В 1948 г. в крае имелось 28 научно-исследовательских учреждений¹.

Преследования генетиков, развернувшиеся по всей стране, не обошли стороной и Кубань. Перспективные опыты пришлось приостановить М.И. Хаджинову, известному специалисту в области селекции кукурузы, ученику Н.И. Вавилова.

Основным рупором партийного и советского руководства Кубани были периодические издания, крупнейшее из которых – «Советская Кубань» (так с 1944 г. стала называться краевая газета «Большевик») – имело тираж 125 тыс. экз. Главными печатными органами Адыгейской автономной области были «Адыгейская правда»

¹ См.: Еремеева А.Н. Научная интеллигенция Кубани в условиях идеологических кампаний послевоенных лет / Научная жизнь и научное сообщество Кубани в XX в.: очерки истории. Краснодар, 2006. С. 33–46. ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 3. Д. 1947. Л. 3–5.

(тираж 9000 экз.) и газета на адыгейском языке «Социалистическая Адыгея» (тираж 3000 экз.). С 1945-го начал издаваться литературно-художественный альманах «Кубань». В 1949 г. после восьмилетнего перерыва было возобновлено издание краевой молодёжной газеты «Комсомолец Кубани».

Значительно увеличился объём продукции Краснодарского книжного издательства, публиковавшего книги местных писателей, научно-техническую, справочную литературу. Для детей печатались стихи С. Маршака, С. Михалкова, сказки А. Толстого, иллюстрированные кубанским художником А. Глуховцевым². С 1946-го по 1955 г. Адыгейское книжное издательство выпустило в свет 593 названия книг общим тиражом 2,4 млн экз.³ Среди них – учебники для адыгейской школы, переводы на адыгейский язык классики, произведений советских писателей, сталинского «Краткого курса истории ВКП(б)».

Во второй половине 1940-х гг. формируется Краснодарское отделение союза писателей. У его истоков стояли А. Первенцев, Н. Винников, П. Иншаков, А. Степанов, П. Игнатов и др.

Основной темой творчества писателей стала Великая Отечественная война. Роман А. Первенцева «Честь смолоду» о молодёжи военных лет был удостоен в 1949 г. Сталинской премии. Такая же награда была присуждена в 1948 г. Т. Керашеву за роман «Дорога к счастью» о жизни адыгейского народа в 1920-е гг.

Деятельность кубанских театров, филармонии, ансамбля песни и пляски кубанских казаков, Адыгейского ансамбля песни и пляски, множество самодеятельных коллективов, музыкального училища, а также многочисленных гастролёров обеспечивала интенсивную театральную-концертную жизнь края.

В свете партийных постановлений 1940-х гг. по вопросам искусства Краснодарский крайисполком нацеливал театры (и драмы, и музыкальной комедии) на постановку пьес о послевоенном восстановлении хозяйства, о Великой Отечественной войне, борьбе с реакционными силами капитализма. Рекомендовалось свести до минимума процент пьес иностранных авторов⁴.

Появились новые хоровые коллективы. Началась концертная деятельность хора Краснодарского Дома учёных. На городских праздниках выступал сводный хор Краснодара под руководством известного композитора и хормейстера Г.М. Плотниченко. Многочисленные сельские хоры приняли участие в Первом краевом смотре художественной самодеятельности колхозников Кубани (1951). На всю страну прославился хор колхоза «Красный хуторок»: коллектив побывал с концертами в Москве, о нём писали в газетах, его песни записывали на грампластинки⁵.

В 1948 г. открылась трёхгодичная культпросветшкола, позже реорганизованная в культпросветучилище, где готовили клубных работников.

Важным в деле пропаганды музыки стало открытие музыкального лектория при краевой филармонии.

² Печатный двор Кубани. Краснодар, 2001. С. 58.

³ Аутлев П.У. Адыгея в летописи социализма (1917–1958). Майкоп, 1990. С. 150.

⁴ См.: Стругова М.Р. Краснодарский драмтеатр в эпоху борьбы с космополитизмом // Вторые кубанские литературно-исторические чтения / под ред. В.К. Чумаченко. Краснодар, 1999. С. 162–165.

⁵ Ерёменко С.И. Хоровое искусство Кубани. С. 76.

Духовой оркестр при Краснодарском Доме учителя
(фото предоставлено Л.А. Еремеевым)

Развивалась инфраструктура кинопроката. В 1945 г. в крае было 228 кинотеатров, в 1950-м – 706⁶. После войны популярностью среди кубанцев, как и среди жителей других регионов, пользовались трофейные фильмы: немецкий «Девушка моей мечты», английский «Леди Гамильтон» и другие, позволявшие на время окунуться в атмосферу «красивой жизни». С интересом воспринимались хроникально-документальные фильмы о войне, советские художественные фильмы «Близнецы», «Беспокойное хозяйство», «Небесный тихоход», «Весна». В 1950 г. на экраны вышла кинокомедия «Кубанские казаки» режиссёра И. Пырьева, снятая в основном в Курганинском районе Краснодарского края. Успехи послевоенного восстановления отразил документальный фильм «Советская Адыгея», выпущенный Ростовской-на-Дону студией кинохроники в 1951 г.

К концу восстановительного периода краевое отделение Союза советских художников насчитывало 35 чел.; кроме того, около 150 мастеров входили в товарищество художников Краснодара, Сочи, Новороссийска, Майкопа. Во второй половине 1940-х гг. на Кубань приехали талантливые художники А. Калягин, Г. Булгаков. Тогда же началась творческая деятельность новороссийского пейзажиста Г. Аракельяна⁷.

Большинство работ кубанских художников составляли живописные полотна. Тематика во многом определялась социальным заказом: война, восстановление хозяйства, общественно-политическая жизнь. Но заметное важное место в творчестве художников занимала и природа Кубани.

В послевоенные годы закладывались основы будущих побед кубанских спортсменов. Были проведены первые соревнования по спортивной гимнастике, в Краснодаре организована акробатическая группа. Восстановление футбольных полей стадиона «Динамо» способствовало победе краснодарской команды на чемпионате Российской Федерации 1948 г. В этом же году в Краснодарском педагогическом институте открылся факультет физкультуры и спорта; в Ейске учителей физкультуры готовило специализированное училище.

С начала 1950-х гг. в крае стала регулярно проводиться беспрецедентная по масштабам плавательная эстафета. Маршрут её проходил по реке Кубани, Азовскому и Чёрному морям. В 1952 г. сборная края завоевала звание чемпиона РСФСР по плаванию⁸.

Формировались туристические маршруты. В 1948 г. вышла книга директора Краснодарского краеведческого музея Ф.В. Навозовой и археолога Н.В. Анфимова «Путешествие по родному краю», адресованная юным туристам-краеведам.

Несомненные успехи культурного строительства сочетались с усилением идеологического диктата, который стал особенно очевидным с 1948 г., когда возобновились приостановленные в военные и первые послевоенные годы преследования инакомыслящих. Пятилетие «сталинского религиозного ренессанса» закончилось. На Кубани, как и в других регионах, были сняты с регистрации и прекратили существование многие религиозные общины, закрывались церкви и молитвенные дома.

С началом холодной войны усилилась борьба против «тлетворного влияния Запада». Деятели культуры нацеливали не на объективный анализ действительности, а на создание образов идеальной советской страны, сражающейся за счастье человечества с «загнивающими капиталистическими монстрами». Подробней об отдельных составляющих культурной жизни, её институтах в условиях послевоенных лет речь пойдёт в следующих очерках.

⁶ Краснодарский край за 50 лет. Статистический сборник. Краснодар, 1967. С. 167.

⁷ См.: Беломыцева В.Ф. Творчество кубанских художников 40–50-х годов // Наследие 20 века. Опыт переосмысления. Вып. 2. Краснодар, 1995. С. 31–37; Ушенко И.В. Кубанские художники в первое послевоенное десятилетие // Третьи Кубанские литературно-исторические чтения / Науч. ред. В.К. Чумаченко. Краснодар, 2001. С. 251–254.

⁸ Бич Ю.Г. История физкультуры и спорта на Кубани: очерки. Краснодар, 2011. С. 85.

6.2. Художественная интеллигенция и художественная жизнь Кубани в эпоху позднего сталинизма

Военные годы внесли некоторые изменения в состав художественной интеллигенции края. Кто-то погиб на фронтах войны или стал жертвой зверств оккупантов. Сотрудничавшие с фашистами оказались за пределами СССР или были репрессированы. Ряды кубанских деятелей искусства пополнили их коллеги из других регионов.

Война нанесла значительный ущерб материальной базе культуры. Все театральные помещения края (за исключением Ейского театра), художественное и музыкальное училища лежали в руинах¹. На первых порах под учреждения искусства переоборудовались относительно подходящие здания. Так, Краснодарский драматический театр им. М. Горького после освобождения Кубани работал в помещении клуба «Потребкооперация» с залом на 320 мест, не имевшем подсобных помещений. Позже это здание было отдано театру музыкальной комедии, а драмтеатр переехал в кинотеатр «Колосс»². Переоборудованные здания (многие из них находились в аварийном состоянии) практически не отапливались, поэтому вешалка, с которой, как известно, начинается театр, использовалась по назначению крайне редко: зрители в холодное время года сидели в пальто и шапках.

Всего в крае в середине 1940-х годов было пять драматических театров (в Краснодаре, Ейске, Майкопе, Армавире, Новороссийске), украинский музыкально-драматический театр, театр музыкальной комедии, кукольный театр, филармония, краевой колхозно-совхозный передвижной театр, базировавшийся сначала в Лабинске, а затем в станице Апшеронской (с 1947 г. ставшей городом), ансамбль песни и пляски кубанских казаков, Адыгейский национальный ансамбль песни и пляски, музыкальное и художественное училища. Работали Краснодарское отделение Всероссийского театрального общества, Краснодарское краевое отделение Союза художников РСФСР. В 1947 г. была создана местная писательская организация (юридически оформлена как Краснодарская краевая писательская организация Союза писателей РСФСР в 1950 г.). С 1939 г. действовало Адыгейское областное отделение Союза писателей

Члены Краснодарского отделения Союза художников: третий слева М. Богоявленский, справа от него – П. Ружейников, Г. Булгаков, А. Глуховцев (из фондов ККХМ)

РСФСР. По различным данным, на Кубани в послевоенные годы профессионально литературным и художественным творчеством занималось около пятисот человек.

Несмотря на трудности, деятельность большинства театрально-зрелищных учреждений и творческих союзов вскоре после освобождения Кубани возобновилась. Кроме выступлений на собственной сцене широко практиковались выезды в воинские части, госпитали, в колхозы и совхозы. Филармония организовывала музыкальные лектории. Большая работа проводилась художественным музеем: формировались стационарные экспозиции, устраивались передвижные выставки. Краснодарское книжное издательство возобновило издание книг.

Руководство деятельностью художественных учреждений и союзов на региональном уровне осуществляли отдел искусств крайисполкома и отдел пропаганды и агитации крайкома ВКП(б).

К тому времени в стране сложилась жёсткая система взаимоотношений власти и художественной интеллигенции: более двух десятилетий государство выступало единственным заказчиком, безраздельно распоряжалось материальными средствами, необходимыми для полноценной творческой деятельности.

Уже первый послевоенный год был отмечен ужесточением нажима на творческую интеллигенцию. 18 апреля 1946 г. А.А. Жданов на совещании ЦК ВКП(б) обрушился с резкой критикой на «раболепие» перед современной буржуазной

¹ ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 1836. Л. 86.

² ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 1831. Л. 89; ГАКК. Ф. Р1626. Оп. 2. Д. 3. Л. 91.

драматургией, увлечение исторической тематикой в репертуаре театров. В августе-сентябре этого же года вышли известные постановления ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению», «О кинофильме “Большая жизнь”». Менее чем через два года издано постановление «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели». Идеологически завершила сталинское правление борьба против «безродных космополитов».

Репрессивная волна, обрушившаяся на интеллигенцию, была, по мнению большинства исследователей, вполне логичным звеном в сталинской политике: таким образом уничтожались возможные последствия победоносной борьбы с фашизмом. Надо было немедленно вытравить в освободителях Европы независимый и гордый дух, способность к размышлению³. Сам по себе факт массового знакомства советских людей с европейскими странами (пусть даже лежавшими в руинах) представлялся опасным сталинскому руководству. Не случайно события развернулись под флагом борьбы за утверждение советского патриотизма, против «тлетворного влияния Запада».

В подобные идеологические кампании старались втянуть «широкие массы трудящихся», которые традиционно всё «одобряли». Так, с трибуны Краснодарской городской партконференции осуждалась от имени рабочих и интеллигенции музыка Шостаковича и других «композиторов-формалистов, оторвавшихся от народа»⁴. На собраниях интеллигенции, в том числе вузовских учёных, единодушно клеймили «врагов» – начиная с М. Зощенко и А. Ахматовой и кончая критиками-космополитами. Местные гуманитарии с учёными степенями и званиями убедительно (с точки зрения социалистического реализма) и эмоционально доказывали недопустимость изучения и тем самым пропаганды творчества акмеистов, символистов и представителей прочих официально осуждённых течений, каялись в том, что ранее в своих лекциях допускали ссылки на мнения «критиков-космополитов»⁵.

Не менее важным было добиться обличения «вредителей от искусства» со стороны их собратьев по профессии. По команде сверху практически во всех крупных городах прошли собрания творческой интеллигенции в поддержку «исторических» постановлений. Затем собрания, приуроченные к годовщинам постановлений, повторялись регулярно. О творческой практике художественных руководителей московского Камерного театра А.Я. Таирова и Ленинградского театра комедии Н.П. Акимова говорилось, что они «насаждают в репертуаре театров пошлые, вредоносные пьесы западных драматургов». Нелестные отзывы звучали о «вредоносной деятельности критиков-космополитов», «композиторов-формалистов»⁶. Решения собраний почти дословно совпадали с фразами партийных постановлений.

Анализ многочисленных протоколов подобных собраний (особенно театральных и музыкальных коллективов, Краснодарского отделения Союза художников) приводит к выводу о том, что обсуждение «судьбоносных» постановлений нередко носило формальный характер. Это были обычные производственные совеща-

ния, с той только разницей, что в начале каждого выступления произносился набор штампов, соответствующий заданной партийными органами теме. Заседания местной писательской организации были более политизированными: российские мастера пера во все времена были максимально приближены к политике, активно участвовали в формировании политических симпатий и антипатий читателей, вследствие чего привлекали к себе повышенный интерес партии и государства.

Кубанские литераторы были всерьёз обеспокоены критикой, которой подверглись Краснодарское книжное издательство и отдельные авторы в местной прессе и со стороны газеты «Правда»⁷. Издательство критиковали за выпуск в основном ведомственной литературы, публикацию «безыдейных, аполитичных и элементарно безграмотных произведений», к каким относили пьесу Н. Винникова «Большая семья», повесть В. Попова «Замок железного рыцаря», за недостаточное внимание к массово-политической, сельскохозяйственной и детской литературе.

Доморощенных кубанских формалистов, критиков-космополитов и прочих «вредителей», насколько позволяют судить изученные источники, выявлено не было. Однако считалось, что нездоровая обстановка в среде художественной интеллигенции связана с их влиянием. Под нездоровой обстановкой подразумевались проблемы творческие, морально-нравственные, идеологический климат в коллективах.

Сохранившиеся в архивах жалобы, анонимки, акты проверок свидетельствуют об отдельных конфликтах, в общем традиционных для производственных коллективов, тем более художественных (конкуренция, злоупотребление служебным положением и т.д.). В фондах краевых партийных органов имеется немало «сигналов» типа: режиссёр отдаёт главные роли своей жене; литературный функционер назначил свою протезе, бывшую секретаршу редактором и правит тексты за неё; дирижёр оркестра – «двоежёнец»; актёр устроил пьяный дебош в общественном месте; актриса обругала на сцене партнёра неприличными словами так, что могли слышать зрители; художник предпочитает «халтурные» заказы, желая обогатиться... Нередко методом борьбы с оппонентами становилась политическая дискредитация. Особенно часто это имело место в писательской среде. На собраниях – явно, а тайно – в докладных записках (по сути, доносах) воспроизводились диалоги предвоенных и военных лет с крамольными высказываниями; зачастую само обращение литератора к «нежелательной» теме вызывало негативные эмоции и подозрения коллег.

Повседневное партийное руководство творческими коллективами, а через них – каждым отдельно взятым художником выражалось, прежде всего, в т.н. *репертуарной линии*. Этот термин, традиционно используемый в отношении театрального репертуара, приобрёл особый смысл в контексте сложившегося тогда положения в художественной политике.

Партийные идеологи полагали, что в искусстве подлинной силой, мобилизующей советский народ на преодоление послевоенных трудностей, могут быть главным образом произведения о современной советской действительности. Причём их

³ Смелянский А. Предлагаемые обстоятельства. Из жизни русского театра второй половины XX века. М., 1999. С. 14.

⁴ Екатеринодар-Краснодар... С. 632.

⁵ ГАКК. Ф. Р-68. Оп. 2. Д. 13.

⁶ ГАКК. Ф. Р-1750. Оп. 1. Д. 20. Л. 3; Ф. Р-1705. Оп. 1. Д. 28. Л. 2.

⁷ Воронцов В. Негодная практика Краснодарского издательства // Правда. 1948. 24 авг.

правдивость должна была строго соотноситься с официальными канонами. Фактически речь шла о создании посредством искусства параллельной реальности. В соответствии с этим формировались репертуар театров, планы книжных издательств, тематика выставочных работ.

Так, на заседании крайисполкома от 27 августа 1947 г. в свете последних партийных постановлений было принято решение «строить репертуарные планы с тем, чтобы центральное место в них занимали лучшие пьесы на современные темы, отражающие героизм и пафос послевоенного строительства в нашей стране, строительство совхозов и колхозов, борьбу за хлеб и за зажиточную жизнь колхозников, героическую борьбу советского народа в Великой Отечественной войне, борьбу с реакционными силами капиталистических государств»⁸. Перечисленные направления выдвигались как приоритетные для всех деятелей искусства.

Из указанных тем наиболее близка и понятна была тема войны. Подвиг советских людей в Великой Отечественной являлся предметом всеобщей гордости и восхищения. Однако требовалось время для его глубокого осмысления (лучшие произведения, как известно, появились значительно позже).

Кубанские театры осуществили ряд постановок о войне. На художественных выставках эта тема тоже нашла достойное отражение, что было вполне закономерно: многие кубанские художники, воюя на передовой, не расставались с мольбертами.

Вслед за книгой одного из руководителей партизанского движения на Кубани П.К. Игнатова «Записки партизана» появилось множество небольших рассказов и очерков о войне в местной периодике. Отдельным изданием вышли «Жизнь простого человека» того же П.К. Игнатова, где значительное место отводилось периоду войны, поэма А. Кирия о братьях Игнатовых «Братья-партизаны», книга самого известного на Кубани писателя, стоявшего у истоков писательской организации, А. Первенцева «Честь смолоду».

Не все писательские опыты в воплощении военной тематики признавались удачными. Так, книгу П. Иншакова «Боевая молодость» в рецензии официоза отдела агитации и пропаганды ЦК КПСС газеты «Культура и жизнь» называли «незрелым произведением». Автор «Порт-Артура» А. Степанов, рецензируя эту повесть в «Советской Кубани», был не так категоричен: наряду с положительной оценкой произведения в целом он указал на слабый показ руководящей и направляющей роли партии в партизанском движении и «неприятные промахи», например обращение Иншакова к теме «полевых» жён. Неоднократно подвергалась критике приключенческая с элементами фантастики (рецензент «Правды» назвал её авантюрной) повесть для детей В. Попова «Замок железного рыцаря»⁹.

Достаточно сложно дело обстояло с показом современности в театральном искусстве. Более-менее оперативно отображалась только колхозная тематика. В конце 1940-х годов были опубликованы и поставлены в театрах страны «Степь широ-

кая» и «Чаша радости» – пьесы кубанского драматурга Н. Винникова о послевоенной колхозной деревне и её героях-передовиках. Разумеется, ни о каком объективном осмыслении ситуации говорить не приходилось, ведь это было бы квалифицировано как «поклёп на советскую действительность», «выпячивание негативных сторон». Именно за это критиковали автора романа «Наши девушки» К. Катаенко, который, по мнению рецензентов, ввёл в качестве действующих лиц слишком много противников колхозного строя, поверхностно отразил роль комсомольской организации. «Грубой политической ошибкой» было признано и то, что писатель изобразил падёж скота как типичное для колхозов явление¹⁰.

Вообще критиковались любые не совпадающие с партийной трактовкой «современного этапа развития» сюжеты, например уборка урожая вручную на картине А. Глуховцева, развалины Новороссийска на картине Н. Миронова¹¹. Повесть В. Попова «Сад гигантов», написанная в жанре фантастики, подверглась критике за то, что автор не отдал должное трудам И. Мичурина и Т. Лысенко (обсуждение происходило через два месяца после печально известной августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г.) и вывел в качестве героев просто детей, а не пионеров¹². Произведение этого же автора «Дарья Петровна» было принято в штывы уже за то, что его героиня – молодая учительница, приехавшая по распределению в кубанский «тихий затерянный хутор» (таковых, по мнению критика, уже не существовало, т.к. все кубанские хутора были вполне цивилизованными), испытывает чувство «томящей пустоты и неудовлетворённости» (что, как полагает критик, несовместимо с её участием в самодеятельности и с работой агитатора)¹³.

На совещаниях творческой интеллигенции мастеров искусства нацеливали на создание произведений о нефтяниках, цементниках, лесорубах, инженерно-технической интеллигенции, тружениках науки и борьбе за мир. В альманахе «Кубань» конца 1940-х – начала 1950-х годов публиковалось немало конъюнктурных сочинений на заданную тему. Местные художники также внесли лепту в выполнение социального заказа. Достаточно назвать несколько работ, экспонировавшихся на выставках послевоенных лет: «На рисовых полях», «Великое содружество Ленина и Сталина» А. Глуховцева, «Досрочно выполним пятилетку» Г. Булгакова, «Выборы на Кубани» Н. Миронова¹⁴.

Все авторские замыслы вне рамок современности трактовались как аполитичные, исключение составляли сюжеты из советской истории. На Кубани во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. был создан ряд произведений на темы революции, Гражданской войны, коллективизации. Особой творческой удачей стал, по мнению критиков различных уровней, роман адыгейского писателя Т. Керашева «Дорога к счастью», удостоенный в 1948 г. Государственной премии третьей степени.

¹⁰ ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 3. Д. 1828. Л. 53; Гогин Г. Против искажения действительности // Комсомолец Кубани. 1951. 17 авг.

¹¹ ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 4. Д. 481. Л. 26.

¹² ГАКК. Ф. Р-1735. Оп. 1. Д. 1. Л. 88–90.

¹³ Гогин Г. Против искажения действительности // Комсомолец Кубани. 1951. 17 авг.

¹⁴ ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 4. Д. 481. Л. 26–27.

⁸ ГАКК. Ф. Р-687. Оп. 1. Д. 297. Л. 133.

⁹ Сюжет повести таков: отряд советских воинов размещается в старом немецком замке, где орудует замаскированная и снабжённая невероятной техникой фашистская группа «Вервольф». Советские подростки, очутившиеся там, обезвреживают фашистов.

Н. Миронов «Выборы на Кубани» (из фондов ККХМ)

Обращение к подобным темам требовало от авторов строгого подчинения идеологическим канонам и отказа от собственных трактовок происходившего. История с В. Мурадели – автором оперы «Великая дружба» и официальным вино-вником знаменитого постановления – окончательно подтвердила это. На Кубани критике подвергся ряд произведений на тему революции, в том числе и опубликованный в 1949 г. роман П. Радченко «На заре». С точки зрения рецензентов, кроме стилистических погрешностей этот роман содержал идеологическую ошибку: автор неверно изобразил большевиков, показав их слабыми, безвольными, а врагов революции – белогвардейца, игуменью, кулака – наделил качествами сильных личностей¹⁵. Вообще любой намёк на авторские симпатии к отрицательным с точки зрения классового подхода персонажам считался недопустимым.

В разряд отрицательных, кроме внутренних (врагов народа) и поверженных фашистов, записывались западные страны – «последние могоканы империализ-

¹⁵ ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 3. Д. 2430. Л. 16–18; Сологуб П. Роман, искажающий действительность // Советская Кубань. 1950. 18 апр.

ма», «оплот реакции», «сторонники новой войны». С ними нужно было «решительно бороться», в том числе посредством искусства. В театрах края было осуществлено несколько постановок на данную тему. Известностью, как и во всей стране, пользовался спектакль по пьесе Н. Вирты «Заговор обречённых», удостоенной Сталинской премии. «Действие пьесы происходит в одной из стран народной демократии, где борются демократические силы во главе с коммунистами и силы реакции, возглавляемые Уолл-Стритом» – так излагалась суть пьесы в аннотациях. Эта же тема поднималась в поставленной на кубанской сцене пьесе К. Симонова «Русский вопрос».

На страницах альманаха «Кубань», а затем отдельным изданием вышли очерки молодого писателя Д. Кирия (сына А. Кирия) «За океаном», в которых, как положено, вскрывались пороки послевоенного американского общества. Однако автор всё-таки подвергся критике за констатацию относительно высокого уровня заработной платы американских рабочих, «восхваление» политики Рузвельта и в целом за то, что не смог отразить «хищнических капиталистических законов»¹⁶. Основанные на личных впечатлениях о Чехословакии очерки А. Степанова, опубликованные в этом же альманахе, квалифицировались идеологическими экспертами как написанные «с позиций буржуазного объективизма». Критиков смутило недостаточное внимание автора к новому облику страны (уже не капиталистической, а народно-демократической) и некоторые «нестандартные» размышления, могущие посеять «вредные» мысли¹⁷.

Следуя директивам, провозглашённым в докладах А. Жданова и партийных постановлениях, местные идеологи от искусства пресекали увлечение авторов исторической тематикой. Исключение на Кубани составляли известные книги А. Степанова о русско-японской войне и эпическая поэма А. Кирия «Адыге» о судьбе адыгейского народа со времён Кавказской войны до установления колхозного строя. Политически неверным считалось прославление государственной мудрости и воинской доблести правителей прошлого. У безраздельно властвовавшего в те годы вождя народов не должно было быть достойных конкурентов даже в древнем мире. Закономерно, что под удар критики попадали кубанские авторы, «посмевшие» обратиться, например, к таким личностям, как Ашшурбанапал или Ганнибал¹⁸.

Особенно раздражал ортодоксов интерес писателей к дореволюционному прошлому Кубани. Ведь произведения на эту тему создавались на основе знакомства авторов с трудами «буржуазных» историков. В первые послевоенные годы сразу несколько кубанских мастеров пера обратилось к истории казачества, однако ещё на уровне рукописей их сочинения подверглись критике¹⁹. Причина – идеализация жизни кубанского казачества до революции, напоминание о пресловутой казачьей вольнице. Любой намёк на возможность полноценной жизни казаков

¹⁶ ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 4. Д. 474. Л. 19, 58.

¹⁷ Например, описывая исполнение оратории молодого чешского композитора на тему приказа Сталина об освобождении Праги, А. Степанов заключает: «Оратория была длинна, шумна, но ей дружно аплодировали все присутствующие» // Советская Кубань. 1948. 11 сент. С. 3; ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 3. Д. 2430. Л. 23.

¹⁸ ГАКК. Ф. Р-1735. Оп. 1. Д. 1. Л. 439.

¹⁹ ГАКК. Ф. Р-1735. Оп. 1. Д. 1. Л. 439; ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 4. Д. 474. Л. 57.

вне советских реалий считался крамолой. Казачье счастье могло ассоциироваться только с современностью, как в стихах А. Кирия:

*... На колхозном на раздолье
Жить отрадно казакам.
Это счастье, эту волю
Дал навеки Сталин нам²⁰.*

Хорошо осознававшая неизбежность «раскручивания» конкретных сюжетов и героев, но в то же время не желавшая «наступать на горло собственной песне», художественная интеллигенция, как правило, предпочитала придерживаться тактики компромисса.

Особенно чётко это прослеживалось у художников и в театральной среде. В разгар идеологических кампаний и наибольшего политического давления правила игры безропотно (по крайней мере, внешне) принимались, а позже всё возвращалось на круги своя.

Кубанские художники периодически откликались на запросы времени (фактически – требования партийных руководителей) и создавали работы на заданные темы. Поставив «птичку», многие из них, выражаясь словами историка советского изобразительного искусства А.И. Морозова, убегали в Зелёный мир, и тогда местные идеологи констатировали «отрыв художников от советской действительности, от актуальных задач, стоящих перед тружениками Кубани»²¹. Как верно заметила исследовательница социальной истории советского искусства Г. Янковская, художники эпохи позднего сталинизма, гибко реагируя на меняющиеся требования официальной эстетики и цензуры, профанировали идеологию, неплохо на ней зарабатывали и при этом оставались в относительно безопасном положении²².

Сразу после постановления Оргбюро ЦК ВКП(б) о репертуаре драматических театров (26 авг. 1946 г.), совпавшего по времени с началом нового театрального сезона, кубанские театры стали спешно включать в репертуар пьесы советских драматургов и сократили количество постановок по произведениям зарубежных авторов. Судя по оптимистичным отчётам директоров театров в краевые партийные органы, зрители с большим интересом воспринимали спектакли о советской действительности. Однако, на самом деле, уставшей от войны и лишений публике хотелось совсем иного. На «идейные» спектакли шли неохотно; премьера часто становилась единственным представлением пьесы, что ставило под угрозу финансовый план театров.

А государственные дотации театральным труппам после войны значительно сократили. Постановления Совета Министров СССР (от 4.03.1948 и от 6.02.1949) нацеливали театры на самостоятельное решение финансовых проблем. Крайисполком

рекомендовал в целях повышения доходности зрелищных предприятий обеспечить подготовку спектаклей для выезда на заводы, фабрики, в колхозы и учебные заведения; улучшить качество рекламы, установить процентное вознаграждение уполномоченным по распространению билетов²³. Но всё это не снимало вопроса о необходимости разнообразного и интересного для зрителя репертуара.

Финансовые проблемы, безусловно, подталкивали театр сделать ставку на кассовость. Направленные Совмином РСФСР для проверки деятельности Краснодарского краевого отдела по делам искусств за 1949-й и первый квартал 1950 г. строгие московские представители с возмущением констатировали наличие в репертуаре Краснодарского драмтеатра им. Горького всего одной пьесы о современности. Они отметили аналогичные явления в других кубанских театрах, а также практику показа «кассовых» спектаклей в дни, когда посещаемость в театре наиболее высока. Интересно, что к безыдейным московские чиновники отнесли «Нору» Г. Ибсена и «Госпожу Министершу» сербского классика Б. Нушича – пьесы, критиковавшие пороки буржуазного общества, а также комедию П. Кальдерона «Дама-невидимка»²⁴.

В оперетте дело обстояло подобным же образом. За январь–февраль 1950 г. было показано 25 оперетт советских авторов и 46 «низкопоклоннических» (венские и другие классические оперетты). Из 21 названия имевшихся в репертуаре пьес только 5 отражали советскую действительность. Заведующего отделом искусств крайисполкома возмущало, что в спектаклях театра музкомедии нередко присутствуют «чужеродные, низкопоклоннического характера вставки – фокстроты, блюзы, танго»²⁵.

Думается, не только финансовые соображения определяли не любовь актёров и режиссёров к пьесам о советской действительности. Большинство из них, в отличие от советской драматургии 1920-х – начала 1930-х годов, были откровенно слабыми в художественном отношении. Даже такие даты, как 30-летие Октября, 30-летие Советской Армии и 70-летие «вождя и учителя», праздновавшиеся в конце 1940-х годов, не были отмечены написанием сколько-либо заметных драматургических шедевров.

Искренне озвучивать такого рода тематику было под силу лишь самым талантливым и при этом свято верившим в идеалы сталинского режима. А таких, как свидетельствуют источники, было немного. «Наши актёры в театрах не справляются с ролями в советских пьесах, потому что не занимаются повышением своего идейно-политического уровня» – говорилось на собрании Краснодарского отделения Союза писателей²⁶. И сами артисты в выступлениях (в основном навязанных чиновниками) вынужденно резюмировали, что очень любят советский репертуар, но для оптимального результата необходимы «марксистско-ленинская учёба <...>, ибо актёр, вооружённый марксистско-ленинской теорией, лучше видит

²⁰ Кирий А. Кубанская песня о Сталине // Кубань. 1950. №9. С. 113.

²¹ ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 4. Д. 1125. Л. 1.

²² Янковская Г.А. Социальная история изобразительного искусства в годы сталинизма: институциональный и экономический аспекты. Автореф... д.и.н. Томск, 2007. С. 39.

²³ ГАКК. Ф. Р-687. Оп. 1. Д. 297. Л. 135.

²⁴ ГАКК. Ф. Р-1705. Оп. 1. Д. 32. Л. 3.

²⁵ ГАКК. Ф. Р-1750. Оп. 1. Д. 20. Л. 3 об.; ГАКК. Ф. Р-1750. Оп. 1. Д. 10. Л. 8.

²⁶ ГАКК. Ф. Р-1735. Оп. 1. Д. 1. Л. 118.

вокруг себя, глубже чувствует»²⁷. Актёры, как и большинство музыкантов и художников, не принимали близко к сердцу политические постулаты, несмотря на создание в театрально-зрелищных учреждениях Кубани партшкол, отделений вечернего университета, где изучались «Краткий курс истории ВКП(б)», работы классиков марксизма-ленинизма и И.С. Сталина, материалы партийных съездов.

Даже внешне «правила игры» выполнялись не повсеместно. В этом отношении интересна «Справка о работе театров и организаций искусств города Краснодара», датированная 1953 годом. Перечисляя имеющиеся недостатки, составитель справки описал следующий инцидент: «Артист театра оперетты (приводились фамилия и инициалы) на премьере спектакля «Марийкино счастье» в ответственной роли секретаря РК КПСС был в нетрезвом виде, чем по существу дискредитировал образ партийного работника, коммуниста. Несмотря на предупреждения со стороны администрации <...> соответствующих выводов не сделал и продолжил появляться на сцене в этой роли [курсив – А.Е.] в пьяном виде»²⁸. Своеобразный актёрский протест против насилия над жанром, к счастью, не имел серьёзных последствий.

Политика неумолимых запретов конца 1940-х – начала 1950-х годов искусственно создавала вакуум, творческий голод. Художественная интеллигенция постоянно оказывалась перед необходимостью нарушить идеологические табу. Несмотря на то, что совмещать финансовые и творческие интересы с идеологией было необычайно сложно, кубанские мастера искусства, как и их коллеги из других регионов, с большим или меньшим успехом работали, фактически балансируя на острие ножа.

6.3. Из истории кубанского самиздата (студенческий литературный альманах «Шестиголосие»)¹

История кубанского студенческого самиздата практически не изучена. Многие десятилетия эта тема была под запретом. В настоящее время серьёзной проблемой, стоящей перед исследователем, является отсутствие первоисточников, «растворившихся» в архивах партии, комсомола, КГБ. Так, история кубанского альманаха «Шестиголосие» частично реконструирована лишь за счёт скудных архивных материалов, представляющих собой официальную критику этого издания, воспоминаний авторов и их близких.

Группа филологов 4-го курса историко-филологического ф-та КГПИ на первомайской демонстрации, 1952 г.: слева второй сидит Е. Берлизов, в последнем ряду справа третий – А. Гостлицев (фото предоставлено Н.В. Долженко)

²⁷ За высокую идейность в работе театров // Советская Кубань. 1949. 20 марта. С. 2; ГАКК. Ф. Р-1750. Оп. 1. Д. 20. Л. 91.

²⁸ ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 4. Д. 1897. Л. 93.

¹ В основе очерка – выступление автора на Третьих Кубанских литературно-исторических чтениях (2001). В сокращённом виде материал опубликован в сб.: Третьи Кубанские литературно-исторические чтения/под ред. В.К. Чумаченко. Краснодар, 2001. С. 146–152.

Чтобы понять сам феномен студенческого самиздата первых послевоенных лет, необходимо иметь хотя бы самое общее представление о студенчестве той поры.

Студенческая среда середины и второй половины 1940-х годов отличалась тем, что наряду со вчерашними школьниками в вузы пришли демобилизованные войны, взрослые люди, прошедшие войну. В атмосфере эйфории, связанной с недавней Победой, они, как и большинство советских людей, испытывали, по словам К. Симонова, состояние «идеологической радужности»². Радость победы заслонила собой травмы довоенных репрессий. Массовые контакты с внешним миром на время создали иллюзию открытости.

Восприимчивая ко всему новому и критически настроенная студенческая молодёжь привлекала повышенное внимание различных идеологических инстанций. Несмотря на то что подавляющее большинство молодёжи искренне гордилось своей Родиной и её общественным строем, уже в 1945 г. на пленуме ЦК ВЛКСМ была высказана тревога по поводу «проникновения чуждого влияния в молодёжные ряды». Носителями и потенциальными проводниками объективной информации о «загнивающем Западе» в студенческой среде могли быть фронтовики. Определённую угрозу представляли и те, кто пережил оккупацию.

Средствами против инакомыслия в вузах, по мнению партийных руководителей, должны были стать, во-первых, жёсткий идеологический контроль, во-вторых, борьба с «низкопоклонством перед западной культурой» путём пропаганды отечественных достижений, утверждения приоритета русских (советских) учёных, деятелей культуры и т.д. во всех сферах. В связи с известными постановлениями 1946 г. по вопросам литературы и искусства крамольным признавали интерес ко всему, что не укладывалось в рамки социалистического реализма. Однако «благие намерения» идеологов не могли противостоять свойственной молодёжи обострённой тяге к самовыражению, желанию выразить собственное видение мира, собственную жизненную философию.

Одним из проявлений студенческой субкультуры второй половины 1940-х годов стало возникновение в вузах неформальных литературных группировок. В большинстве своём их участники не ставили перед собой политических задач. Например, в Ростовском государственном университете возникла группа «презентистов» (или «настоященцев»), выступавшая за абсолютную правду в художественной литературе, включая «право на пессимизм»³. Студенческие литературные группировки сомнительного, с точки зрения партийных руководителей, толка существовали в Москве, Ленинграде, Воронеже, Челябинске... Их организаторов неизменно ожидало наказание – строгие меры в виде выговоров, судебных разбирательств, заканчивавшихся отсидкой тюремного срока.

В 1948 г. на историко-филологическом факультете Краснодарского педагогического института несколько юношей из числа членов литературного кружка,

объединявшего студентов разных курсов, решили издать альманах своих произведений. Наличие у одного из инициаторов печатной машинки делало эту идею легко достижимой. Каждый придумал себе звучный псевдоним. Количество участников определило название альманаха – «Шестиголосие».

Предварим анализ содержания этого альманаха несколькими замечаниями, касающимися студенческой жизни в alma mater авторов «Шестиголосия» – Краснодарском государственном педагогическом институте имени 15-летия ВЛКСМ.

Краснодарский пединститут, на этот момент существовавший уже четверть века, готовил в основном школьных учителей. Материальная база учебного заведения сильно пострадала во время оккупации. Здание на ул. Седина, 4, где раньше размещались педагогический и медицинский институты, было наполовину разрушено. Вместе со студентами учительского института (он готовил учителей для средних классов школы) студенты педагогического несколько последующих лет занимались в бывшем студенческом общежитии на ул. Октябрьской, 21. Серьёзной проблемой был недостаток учебников. Одной книжкой по специальным дисциплинам пользовалось 4–6 человек (для участников войны существовала льготная норма – минимум один учебник на двоих). В меньшем дефиците были учебники по курсу марксизма-ленинизма. А вот с «Кратким курсом...» проблем не возникало: им был обеспечен каждый студент, что объяснялось приоритетом идеологии в образовательном процессе.

С 1946 г. после ряда постановлений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам в стране началась борьба с космополитизмом. Постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград» развенчивало «несвойственный советским людям дух низкопоклонства перед современной буржуазной культурой Запада» и резко осуждало произведения, «проникнутые духом низкопоклонства по отношению ко всему иностранному». В связи с этим филологи КГПИ публично обещали «тщательно контролировать и подвергать обсуждению всю литературу на иностранных языках, читающуюся студентами», не изучать в рамках учебных курсов декадентские направления⁴.

Для большинства студентов экзаменационные сессии были нешуточным испытанием: учившиеся в годы войны школьники имели серьёзные пробелы в знаниях. В 1946/47 учебном году более половины студентов КГПИ сдало сессию на «удовлетворительно». Самый большой процент отличников был на историческом факультете (18,6%), за ним следовал факультет русского языка и литературы (18,4%), где и учились авторы «Шестиголосия»⁵.

Среди авторов альманаха были Феропонт Непокорный (Василий Орёл – в будущем краевед, автор исследований о К. Хетагурове, Я. Кухаренко и др.), Симеон Гак (Александр Гостищев – впоследствии профессор-философ), Иегудиил Лось (Евгений Берлизов), Кондратий Трещоткин (Владимир Балабанов), в будущем оба – известные кубанские журналисты, Поликарп Шелест (Анатолий Кузичкин – умер вскоре после окончания института). Был и Алексей Радченко, чей псевдоним

² Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. М., 1990. С. 94.

³ См.: Харитонов Л.А. КПСС в борьбе за партийность советской литературы в послевоенный период. 1945–1955 гг. (На материалах Дона). Дис... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1973. С. 31.

⁴ ГАКК. Ф. Р68. Оп. 2. Д. 8. Л. 33. Подробнее см.: Еремеева А.Н. Исторический факультет КГПИ в послевоенные годы // Голос минувшего. 2011. №91–4. С. 52–60.

⁵ ГАКК. Ф. Р 1629. Оп. 1. Д. 35. Л. 1.

атрибутировать не удалось (впоследствии А. Радченко жил в Калуге, печатался в периодических изданиях, редактировал книги⁶).

Восстановить содержание сборника полностью пока не представляется возможным. Тексты практически не сохранились, отдельные стихи и сюжеты воспроизвёл по памяти в 2000 г. один из авторов «Шестиголосия» профессор А.К. Гостищев (1930–2009).

Официальный отзыв об издании, согласно справке о работе комсомольской организации КГПИ от 8 января 1949 г., звучал следующим образом: «Эта группа выпустила <...> пошлый, чуждый по своему идейному содержанию журнал, поместив в нём бездарные стишки и очерки, отражающие мотивы быта и любви в извращённом понятии, переплетённые с мотивами грусти, тоски, уныния, присущие сторонникам разлагающегося буржуазного строя. Подражая гнилым идеям буржуазных писателей, члены группы совершенно не интересовались общественной жизнью студентов, жизнью советского народа, борющегося за досрочное выполнение плана новой сталинской пятилетки»⁷.

Из этого заключения абсолютно ясно, что альманах был далёк от политической конъюнктуры. Как вспоминают участники издания, их девизом был лозунг «Свободу искусству». Это подтверждают программные стихи – своеобразные манифесты первого и второго (уничтоженного самими авторами, дабы «не дразнить гусей») номеров альманаха. Приводим фрагмент из стихотворной декларации, подписанный Иегудиилом Лосем (Е. Берлизовым):

Собрались мы в шесть голосов,
Петь собрались без нот.
Благо, жёсткой цензуры лассо
Горло не захлестнёт...

Симеон Гак (А. Гостищев) колоритно утверждал:

Мы проповедуем движение
И слов магическую скованность,
И новой правды утверждение,
И новой страсти очарованность,

В словах сугубо нетипических
С упорством пьяных полуночников
Мы ищем выводов логических
Из нелогических источников.

⁶ И в труде и в бою. Труженики Кировского (Песоченского) чугунолитейного завода – солдаты Великой Отечественной / [Собрал, составил и лит. обработал А.П. Радченко]. Калуга: Облиздат, 2000.

⁷ ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 3. Д. 1837. Л. 10.

Всё распеваящие барды,
Мы мерим мир иными мерами.
Сурово рыщем леопардами,
Прозрачноокими пантерами.

Прыжки мы делаем метровые,
На всех людей басами рыкая,
Мы поколение суровое
И по неопытности дикое.

Стихи мы пишем шедевральные,
Мы жаждем нового зачатия.
Пусть это первые, начальные,
Ещё не прочные понятия.

Но в этом деле очень спорое
Зерно особое заложено.
В то поле разума, которое
Ещё другими не исхожено.

Стихи пропитаны юношеским эпатажем, ощущением собственной инаковости, оптимизмом.

Писали юноши в основном о любви. Так, главный герой стихотворения Кондратия Трещоткина (В. Балабанов) боксёр сумел победить соперника даже после нокаута, потому что любимая девушка оказалась около ринга⁸.

Среди материалов альманаха был и рассказ Феропонта Непокорного (В. Орёл) «Нищий», в центре которого судьба воина-инвалида, просившего подаяние около базара: он не сумел приспособиться к новой жизни. Тема была для тех лет чрезвычайно актуальной и одновременно – запрещённой. Не исключено, что несовместимые с партийными директивами «мотивы грусти, тоски, уныния» (именно так выразились составители упомянутой справки) были найдены цензорами именно в этом рассказе.

Машинописные странички этого студенческого издания ходили по рукам. С его содержанием ознакомились как минимум несколько десятков однокурсников. Одна из принципиальных студенток донесла соответствующую информацию до партбюро, и машина закрутилась... Экземпляр альманаха был передан в ЦК ВЛКСМ, виновников вызвали для объяснений в крайком комсомола; руководителю литературного кружка преподавателю кафедры советской литературы С.С. Шишману было рекомендовано сменить место работы⁹.

⁸ Сам В. Балабанов имел первый разряд по нескольким видам спорта, в т.ч. и по боксу.

⁹ Впоследствии Семён Соломонович Шишман работал завучем краснодарской средней школы №2 и оставил о себе добрую память.

Несмотря на формально суровое осуждение авторов альманаха, в среде студентов и преподавателей они нашли сочувствие. Люди прекрасно осознавали, что реальной угрозы подобные альманахи нести не могут: дело лишь в том, что юноши проявили недопустимую меру независимости, «выпали» из общего хора. С максимально возможным в тех условиях пониманием отнёсся к авторам Гавриил Петрович Иванов, тогдашний секретарь Краснодарского крайкома ВЛКСМ, впоследствии зав. кафедрой всеобщей истории (позже зав. кафедрой истории советского общества) КГПИ–КубГУ.

Самое суровое наказание понёс первокурсник Евгений Берлизов: его исключили из института и комсомола (однако уже через полгода разрешили сдать экстерном экзамены, а позже восстановили в комсомоле). Через несколько лет он стал членом КПСС. Исключили из института (но почти сразу же восстановили) и Василия Орла, чей отец работал в подразделении МВД. Отдельные студенты (в том числе А. Гостищев) получили строгие выговоры по комсомольской линии. Наиболее снисходительное отношение было проявлено к авторам-фронтовикам А. Радченко и В. Балабанову.

Таким образом завершилась недолгая история альманаха «Шестиголосие». История эта стала для его участников серьёзным уроком. Выводы, разумеется, каждый сделал свои. Но важно то, что не побоявшиеся в 1948 г. заявить о себе нестандартным образом авторы в последующем состоялись как неординарные личности. Многие из них проявили себя в области философии, литературоведения, журналистики, поэзии.

Приложение

Публикуем стихотворения из первого номера альманаха, в том числе иронические октавы А. Гостищева – посвящения В. Орлу, Е. Берлизову, В. Балабанову, А. Кузичкину, самому себе, а также члену студенческого литературного кружка, ныне известному лингвисту профессору Г. Немцу¹⁰.

Симеон Гак (А. Гостищев)

Стихотворение номера – к вопросу о гуманизме

В синеве уходящего дня
По заросшим травую тропам
Я уйду без ружья и огня
В мой укрытый индейский вигвам.

И закончив стремительно путь,
Я прилягу на ложе своё,
Татуирую щеки и грудь
И возьму томагавк и ружьё.

¹⁰ Георгий Немец собирался печатать стихи в «Шестиголосии» (сам альманах ввиду наличия 7 авторов предполагалось назвать «Семиголосие»), но в последний момент отказался.

На бедре остро точеный меч,
Мокасины в цветочной пыли.
И свисает, как мантия, с плеч
Леопардовый плащ до земли.

Жертвой многих непройденных лет
Ты приди в мой священный покой,
Если сердца и радости нет,
А в душе только сила и зной.

Предаваясь жестокой судьбе,
Все тропинки скачками измерь –
Ты поймёшь, как невольню в тебе
Сам собою рождается зверь!

И когда в тёмной чаще лесов,
На песчаных откосах реки
Грозным рыком я рыкну без слов,
Поползу, обнажая клыки.

На звериную радость-беду
Я почую оставленный след
И к тебе я, урча, припаду,
Хищно выгнув дугою хребет.

Не вскричишь, упавая на бок,
Не почувствуешь холод и страх,
А зажётся слепой огонёк
В твоих очень туманных глазах!

И рванёшь ты когтистой рукой
С жадным трепетом тонких ноздрей
Жуткий запах сырой и ночной
Леопардовой шкуры моей!

А. Радченко

Стихотворение

Выйди в сад, внимательно послушай, –
Ты услышишь то, что слышу я. –
Говорит развесистая груша
Заливную трелью соловья:

«Тяжело склоняться под плодами,
Хорошо родить их для людей!» –
Я хочу такими же словами
Так же громко согласиться с ней.

А. Гостищев

Иронические октавы

Феропонт Непокорный (В. Орёл)
Душой неплохой прозаист,
Натурой – поэт минорный, –
Везде и всегда оптимист
Настойчивый герр Непокорный.
Он часто запишет на лист
Сюжет и ничтожный, и вздорный,
И даром, какой ему дан,
Рождает громадный роман!

Иегудиил Лось (Е. Берлизов)
Любитель таёжных снегов,
Суровый, могучий, здоровый, –
Он ищет таинственных слов,
Которые были бы новы.
Он часто в напевы стихов
Вливает лосиные рёвы,
И может быть каждый убит
Ударом свирепых копыт!

Симеон Гак (А. Гостищев)
Свивает в ажурные строки
И ставит на кухонный стол
«Зерно» и «весенние соки».
Душой поэтической зол,
Он часто бичует пороки
И даже пленительный пол
Однажды в порыве великом
Пугал леопардовым рыком!

Кондратий Трещоткин (В. Балабанов)
В нём мощный талант залегает,
В нём сила могучая спит.
Он в жизни трещит и рыдает,
Рыдает и снова трещит.
Он часто любовь «изливает»
И часто упорно «скорбит»,
Швыряя в багровые дали
Свои и чужие печали!

Ксенофонт Сычъ (Г. Немец)
В душе у него «отдыхает»
Его «поэтический клад»,
Он часто рассказы кропает
Для собственных малых «сычат».
Стихи и поэмы «рожает»,
Сбиваясь на песенный лад,
И часто в поэзии мелкой
«Кружит поэтической белкой»!

Поликарп Шелест (А. Кузичкин)
В напевах рифмованных слов
Он любит минорность поэта.
Поэт «шелестящих стихов», –
Он Шелест, и в нём – только это.
Он, робость свою поборов,
Седлает по старым заветам –
Под звуки лирических струн –
Кубанских Пегасов табу!

6.4. «...Целесообразно эту просьбу временно отклонить»: о попытках создания филиала Академии наук на Кубани в 1940-е годы¹

Сороковые годы XX столетия – один из самых сложных и противоречивых периодов в истории советской науки. Война, реконструктивный период с будоражившими научное сообщество всесоюзными «научными дискуссиями» стали временем серьёзных потерь и обретений.

В военное время наука благодаря поддержке государства не только сохранила, но и увеличила свой научный потенциал. Были созданы академии педагогических и медицинских наук, академии наук Азербайджанской, Армянской, Казахской и Узбекской союзных республик, филиалы и научные базы АН СССР. Возросло, по сравнению с предвоенными годами, количество научных учреждений и вузов¹. Образование большинства из них было связано с сотрудничеством столичных и региональных учёных в условиях эвакуации.

В 1943 году в связи с улучшением стратегической ситуации и освобождением от немецко-фашистских захватчиков ряда регионов, в том числе и Краснодарского края, началась реэвакуация научных учреждений и вузов.

Многие научные учреждения и вузы Кубани восстанавливались практически на пустом месте. Лабораторное оборудование, книжные фонды библиотек были разграблены. Остро ощущался недостаток бумаги. В ход шли газеты, оборотная сторона исписанной бумаги, старых обоев, брошенных убегающим противником географических карт. Теснота, нехватка аудиторий, перебои с электроэнергией, дефицит мебели, досок, пробирок, микроскопов и прочего оборудования – всё это мешало полноценной работе. Руководство и сотрудники проявляли недюжинные усилия для скорейшего налаживания нормального исследовательского/учебного процесса. Некоторые необходимые приборы закупались у частных лиц, изготавливались в созданных при НИИ и вузах мастерских.

Ощущение близкой победы и общая тенденция к увеличению научных учреждений, несмотря на серьёзные экономические трудности, стимулировали рост активности научной интеллигенции, тягу к созданию новых научных центров.

¹ См. Кольцов А.В. Роль Академии наук в организации региональных научных центров СССР (1917–1967). Л., 1988. С. 178. В период войны было образовано 60 новых вузов; количество учреждений АН СССР возросло с 169 в 1941 г. до 192 в 1945 г.

В начале 1944 года на самом высоком уровне обсуждался вопрос об образовании Северо-Кавказского филиала АН СССР с центром в г. Орджоникидзе. Представленная статистика научных кадров Северного Кавказа (Краснодарского, Ставропольского краёв и Северо-Осетинской АССР) свидетельствовала о наличии в 23 институтах региона 202 профессоров, из которых степень доктора наук имели 134 человека, и 379 доцентов, из которых 251 имел степень кандидата наук².

О вузах Кубани были приведены следующие данные. В четырёх институтах: Краснодарском институте пищевой промышленности (КИПП), Кубанском медицинском институте (КМИ), Краснодарском педагогическом и учительском институте и Майкопском учительском институте – преподавал 41 профессор (24 профессора имели степень доктора наук), 51 доцент со степенью кандидата наук и 25 доцентов без учёной степени. Абсолютное большинство профессоров и доцентов работали в КМИ (65 человек) и в КИППе (58 человек)³.

Президент АН СССР В.А. Комаров признал саму идею целесообразной, однако высказал сомнение в правильном выборе местоположения центра филиала и пожелание уточнить профиль будущих исследований⁴.

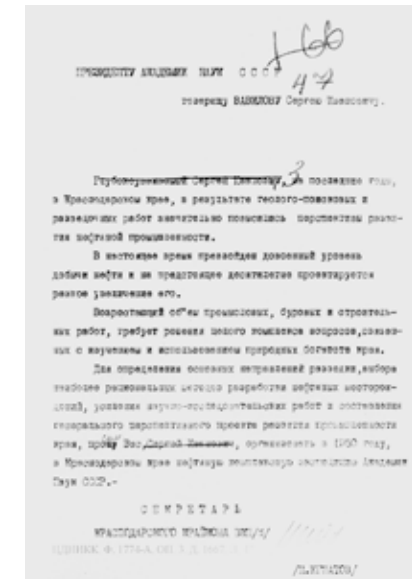
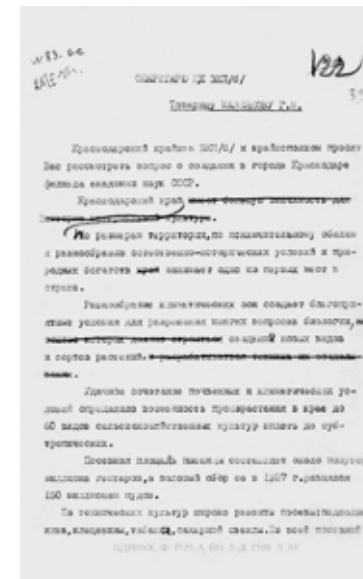
Предложение об организации Северо-Кавказского филиала было представлено в комитет по делам высшей школы при Совнарком. Председатель комитета В.С. Кафтанов предложил включить в проект пункт об откомандировании в филиал группы докторов и кандидатов наук из московских институтов⁵.

В конечном счёте вердикт выносили высшие партийные органы, хотя формально требовалось постановление Совнаркома. Предварительное мнение традиционно высказывал начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александров. Этот человек и в годы войны, и в послевоенные годы (до «начала конца» своей карьеры, связанного с философской дискуссией 1947 г. и критикой его книги «История западноевропейской философии») во многом вершил судьбы учёных и научных учреждений. На большинстве ходатайств, особенно касающихся разрешения советским учёным зарубежных стажировок/участия в конференциях, вхождения в редколлегию зарубежных научных журналов, он, как правило, писал: «Это предложение целесообразно отклонить»⁶. Александров был хорошо осведомлён о структуре научных кадров регионов, их передвижении в военные годы.

В письме Г.Ф. Александрова секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову от 21 апреля 1944 года было указано, что большинство (80%) учёных Северного Кавказа – это работники медицинских вузов. Кроме того, имеются сведения, что большинство высококвалифицированных научных кадров работает на Северном Кавказе недавно, лишь в силу условий военного времени. Таким образом, вопрос о создании филиала был признан несвоевременным из-за недостатка кадров высокой квалификации⁷.

В феврале 1945 года инициативная группа краснодарских учёных – психиатры, доктора медицинских наук, профессора Н.И. Бондарев и В.Я. Анфимов, доктор сельскохозяйственных наук А.И. Носатовский, доктор физико-математических наук профессор А.М. Титов – обратилась с докладной запиской на имя секретаря Краснодарского крайкома КПСС П.И. Селезнёва. В ней были изложены веские аргументы в пользу необходимости и возможности создания в Краснодаре филиала Академии наук СССР⁸.

Учёные информировали секретаря крайкома об имеющейся в то время тенденции учреждения филиалов АН в различных регионах и о неофициальной информации («нам стало известно»), касающейся планов открытия филиала Академии на юге для изучения природных богатств, экономики, метеорологии, флоры, фауны, курортов Краснодарского и Ставропольского краёв и Ростовской области. «Нетрудно предвидеть, – писали учёные, – что у этой обширной программы наибольшее число теоретических и практических задач возможно по Краснодарскому краю. Оставаясь совершенно объективными, мы должны отметить, что по размерам своей территории и разнообразию естественноисторических условий и природных богатств он превосходит как Ставропольский край, так и, в особенности, Ростовскую область». Далее следовало перечисление уникальных богатств региона. Инициативная группа «решалась предположить», что «целесообразно было бы образовать базу Южного филиала АН СССР в Краснодаре».

Черновики официальных обращений с предложением о создании филиала Академии наук СССР в Краснодарском крае (из фондов ЦДНИКК)

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 274. Л. 11–15.

³ Там же. Л. 11. Подсчитано автором.

⁴ Там же. Л. 10.

⁵ Там же. Л. 21.

⁶ См., напр., РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 449, 545.

⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 274. Л. 23.

⁸ ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 1844. Л. 107–110.

На ходатайстве учёных имеется резолюция П.И. Селезнёва: «Написать письмо в ЦК и Академию наук об организации филиала». Через десять дней после окончания войны, 19 мая 1945 года, П.И. Селезнёв и председатель Краснодарского крайисполкома Г.Н. Бессонов подписали письмо на имя Г.М. Маленкова о целесообразности организации в Краснодарском крае филиала Академии наук СССР. В письме, отредактированном лично первым секретарём крайкома, дано подробное описание природных богатств края, который «по размерам территории, исключительному обилию и разнообразию естественноисторических условий и природных богатств занимает одно из первых мест в стране». Приводятся данные о научных учреждениях естественнонаучного профиля⁹ и их кадрах – одном академике, 12 докторов наук, 31 кандидате и 31 профессоре¹⁰.

Как отреагировало на это письмо высшее партийное руководство, выяснить пока не удалось. Возможно, кубанским руководителям было указано на несвоевременность открытия или рекомендовано более детально проработать обоснование проекта и структуру филиала. Нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что в октябре 1945 года открылась Дагестанская научно-исследовательская база АН СССР с центром в Махачкале¹¹, которую рассматривали в качестве «форпоста» Академии наук на Северном Кавказе.

Отказываться от идеи создания филиала в Краснодарском крае не собирались. Секретарь крайкома регулярно контактировал с руководителями Академии наук по вопросам, связанным с деятельностью Кавказской экспедиции, возобновившей свою работу в крае в 1944 году. Серьёзным аргументом в «академических» амбициях региона являлся авторитет учёных Кубани, особенно специалистов в области сельского хозяйства.

10 августа 1946 года появилось ещё одно письмо с просьбой о создании в Краснодарском крае филиала АН СССР за подписью тех же П.И. Селезнёва и Г.Н. Бессонова, но уже на имя секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Жданова. Авторы письма ссылались на выводы Кавказской комплексной экспедиции АН СССР о большой значимости освоения ресурсов Кубани для народного хозяйства страны. «Становится совершенно очевидным, что объём научных исследований должен всё возрастать и значительно дифференцироваться, выходя за рамки и сроки экспедиции, и охватывать всё новые и новые задачи, требующие систематической научной разработки», – убеждали первые лица края¹². В приложении были выделены «предпосылки, требующие организации Краснодарского филиала Академии наук» – материальные и кадровые. Предполагалось создание восьми секторов – геологического, химического, лесного, энергетического, бальнеологического, экономического, а также агробиологического института и института животноводства¹³. Для строительства филиала выделялся

⁹ Названы Краснодарский институт пищевой промышленности, Всесоюзный институт табака и махорки, Институт морского рыбного хозяйства, ВНИИ масличных культур, 18 опытных станций и 8 опорных пунктов.

¹⁰ Текст данного письма хранится в ЦДНИКК: Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 1588. Л. 33–36. Письмо опубликовано в сборнике «Краснодарскому краю – 65 лет. Страницы истории в документах Архивного фонда Кубани: историко-документальный альбом». Сост. А.А. Алексеева, А.М. Беляев, И.Ю. Бондарь. Краснодар, 2002. С. 79.

¹¹ Кольцов А.В. Роль Академии наук в организации региональных научных центров СССР (1917–1967). С. 243.

¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 446. Л. 129.

¹³ Там же. Л. 130.

земельный участок площадью до 900 кв. м. Здесь могли бы разместиться сектора, лаборатории и кабинеты, а также часть квартир для научных сотрудников, которых планировалось пригласить из головных учреждений Академии¹⁴.

Представленные сведения о научных кадрах, по сравнению с первым письмом, были значительно расширены. Теперь учитывались сотрудники всех научных учреждений и вузов края – 300 человек, имевшие учёную степень. Указано и на наличие в регионе до 60 инженеров-геологов, имеющих высшее образование и большой стаж производственной работы¹⁵. Ведь разведка полезных ископаемых, прежде всего нефти и газа, была одной из актуальных задач.

Письмо попало, как и в случае с документом 1944 года об образовании Северо-Кавказского филиала, к начальнику Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрову. В письме А.А. Жданову от 4 октября 1946 года Г.Ф. Александров изложил своё мнение по поводу ходатайства кубанцев следующим образом: «Было бы целесообразно эту просьбу временно отклонить. Организация Краснодарского филиала Академии наук СССР в будущем была бы возможна: Краснодарский край является крупным регионом, имеющим свои геолого-географические особенности, специфику в экономике; в крае имеются местные научные кадры. Однако Академия наук СССР в настоящее время не в состоянии была бы оказать ему надлежащую помощь и руководство. Президент АН СССР академик Вавилов С.И. также считает необходимым отложить рассмотрение этого вопроса»¹⁶.

Можно предположить, что в сложных экономических условиях 1946 г. вопрос о филиале Академии наук в Краснодаре действительно являлся несвоевременным. Другие регионы, например Горьковская область, на аналогичный запрос получили отрицательный ответ. В то же время на Сахалине и в Якутии филиалы были созданы (соответственно в 1946 и 1947 гг.).

В 1947 году началась подготовка к восстановлению расформированного в 1937-м Кубанского сельскохозяйственного института. В архивном фонде ЦК КПСС хранится помеченная грифом «секретно» докладная записка, датированная 12 апреля 1947 года, которую подписали краснодарские профессора М.П. Архангельский, И.С. Косенко, Г.Ф. Расходов, Е.С. Блажний и доцент С.И. Лантух¹⁷. В записке обосновывалась необходимость сельскохозяйственного института для подготовки агрономов высшей квалификации, подробно излагалась история сельскохозяйственного института и формирование его материальной базы. Впоследствии вопрос об организации сельхозинститута обсуждался по линии крайком ВКП(б) – ЦК ВКП(б). В конце 1949 г. он был решён положительно, что подтверждалось соответствующим решением Совмина СССР.

Не удовлетворившись перспективой создания нового вуза, краевая партийная организация, теперь под руководством Н.Г. Игнатова (П.И. Селезнёв умер 7 марта 1949 г.), уже в который раз попыталась создать филиал АН СССР.

¹⁴ Там же. Л. 137.

¹⁵ Там же. Л. 136.

¹⁶ Там же. Д. 446. Л. 138.

¹⁷ Там же. Д. 543. Л. 76–80.

Здание на углу ул. Красной и Гоголя в Краснодаре, где планировалось разместить филиал Академии наук, фото А. Соколенко (Краснодар. 10 открыток. Ростов/н Д, 1955). (фото предоставлено В.В. Бондарем)

В августе 1949 года руководящим работникам края по распоряжению второго секретаря крайкома партии В. Зинченко была разослана аналитическая записка старшего научного сотрудника АН СССР Н.Н. Сироты¹⁸, написанная ещё в апреле 1947-го. Кто инициировал написание записки: руководство Академии или края, – выяснить не удалось. В записке отмечалось, что наиболее целесообразным местом для создания северокавказского филиала Академии наук является Краснодар.

Н.Н. Сирота писал не только об уникальных богатствах края и необходимости их освоения, но и об актуальных экологических проблемах юга и юго-востока России. В частности, была затронута тема освоения солончаковых почв на побережье Азовского моря и огромных пустынных засушливых степей, располагающихся на стыке Краснодарского края, Ростовской и Сталинградской областей и тянущихся вплоть до Каспийского моря. Автор записки отметил и необходимость создания защитных лесных массивов. Вопросы ирригации и мелиорации рассматривались в связи с проблемой обмеления Азовского и снижения уровня Каспийского морей.

Будущий филиал представлялся Н.Н. Сироте не в виде сложного и громоздкого учреждения. Начинать работу можно было, имея два-три небольших, но активно действующих компактных института со штатом 6–10 человек и площадью 400 кв. м на каждый институт. Н.Н. Сирота напрямую увязал создание филиала с возможностью в дальнейшем организации в крае университета¹⁹.

¹⁸ Сирота Н.Н. (1913–2006) – выпускник 7-й трудовой школы г. Краснодара (ныне гимназия №36). Окончил Московский институт стали и сплавов; одновременно прослушал курсы физического факультета МГУ. В 1939 г. защитил кандидатскую диссертацию по исследованию физики процессов отпуска закалённой стали. С 1940 г. докторант Института общей и неорганической химии АН СССР, где выполняет фундаментальные работы по термодинамике и кинетике фазовых переходов, по метастабильным состояниям конденсированных систем, которые легли в основу его докторской диссертации, успешно защищённой в 1950 г. В 1956 г. Н.Н. Сироту избрали академиком Академии наук БССР и он переехал в г. Минск. (См.: Николай Николаевич Сирота (К 90-летию со дня рождения) // <http://ifftp.bas-net.by/index.php?page=sirota&path=anniversary>).

¹⁹ Кубанский государственный университет, возникший в 1920 г., был реорганизован и утратил статус университета в 1921 г. Только в 1970 г. университет вновь открылся на базе Краснодарского педагогического института.

Судя по письму президента АН СССР С.И. Вавилова Н.Г. Игнатову от 14 ноября 1949 года, президиум АН в то время выяснял возможности организации филиала на Северном Кавказе²⁰. Руководители Краснодарского края в срочном порядке составляли статистические сводки о количестве специалистов высокой квалификации во всех сферах экономики. В архивном деле «Переписка крайкома партии с АН СССР по организации филиала АН СССР в Краснодаре», кроме других документов, содержатся списки геологов – потенциальных сотрудников филиала, и учёных, ранее работавших в нефтяной промышленности края, желающих вернуться в Краснодарский край²¹.

24 ноября 1949 года было созвано краевое совещание по поводу открытия в Краснодаре филиала Академии наук. На следующий день после совещания появилось тринадцатистраничное обоснование крайкома ВКП(б)²². Кроме подробного перечисления ресурсов края как важнейшей предпосылки для создания филиала в документе было подчёркнуто, что «при открытии в г. Краснодаре филиала Академии наук будет одновременно решена задача организации научного центра и для всего Северного Кавказа». Дополнительно была расписана структура Северо-Кавказского филиала. Предлагалось задействовать в будущем филиале 254 человека, включая 4 членов президиума, 188 научных сотрудников, 26 человек – административный состав, 4 – библиотечный персонал, 17 – производственно-технический персонал и 10 – уборщицы²³.

В ходатайстве крайкома и крайисполкома от 26 ноября 1949 года на имя президента АН СССР С.И. Вавилова и главного учёного секретаря АН А.В. Топчиева помимо подробной информации, приводившейся во всех подобного рода документах, был указан адрес здания, которое отводится под филиал – Гоголя, 52²⁴ и гарантировалось предоставление пятнадцати квартир для приглашённых в филиал специалистов из Москвы. В рамках будущего филиала было предложено открыть институты: геологии нефти, биологии, истории, археологии, этнографии, секторы экономических исследований, энергетики, климатологии и бальнеологии. Краснодарские руководители настойчиво просили академическое начальство поддержать предложение кубанцев перед правительством СССР и прогнозировали возможность, в случае открытия филиала, распространить свою деятельность на всю территорию Северного Кавказа и Ставропольского края²⁵.

Подробней остановимся на отсутствующем в предыдущих ходатайствах предложении о создании института истории и археологии и этнографии²⁶. Безусловно, обнаружение многочисленных памятников археологии на территории края и непосредственно краевого центра стимулировало интерес как на Кубани, так

²⁰ ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 3. Д. 1667. Л. 43.

²¹ ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 3. Д. 1682. Л. 52–54.

²² Там же. Л. 1–13.

²³ Там же. Л. 14–20.

²⁴ Это здание гостиницы «Центральная» (впоследствии гостиницы «Краснодар») на углу улиц Красной и Гоголя.

²⁵ ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 3. Д. 1682. Л. 9.

²⁶ В составе института предлагалось выделить 3 сектора: истории Северного Кавказа в Новое и Новейшее время, истории Северного Кавказа в древнее и средневековое время и сектор этнографии, а также два заповедника – Фанагорийский на Таманском полуострове и Семибратский в Варениковском районе (ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 3. Д. 1682. Л. 31). В ходатайстве 1945 г. история как направление будущих исследований упоминается лишь вскользь, одной фразой: «К тому же история его (Краснодарского края. – А.Е.) во многом недостаточно разработана» (ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 1588. Л. 36).

М.В. Покровский (из фондов музея КубГУ)

и за её пределами к прошлому региона. В 1948 году в краевом книжном издательстве вышла книга директора краеведческого музея Ф.В. Навозовой и археолога Н.В. Анфимова «Путешествие по родному краю»²⁷. В Краснодаре на историко-филологическом факультете работали тогда историки М.В. Покровский, М.М. Бабичев, Н.В. Анфимов, Г.Г. Мошкович и др. Никто из них не имел докторской степени, однако уровень квалификации был достаточно высок.

«Краснодарский край в историческом отношении представляет сплошной музей», – отмечал М.В. Покровский, выступая на совещании 24 ноября 1949 года²⁸. Его речь, записанная стенографисткой в виде тезисов и с многочисленными ошибками, представляет, тем не менее, значительный интерес. Обосновывая необходимость изучения местной истории и создание специализированного института, он выдвинул ряд важнейших, с точки зрения идеологических приоритетов позднего сталинизма, направлений. Вопрос о славянском населении на юге, в том числе на территории Краснодарского края, напрямую увязывался Покровским с критикой норманнской школы, отрицающей южное происхождение Руси, и поддержкой идей этой школы «американскими и английскими империалистами». Исследования советских учёных должны были противостоять немецкой теории о том, что «готы населяли территорию, на которой располагается Краснодарский край». В изучении Кавказской войны наиболее актуальным представлялся вопрос о вторжении на Кавказ Англии и Турции и английской заинтересованности в богатствах Кавказа²⁹.

Как видим, М.В. Покровский, блестящий знаток древних памятников Кубани, истории адыгов, Кавказской войны³⁰, с целью усиления аргументации активно использовал в своей речи языковые конструкции партийных документов и газетных передовиц, которые носили ярко выраженный патриотический, антизападный характер. Большинство учёных в те годы строило свои выступления по тому же принципу, полагая, что для достижения институциональных или конкретных научных задач можно «подыграть» тем, от кого зависит принятие решения.

Антизападные аргументы М.В. Покровского не попали в итоговое ходатайство. В документе намечалось широкомасштабное изучение истории края – «с древнейших времён до наших дней на основе археологических раскопок и архивных материалов, хранящихся в архивах края». Подчёркивалась важность исследования истории народов Северного Кавказа как «неотъемлемого звена русской истории», изучение скифов, аланов, славян, Тмутараканского княжества, истории революционного движения, Гражданской войны, партизанского движения, Великой Отечественной войны³¹.

Несмотря на активность кубанских руководителей, положительно вопрос о создании филиала решён не был. Причём информация (официальная или неофициальная) об этом появилась, скорее всего, уже в декабре 1949 года. Секретарь крайкома и председатель крайисполкома не медля предложили высшему руководству компромиссный вариант. В письме П.И. Игнатова и П. Пантимова от 2 января 1950 г. на имя секретаря ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкова изложена просьба решить вопрос об организации в 1950 г. в Краснодарском крае филиала Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина (ВАСХНИЛ). В письме был сделан упор на наличие в крае более сорока научно-исследовательских сельскохозяйственных учреждений и на то, что из пятисот научных работников края сто пятьдесят имеют степень докторов и кандидатов сельскохозяйственных наук³².

О последующих попытках создания академических филиалов в Краснодаре нам доподлинно неизвестно. Хотя косвенные доказательства имеются. На копии ноябрьского (1949) ходатайства обращение «С.И. Вавилову» зачёркнуто карандашом; выше написано «А.Н. Несмеянову». Учитывая, что А.Н. Несмеянов сменил умершего С.И. Вавилова в 1951 году, возможно, руководители края пытались решить вопрос с новым президентом АН СССР. Возобновлялись попытки и в 1960-е годы.

Филиал Академии наук СССР, как, впрочем, и филиал ВАСХНИЛ, в Краснодарском крае так и не появился. Кубанская наука продолжала развиваться в рамках многочисленных вузов, научно-исследовательских институтов, опытных станций, филиалов отдельных академических учреждений и пр. В 2003 был открыт Южный научный центр Российской академии наук ... в Ростове-на-Дону.

²⁷ Екатеринодар – Краснодар... С. 635.

²⁸ ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 3. Д. 1667. Л. 47.

²⁹ Там же.

³⁰ О творчестве М.В. Покровского см.: Черников В.Н. Путь историка. Очерк о жизни и деятельности М.В. Покровского. Краснодар, 1997.

³¹ ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 3. Д. 1682. Л. 8.

³² Там же. Д. 2251. Л. 26.

7. Последнее советское тридцатилетие

7.1. Векторы культурного развития Кубани в середине 1950-х — середине 1980-х годов

Культурная жизнь Кубани последнего советского тридцатилетия характеризовалась противоречивыми процессами. Идеи переустройства общества на основе истинно социалистических ценностей, распространившиеся среди интеллигенции Москвы, Ленинграда, других крупных городов, на Кубань просачивались медленно. В то же время XX съезд партии, начало реабилитации жертв сталинских репрессий способствовали оздоровлению общественной атмосферы в крае.

Налицо были успехи в удовлетворении интеллектуальных и культурных потребностей населения путём развития образования, средств массовой информации, театров, музеев. Многие позитивные сдвиги связаны с деятельностью властных структур, персонально — М.М. Шапиро, более 20 лет возглавлявшей управление культуры Краснодарского крайисполкома.

Сфера культуры в те годы координировалась подразделениями органов государственного управления — краевого, городских, районных исполкомов и партийных комитетов аналогичных уровней.

Данные структуры контролировали культурные инициативы и творчество. В их подчинении находились тысячи специалистов сферы культуры, в том числе руководителей творческих коллективов, кружков, учреждений. В регионе практиковалось проведение краевых съездов работников культуры, недель культуры и искусства.

Вопросы, связанные с созданием объектов культурной инфраструктуры, решались на всероссийском и всесоюзном уровнях через ходатайства первых лиц края — председателя крайисполкома и первого секретаря крайкома КПСС.

Творческие союзы, имевшиеся в крае: художников, писателей, театральных деятелей, композиторов, хоровых деятелей — финансировались преимущественно государством и стояли прежде всего на страже его идеологии. Они оперативно откликнулись на государственный заказ и его региональные интерпретации, создавая произведения о «родных станицах, разливах пшеницы»¹, о том, как кубанцы

бросают вызов Айове, превращают Тамань в советскую Шампань, выращивают миллион тонн риса.

Изменения в развитии школьного образования в основном были связаны с возвратом к совместному обучению и с реформой конца 1950-х гг., вводившей вместо обязательного семилетнего восьмилетнее образование и профессионализацию школы путём организации трудового обучения. Позже осуществился переход к обязательному среднему образованию. В соответствии с программой профессиональной ориентации школьники сельских районов Кубани трудились в ученических производственных бригадах, лесничествах, а в городах открывались учебно-производственные комбинаты, где старшеклассники овладевали различными профессиями.

Быстро возрастала численность музыкальных и художественных школ. К концу 1970-х гг. в крае их было 180².

Росла вузовская сеть. В 1954 г. открылся Армавирский педагогический институт. В конце 1960-х гг. в крае появились вузы культуры и физической культуры,

Начальник управления культуры крайисполкома М.М. Шапиро вручает почётную грамоту директору Краевой детской библиотеки им. братьев Игнатовых Т.В. Давиденко (1965)
(фото предоставлено М.М. Шапиро)

¹ «Родные станицы, разливы пшеницы, плывёт за комбайном комбайн...» — строка из стихотворения кубанского поэта В. Подкопаева, растиражированного на обложках школьных тетрадей.

² Краснодарскому краю — 65 лет. Страницы истории в документах архивного фонда Кубани. С. 151.

расширилась сеть высших военных учебных заведений. В 1970 г. на базе Краснодарского пединститута был создан Кубанский государственный университет. Более половины кубанских студентов училось на вечерних и заочных отделениях, совмещая учёбу с работой. Как и по всей стране, численность студентов на Кубани существенно возросла: с 1960 по 1979 г. более чем в 3 раза (с 17,4 до 54,9 тыс.)³.

В народных университетах все желающие, независимо от возраста и профессии, могли повысить свой культурный уровень.

Большое значение придавалось воспитанию патриотизма, в первую очередь на подвиге народа в Великой Отечественной войне. С созданием в 1966 г. Краснодарского краевого совета Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) и его районных отделений эта работа существенно активизировалась.

Открылись новые музеи и мемориальные комплексы, связанные с увековечением героев войны. К 20-й годовщине Победы был воздвигнут одиннадцатиметровый памятник на Сопке Героев (в Крымском районе). К 25-летию Победы в Тимашевске открылся Дом-музей Е.Ф. Степановой (через 5 лет он стал филиалом Краснодарского историко-краеведческого музея). Сформировался мемориальный комплекс на Малой земле в Новороссийске. Его известности способствовала широко растиражированная книга «Малая земля», основанная на личных воспоминаниях Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева.

В эти годы создаются Выставочный зал изобразительных искусств в Сочи⁴, художественный музей в Майкопе, мемориальный музей И. Поддубного в Ейске и др. Ширится сеть школьных и народных музеев.

Активизировалась антирелигиозная деятельность. Постановления ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах её улучшения», «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» (1954), спущенные «сверху» с грифом «секретно» документы Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС нацеливали на усиление идейной борьбы против религиозных воззрений, воспитание трудящихся в духе воинствующего материализма. В начале 1960-х гг. в Краснодаре закрываются Свято-Троицкая и Ильинская церкви. Несмотря на то что соблюдение религиозных обычаев и праздников, крещение, венчание и др. не поощрялись, заинтересованная часть населения выработала стратегии преодоления подобного рода ограничений.

Край имел устойчивую репутацию крупного научного центра в основном благодаря деятельности выдающихся, с мировой известностью учёных-аграриев. Труды В.С. Пустовойта и П.П. Лукьяненко в области селекции подсолнечника и озимой пшеницы были высоко оценены: учёные стали членами Академии наук СССР, дважды Героями Социалистического Труда. Показательно, что перед избранием в академики учёных срочно, без прохождения кандидатского стажа, приняли в ряды КПСС. Реабилитация генетики позволила М.И. Хаджинову и его коллеге Г.С. Галееву работать над созданием кукурузных гибридов. В итоге появились новые, высокоуро-

³ Там же. С. 128, 143.

⁴ С 1988 г. – художественный музей.

Академик ВАСХНИЛ М.И. Хаджинов, худ. А. Иванова (фото предоставлено А.М. Хаджиновым)

Первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС Г.С. Золотухин (5-й справа) на вегетационных опытах во ВНИИМК. Слева от него – академик В.С. Пустовойт (из фондов музея ВНИИМК)

жайные сорта кукурузы. Оба селекционера не раз удостоивались высших государственных премий. Кубанскими семенами засеивались поля СССР и социалистических стран. Селекционеры Западной Европы, США, Канады приезжали в краснодарские НИИ на стажировку.

В 1963 г. группа учёных Кубани получила Ленинскую премию за комплексное решение проблемы бурения месторождений газа.

К середине 1980-х гг. в крае имелось 61 научное учреждение (включая 9 вузов) – в них работало почти 9500 человек (36,5% имели степени докторов и кандидатов наук)⁵.

Именно учёные Кубани первыми забили тревогу по поводу экологии региона. Создатель ботанического сада Кубанского сельхозинститута И.С. Косенко написал в «Комсомольскую правду» (1965) о проблемах Кавказского государственного заповедника⁶. Показательна и докладная записка «Проблемы охраны и коренных мелиораций природных ресурсов Краснодарского края» от 14 декабря 1970 г. (авторы – Е.С. Блажний, Е.Б. Величко, И.С. Косенко, А.И. Симакин), в которой были приведены конкретные примеры деградации природных богатств: падение плодородия почв, обмеление степных рек и т.д.⁷ Выводы учёных тогда стали мощным сигналом для партийных и государственных органов.

В 1970-е гг. активизировалась деятельность по изучению народных традиций, истории и культуры региона. Ею занимались как краеведы-любители, так и профессиональные историки, этнографы, фольклористы, библиографы. Настоящим бестселлером стала книга краеведа В. Бардадыма «Этюды о прошлом и настоящем Краснодар»

⁵ Краснодарскому краю – 65 лет. Страницы истории в документах архивного фонда Кубани. Краснодар, 2002. С. 172.

⁶ ГАКК. Ф. Р-1751. Оп. 1. Д. 49. Л. 16–38.

⁷ ГАКК Ф. Р-1755. Оп. 3. Д. 81. Л. 3, 14, 17.

Делегация Краснодарского края на Первом учредительном съезде писателей РСФСР (Москва, 1958). Слева направо: Г. Соколов, Г. Федосеев, В. Пальман, В. Монастырев, Н. Веленгурин, В. Логинов, В. Бакалдин (из фондов ГАКК)

(1978). О литераторах, побывавших на Кубани, писали Н. Веленгурин, М. Савченко. А. Гадагатлем был опубликован впервые на языке оригинала древний эпос народов Северного Кавказа «Нартхэр» («Нарты») в семи томах. Герои эпоса «оживали» под кистью Д. Меретукова (иллюстрировавшего издание) и Ф. Петуваша.

Значительную часть писателей и журналистов Кубани в этот период составляли выпускники историко-филологического факультета Краснодарского пединститута – Ю. Селезнёв⁸, В. Неподоба, Ю. Абдашев, В. Лихоносов, И. Ждан-Пушкин, В. Бакалдин, Э. Медведев, В. Шейферман (Жилин), Г. Садовников и др. Они определяли «лицо» местной периодики. Литературная молодёжь группировалась вокруг газеты «Комсомолец Кубани», читательская аудитория которой далеко выходила за рамки комсомольского возраста. Интересно, что именно в этой газете были напечатаны первые стихотворные опыты будущего диссидента, издателя «Континента» В. Максимова⁹. В «литературный актив» газеты входил выдающийся, вскоре признанный в масштабах страны, поэт Ю. Кузнецов¹⁰.

⁸ Издание Ю. Селезнёвым биографии Ф.М. Достоевского в серии «Жизнь замечательных людей» (1981) стало ярким событием в советском литературоведении.

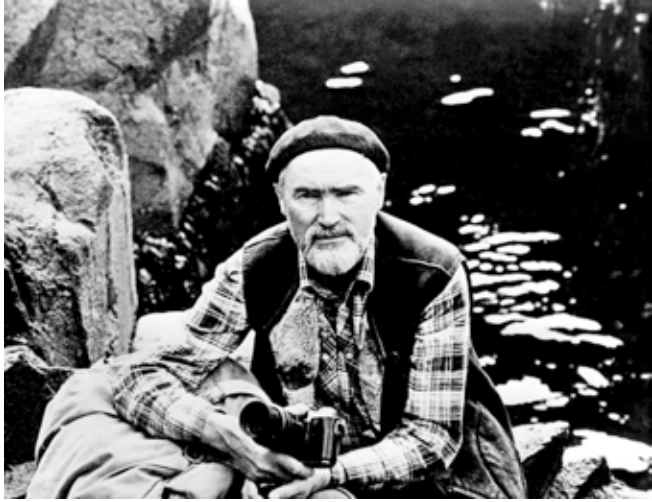
⁹ См.: Исаченко С.В. Е. Максимов и литературная общественность Кубани // Книжное дело на Северном Кавказе: методы, источники, опыт исследований. Вып. 6. Сб. статей / Краснодар, 2010. С. 338–343.

¹⁰ См.: Человек города / под ред. А.И. Слуцкого, Е.И. Ждан-Пушкиной. Краснодар, 2008.

1. Писатели и поэты Адыгеи: слева направо М. Паранук, Т. Керашев, Д. Костанов, К. Жанэ, Ю. Тлюстен. Майкоп, 1962 г. (из фондов ГАКК)

2. Овечкинские чтения на Кубани (ст. Темиргоевская, 1979): слева направо И. Варавва, профессор Н. Глушков, В. Лихоносов (из фондов ГАКК)

А. Пасенюк на Командорских островах (из фондов КГИИМЗ)

Ещё один выпускник историко-филологического факультета КГПИ В. Лихоносов получил всесоюзную известность после публикации в журнале «Новый мир» рассказа «Брянские» (прототипом его героев стали жители Анапского района). Дальнейшее творчество автора неразрывно связано с Кубанью. Его повесть «Осень в Тамани», роман «Когда же мы встретимся?» в официальной критике вызвали большие споры. Автора упрекали в отходе от традиций социалистического реализма, в идеализации старой России. Несмотря на подобные голоса критиков, в 1978–1983 гг. В. Лихоносов, развивая прежнюю тему, работал над романом «Наш маленький Париж» о дореволюционном Екатеринодаре.

Большой читательский интерес вызывали проза А. Знаменского, очерки известного путешественника Л. Пасенюка (чьё имя носит мыс на острове Беринга), остро сюжетные исторические романы Б. Тумасова, глубоко народная поэзия И. Варавы, произведения адыгейских прозаиков Т. Керашева, И. Машбаша, А. Евтыха. Как поэты-песенники проявили себя В. Бакалдин, С. Хохлов, В. Подкопаев.

Среди молодёжи популярностью пользовались повести и рассказы В. Логинова и Ю. Сальникова. В них поднимались проблемы взаимоотношений в молодёжной среде, истинных и ложных ценностей.

Разумеется, творчество большинства кубанских литераторов не выходило за границы дозволенного. «Власть, украшая свободу слова, взамен давала нам возможность иногда печататься. Правда, строго надзирая, чтобы мы не сказали лишнего», – так позже признавался в одном из интервью Ю. Сальников¹¹.

¹¹ Цитируется по: Ряполова Е.А. «Оттепель» как процесс социокультурной динамики страны и её особенности на Кубани // Другие времена. Межвуз. Сб. ст. к 70-летию со дня рождения В.Е. Щетнёва / под ред. А.А. Зайцева и А.Ю. Рожкова. Краснодар, 2004. С. 241.

Скульптурно-архитектурная композиция «Аврора» (из фондов КГИИМЗ)

Несмотря на законодательные запреты, «профилактические беседы» и карательные практики, в регионе циркулировал общественно-политический (в основном журнал «Хроника текущих событий»), религиозный и литературный самиздат. В Ейске в конце 1970-х – начале 1980-х гг. С. Сигов и А. Таршис издавали «трансфуристический» литературно-художественный журнал «Транспонанс»¹².

Происходило развитие региональной телевизионной сети. Первая телепередача на Кубани через малый Краснодарский телецентр вышла 7 ноября 1955 г. В 1959 г. в краевом центре, позже в Сочи и Армавире заработали современные телецентры. Краснодарский и Сочинский транслировали 1-ю программу телевидения из Москвы. В 1965 г. в Краснодаре заработала своя телевизионная станция на 2-м канале¹³.

Строились новые современные кинотеатры: «Россия», «Северный», «Октябрь», детский кинотеатр «Смена» в Краснодаре, кинотеатры «Россия» и «Украина»

¹² Исаченко С.В. Неподцензурные политические и религиозные издания на Кубани в середине 1960-х – начале 1980-х гг. // Книжное дело на Северном Кавказе: методы, источники, опыт исследований. Вып. 6. Сб. статей. Краснодар, 2011. С. 301–307; Исаченко С.В. Литературно-художественный самиздат на Кубани: журнал «Транспонанс» // Медийные стратегии современного мира. Материалы Шестой Международной научно-практической конференции (Сочи, 1–3 ноября 2012 г.). Краснодар, 2012. С. 291–293.

¹³ Краснодарскому краю – 65 лет. Страницы истории в документах архивного фонда Кубани. С. 107.

в Новороссийске, «Октябрь» в Ейске и Майкопе и др. К 50-летию Октября открылся краснодарский широкоформатный кинотеатр «Аврора». Перед демонстрацией фильмов зрителям предлагались киножурналы, в т.ч. выпуски Ростовской студии кинохроники «По Дону и Кубани».

В 1958 г. на Кубани киностудией «Ленфильм» по одноимённому роману кубанского писателя А. Первенцева снимался фильм «Кочубей» (режиссёр Ю. Озеров) о кубанском казаке, герое Гражданской войны. Роль Ивана Кочубея играл прославленный артист Н. Рыбников. По повести краснодарского писателя В. Логинова «На то она и любовь» режиссёр И. Пырьев поставил фильм «Наш общий друг» (1962). Многосерийный фильм «Большая перемена» (1973), до сих пор с успехом идущий на телеэкране, был написан по сценарию Г. Садовникова и отразил воспоминания автора о своей работе в одной из вечерних школ Краснодара.

Серьёзных изменений в структуре театров Кубани по сравнению с предыдущим периодом не произошло. Новым начинанием в Краснодарском театре музыкальной комедии стали постановки оперетт местных авторов: «У нас на Кубани» композитора и главного дирижёра театра М. Киракосова, «Кубанские ласточки» Я. Верховского, Г. Плотниченко и Д. Фалилеева. Роли исполняли любимцы кубанских театралов Е. Белоусова¹⁴, В. Генин, К. Крахмалева, М. Лусинян и др. Автором текстов был краснодарский поэт С. Ольгин. Правда, подобные спектакли не могли соперничать по популярности с классическим репертуаром.

Г. Плотниченко написал музыку к спектаклям Краснодарского театра кукол «Аленький цветочек», «Сумка, чалма и свирель», «РВС».

Пьесы В. Бакалдина («Человек с последней парты»), В. Мхитаряна («Верните бабушку») шли на сцене Краснодарской драмы.

Огромный успех по всей стране, и в первую очередь на Кубани, имела комедия Н. Винникова «Когда цветёт акация». На сцене угадывались аллеи краснодарского горпарка, звучала песня «Краснодарский вальс» на стихи В. Бакалдина. Пьеса воспринималась как гимн городу, его молодёжи¹⁵.

Важным событием в театральной жизни стало назначение в 1960 г. М.А. Куликовского главным режиссёром Краснодарского драматического театра. Уже первые его постановки – «Вишнёвый сад», «Иркутская история», «Ма-

М.А. Куликовский (из фондов КГИАМЗ)

¹⁴ Портрет примадонны Краснодарского театра музыкальной комедии Е.М. Белоусовой в 1960 г. был помещён на этикетку кубанского вина «Улыбка».

¹⁵ Раполова Е.А. «Оттепель» как процесс социокультурной динамики страны и её особенности на Кубани. С. 242–243.

Самодельный танцевальный коллектив из Краснодарского края на сцене Колонного зала Дома союзов (фото предоставлено М.М. Шаниро)

скарад» – имели большой успех. В 1978 г. он был удостоен Государственной премии им. Станиславского за режиссуру спектаклей «Фауст», «Кочубей» и «Старик».

Кубанские театры активно гастролировали, давали отчётные спектакли в Москве. На сцене драматического театра блистали Д. Провоторов, И. Макаревич, А. Кузнецова. В театр оперетты (так стал в 1966 г. называться театр музыкальной комедии) пришли молодые талантливые силы – В. Круглов, Ю. Дрожняк, Т. Аристархова, Л. Чайкина и др. Популярностью среди молодёжи пользовались Краснодарский театр юного зрителя под управлением С. Гронского, студенческие театры.

Театральное любительство широко развивалось. В 1959 году народные театры в СССР получили официальный статус и финансирование. В крае действовало 14 народных театров (в Новороссийске, Приморско-Ахтарске, ст. Брюховецкой и т.д.); в Ейске в 1959 г. организован народный театр оперетты. Работали театральные кружки и студии. Благодаря всероссийским и всесоюзным фестивалям народные коллективы были известны за пределами края. Во всесоюзных изданиях анализировался опыт народных театров ст-цы Павловской, совхоза «Красное» Кущёвского района¹⁶. Постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию художественного творчества» (1978) закрепило высокий статус народных театров и других

¹⁶ См.: Народные театры: Взгляд со стороны. Сами о себе /сост. Е.Д. Уварова. М., 1981.

самодеятельных коллективов, отдавая им важное место «в идейно-политическом, трудовом и нравственном воспитании, преодолении пережитков прошлого в сознании людей».

Активизации театрально-концертной жизни Кубани способствовало расширение площадей, повышение комфортабельности театрально-зрелищных помещений. Только в Краснодаре «новоселья» отметили все краснодарские театры, цирк, филармония. Свою лепту в оживление музыкальной жизни внесли музыкально-педагогический факультет Краснодарского педагогического института, музыкальные училища в Майкопе и Новороссийске, Краснодарский институт культуры.

Лекторий филармонии активно работал в домах и дворцах культуры, на промышленных предприятиях и в колхозах; туда же выезжали эстрадные бригады.

Дефицит симфонической музыки ввиду отсутствия симфонического оркестра при филармонии восполнялся приглашением коллективов из других регионов, выступлениями симфонического коллектива Краснодарского музыкального училища (много лет им руководил В.А. Воронцов).

В начале 1960-х гг. ансамбль песни и пляски кубанских казаков был переведён из разряда профессиональных в самодеятельные¹⁷. Танцоры ансамбля составили костяк созданного в 1963 г. при филармонии танцевального коллектива «Кубань». Главное место в его программах заняли темы современности. Вскоре ансамбль уходит из профессиональной концертной жизни. Возникает джаз-оркестр с аналогичным названием¹⁸.

Эпоха вокально-инструментальных ансамблей (ВИА) способствовала созданию многочисленных подобных коллективов на предприятиях, в учебных заведениях. Быстро завоевал популярность учреждённый при филармонии ВИА «Ива», исполнявший не только советские и зарубежные шлягеры, но и казачьи песни. Вокалистом «Ивы» был будущий народный артист России А. Серов.

В 1972 г. на Кубань переехал Г.Ф. Пономаренко, песни которого пела вся страна. Приглашающая сторона (управление культуры крайисполкома) «видела» его в качестве руководителя воссозданного в 1969 г. Кубанского казачьего хора. Но обстоятельства сложились иначе. В 1974 г. руководителем хора назначен В.Г. Захарченко, уроженец кубанской станицы Дядьковской, выпускник Новосибирской консерва-

Г.Ф. Пономаренко (фото предоставлено З.К. Ерицпыховым)

¹⁷ Подоплёка этого решения подробно описана: См.: Борисов Б., Борисов Г., Бурyleв В. Краснодарская филармония: прошлое и настоящее. С. 117–118.

¹⁸ Там же. С. 118–119.

М.М. Шапиро и В.Г. Захарченко (фото предоставлено М.М. Шапиро)

тории, знаток казачьего фольклора, имевший хороший хормейстерский опыт. Хор стал одним из ведущих в стране коллективов – хранителей и пропагандистов казачьей песенной традиции.

Краевое отделение Всероссийского хорового общества во главе с Г.М. Плотниченко являлось настоящим «штабом» кубанских хоров, в т.ч. народных. Совместно с краевым Домом народного творчества устраивались фестивали хорового искусства. «Не было в крае хутора, села, города, аула, музыкальной школы, где не было бы хора. Их качество и жанровое разнообразие удивляли знатоков хоровых дел России», – вспоминала начальник управления культуры крайисполкома М.М. Шапиро¹⁹.

Народная артистка СССР А.Г. Зыкина (вторая слева), первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС С.Ф. Медунов (справа от неё), руководители края, представители творческой интеллигенции у трапа самолёта в аэропорту г. Краснодара (фото предоставлено М.М. Шапиро)

¹⁹ Наши современники Григорий Максимович Плотниченко / сост. Н.В. Магдалиц. Краснодар, 2003. С. 7.

Аня Нетребко – солистка хора «Кубанская пионерия» – на ВДНХ в Москве. 1984 г.
(фото предоставлено Ю.Н. Нетребко)

Проводились многочисленные музыкальные праздники. В 1967 г. в краевом центре и трёх районах: Отрадненском, Туапсинском и Белореченском – прошла первая «Кубанская музыкальная весна», ставшая традиционным фестивалем.

Музыка кубанских композиторов (Г. Плотниченко, Н. Хлопкова, С. Чернобая, А. Дудника, Д. Гершфельда, В. Кеворкова и др.) звучала на концертах и праздниках, в выступлениях местных коллективов, в т.ч. ансамбля песни и пляски «Кубанская пионерия». Одной из солисток «Кубанской пионерии» была ныне всемирно известная оперная певица А. Нетребко.

Значительного размаха достигло бардовское движение. Песни Б. Бондарева, В. Ушканова, Р. Шмакова, Э. Гончарова и др. пели в походах, на фестивалях, тиражировали в «магнитиздате»²⁰.

Заметно повысилась выставочную активность кубанские художники. Их произведения экспонировались на всероссийском и всесоюзном уровнях. В крае широко практиковались передвижные выставки, на которых оригиналы работ современных художников соседствовали с репродукциями знаменитых полотен. Такие экспозиции устраивали в колхозах, на промышленных предприятиях, на стройках, даже на морских судах.

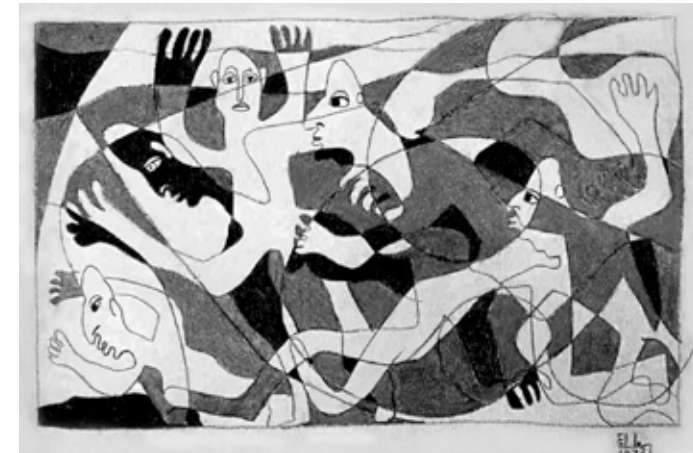
²⁰ Исаченко С.В. Бардовское движение в Краснодарском крае в середине 1960-х – середине 1980-х: основные тенденции развития // Культурная жизнь Юга России. 2009. №3. С. 107–109.

В центре творчества живописцев и графиков была Кубань, её природа и люди. Образы из сельской действительности запечатлевали Н. Евса, А. Калугин, П. Кальягин и др. В жанре натюрморта успешно проявила себя Р. Солюянова, её работы («Ромашки», «Кубанский стол» и др.) источали радость жизни. Г. Булгаков в 1957 г. написал историческое полотно «Колумб Российский»: в центре композиции – русский первопроходец купец Шелихов и его сподвижники, устанавливающие пограничный столб на Тихом океане.

В 1960-е – 1970-е гг. краевая организация художников пополнилась именами В. Мордовина, В. Сидорова, В. Мурашко, А. Куземки, В. Монастырного, М. Скворцова, В. Солодовника и др. Активные творческие поиски вели члены местного молодёжного объединения Союза художников.

Чиновников и правление краевого отделения ССХ, судя по содержанию текущей документации, настораживали яркие проявления творческой индивидуальности. Это квалифицировалось как «путь к модернизму», «неверное понимание свободы в искусстве, разнузданность, своевольные мысли и чувства». Не приветствовалась продажа работ иностранцам, которые стали активно посещать край, особенно Сочи²¹.

Оказываемое со стороны властей сопротивление организационной самостоятельности художников испытали на себе сторонники авангардных направлений в искусстве, создавшие в середине 1970-х гг. в Краснодаре неформальное объединение «Контакт»²².

Е. Цей «В стиле Пикассо. Лист №27» (Евгений Цей. Живопись, графика. Майкоп, 2006. С. 159)

²¹ См.: Ушенко И.В. Региональные художественные объединения в эпоху «оттепели» // Интеллигенция России и Запада в XX–XXI вв.: выбор и реализация путей общественного развития: Материалы науч. конф., 28–30 мая 2004 г. Екатеринбург, 2004. С. 236–237.

²² Исаченко С.В. Неофициальное изобразительное искусство Краснодара в 1970-е – первой половине 1980-х годов // Культурная жизнь Юга России. 2010. №3. С. 5–7.

Ярким представителем неофициального искусства на Кубани был выпускник Краснодарского художественного училища Е. Цей. Его абстракционистские и социально-критического характера полотна не вписывались в официально заданные темы и стили²³.

На краснодарском заводе «Чайка» изготавливались уникальные художественные изделия из фарфора, среди которых наиболее известны сервизы Л. Павловой.

Художники участвовали в оформлении интерьеров и фасадов новых зданий. Хорошо известны монументально-декоративная роспись в технике мозаики Краснодарского Дома книги, выполненная В. Папко, рельефы интерьера этого же здания, многочисленные мемориальные знаки (Л.В. Собинову, А.И. Покрышкину и др.) А. Аполлонова, декоративные настенные панно из керамики С. Демкиной.

Значительные работы создал скульптор И. Шмагун (скульптурно-архитектурная композиция «Аврора», памятник «Жертвам фашизма» в Первомайской (ныне Чистяковской) роще Краснодара, «Непокорённые», «Воинам-защитникам» в Новороссийске и др.). Среди скульптур В. Жданова – бюсты знаменитых кубанцев: космонавтов, академиков П.П. Лукьяненко и В.С. Пустовойта, девяти погибших сыновей Е.Ф. Степановой.

Из культурных инициатив последнего советского тридцатилетия некоторые навсегда остались в прошлом или существенно трансформировались, но многие оказались востребованными и получили продолжение в культурной жизни постсоветской Кубани.

7.2. Приподнимаемая «железная занавес»: международные контакты учёных Кубани¹

В сферу внимания исследователей международных научных связей советских учёных, как правило, попадали ведущие академические учреждения, крупнейшие представители советской науки. О вовлечённости в подобные проекты учёных, живших и работавших в регионах СССР, известно значительно меньше. В настоящей статье данная проблематика рассмотрена на материалах Краснодарского края.

Отдельные аспекты истории международных контактов учёных Кубани затрагивались в трудах Д.Г. Песчаного, Э.Г. Вартаньян, И.Я. Куценко и др. В биографиях кубанских академиков В.С. Пустовойта, П.П. Лукьяненко, М.И. Хаджинова в большей или меньшей степени отражены международные аспекты их научной и общественной деятельности. Есть глава о международных связях и в документальной повести Ф.П. Плоскова «Академик Лукьяненко» (М., 1973). Разделы, посвящённые международному сотрудничеству, присутствуют в юбилейных изданиях кубанских вузов. Однако обобщающих работ по обозначенной теме ещё не создано.

Источниками для написания данного очерка послужили партийные и государственные документы, регламентирующие научные обмены, отчёты кубанских научно-исследовательских институтов и вузов по международному сотрудничеству, научно-исследовательской работе; деловая переписка учреждений и отдельных учёных с зарубежными партнёрами; документы Краснодарского крайкома и горкома КПСС, касающиеся приёма иностранных делегаций; материалы справочных изданий вузов и НИИ; данные устной истории; фотодокументы и источники личного происхождения, хранящиеся в центральных и региональных архивах, в музеях научно-исследовательских учреждений Краснодарского края, семейных архивах учёных и их наследников.

Международные контакты учёных в советское время осуществлялись по линии различных ведомств – Академии наук СССР, Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина (ВАСХНИЛ), Академии медицинских наук, Академии

²³ См.: Бондаренко Л. Евгений Цей. Опыт творческой характеристики // Наследие XX века. Опыт переосмысления: сб. сообщ. науч.-практ. конф. Вып. 2. Краснодар, 1995. С. 38–44.

¹ Данный очерк представляет собою дополненный вариант ранее опубликованной статьи (Еремеева А.Н. Международное сотрудничество учёных Кубани в 1920-е – 1980-е годы: основные этапы и тенденции развития // Культурная жизнь Юга России. 2011. №4. С. 104–107).

педагогических наук, отраслевых министерств. Этим обусловлено отсутствие сводных количественных данных, необходимых для реконструкции динамики процесса.

Регулярные международные контакты кубанских учёных ведут начало со времени появления в крае крупных научно-исследовательских структур – в 1920-е годы. Поездки учёных за границу и приглашение иностранных учёных в то время расценивались не только с точки зрения практической пользы, но и как важное средство укрепления престижа советского государства. В докладной записке об обследовании научно-исследовательских и опытных учреждений Краснодара краевой рабоче-крестьянской инспекцией (РКИ) за 1929 год в разделе «Связь с заграницей» отмечено следующее:

Учреждения, находящиеся в ведении ВСНХ, Промышленный Институт и в особенности Институт Табаководения изучает заграничные достижения в условиях района его обслуживания (турецкие и греческие табаки в Крыму), командировывает своих сотрудников за границу для изучения там отдельных вопросов, связанных с работой учреждения, а также на научные конгрессы (поездка проф. Шмука от Института Табаководения в 1927 г. в Америку на конгресс по почвоведению). Сотрудники этих учреждений состоят членами Международных Научных Обществ. Большую связь с заграницей имеет КСХИ, который ежегодно командировывает своих работников для изучения тех или иных вопросов за границей. Кроме всего этого, все эти учреждения обмениваются своими изданиями с заграничными научными учреждениями. Иначе обстоит дело с учреждениями, находящимися в ведении Наркомзема. Эти учреждения в лучшем случае только получают семена из-за границы («Круглик»), а в худшем не только не изучают достижений за границей, но и не имеют возможности осведомляться о них из-за незнания иностранных языков сотрудниками (Опытная станция)².

В фондах Всесоюзного научно-исследовательского института табака и махорки (ВИТИМ) имеются подробные отчёты учёных о заграничных командировках: заведующего селекционным отделом А.И. Паламарчука – в Турцию и Грецию для получения семян табака (1928), директора института, крупнейшего специалиста в области агрохимии А.А. Шмука (будущего академика ВАСХНИЛ) – на упоминавшийся в отчёте РКИ международный конгресс по почвоведению в США³.

А.А. Шмук был одним из наиболее востребованных адресатов зарубежных коллег. Заведующий отделом знаменитой американской компании по производству сельскохозяйственных машин «Дир энд Кампани» (Deere & Company) У. Тэйлор интересовался его мнением о своей книге, посвящённой современным способам возделывания почв⁴. В письме от 12 марта 1929 года, присланном из столицы Японии, сотрудники Императорской сельскохозяйственной опытной станции просили Шмука прислать его статьи, опубликованные в «Трудах Кубанского сельскохозяйственного института» за 1925 (№3) и 1926 (№4) годы⁵. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей информировало о поступившей к ним просьбе директора Научного музея

в Лондоне: прислать для библиотеки музея работы Шмука, в том числе изданную в Краснодаре монографию «Очерк химического состава табака и методов его химического исследования»⁶. Содержание писем, направлявшихся в Институт и лично А.А. Шмуку, свидетельствует о постоянном обмене научными публикациями с ведущими зарубежными центрами почвоведения и табаководства. Знакомство кубанских аграриев с работами (в том числе и новейшими) зарубежных коллег подтверждают многочисленные ссылки в сборниках вузов и научно-исследовательских учреждений.

Как свидетельствуют списки публикаций, кубанские учёные, даже начинающие, печатались в 1920-е годы в иностранных научных журналах. В семейном архиве Д.Г. Расходова и М.И. Серовой сохранился оттиск статьи молодой сотрудницы лаборатории общей зоотехники Кубанского сельскохозяйственного института (КСХИ) В.Н. Расходовой – работа была опубликована в журнале по зоотехнике «Zeitschrift für Züchtung Tierzüchtung und Züchtungsbiologie einschließlich Tierernährung» (Берлин). На обложке оттиска указано имя научного руководителя В.Н. Расходовой – А.А. Малигонова, одного из основателей КСХИ, крупнейшего специалиста в области зоотехники, впоследствии незаконно репрессированного.

Заведующий кафедрой физиологии Краснодарского мединститута А.И. Смирнов в 1926 году прошёл трёхмесячную стажировку в Германии за счёт Главнауки⁷. Известный офтальмолог С.В. Очаповский четыре месяца 1930 года провёл в Чехословакии, Германии, Австрии, где закупал оборудование, проводил операции, делился опытом с коллегами⁸.

Во исполнение постановлений СНК СССР от 2 августа 1925 года «О мерах пополнения советской промышленности высококвалифицированными специалистами» и от 15 февраля 1927 года «О привлечении специалистов из заграницы» в СССР было приглашено множество специалистов из стран Европы и США. В начале 1930-х годов в Институте табака и махорки работали инженеры-механики из Германии.

Свёртывание международных научных связей было вызвано рядом причин (общий курс политического руководства на изоляцию «социалистической» науки от «буржуазной», шпиономания, «невозвращенчество» и др.). Практически не коснулось Кубани кратковременное оживление международных научных контактов с учёными стран-союзников СССР по антигитлеровской коалиции в период Великой Отечественной войны (вплоть до 1947 г.).

Директор Сочинской опытной станции субтропических и южных плодовых культур в газетной публикации утверждал, что станция «поддерживает научную связь с родственными научными учреждениями союзных стран – Англии и США»⁹, однако в ежегодных отчётах о научно-исследовательской работе это не отразилось. Зато сохранился отчёт научного сотрудника станции А. Александрова о научной

² ГАКК. Ф. Р-226. Оп. 1. Д. 502. Л. 61.

³ ГАКК. Ф. Р-380. Оп. 2. Д. 31.

⁴ Там же. Оп. 9. Д. 23. Л. 45.

⁵ Там же. Л. 139.

⁶ Там же. Л. 43.

⁷ ГАКК. Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 1123. Л. 73.

⁸ Стругова М.Р. Из дневников профессора С. В. Очаповского // История регионального научного сообщества: пробл. изучения. Краснодар, 2007. С. 130.

⁹ Вильчинский Н. Полвека большой научной работы // Большевик (Краснодар). 1944. 21 окт. С. 2.

экспедиции 1945 года в Иран (часть которого в то время была занята советскими войсками) с целью изучения различных сортов чая, винограда, садовых культур.

С началом холодной войны разгромные «дискуссии», направленные против «преклонения перед буржуазной наукой», сделали невозможным диалог советских и зарубежных специалистов. В июле 1947 года были закрыты академические журналы, издававшиеся на иностранных языках; в 1947–1955 годах в научных и научно-технических журналах не печатались даже резюме на английском языке.

Параллельно «замораживанию» контактов со странами Запада усилился курс на поддержку аналогичных связей с государствами народной демократии: совместные конференции, командировки учёных, стажировки, обмен опытом. По мнению историка И.В. Казариной, наиболее интенсивными они были в таких отраслях науки, как медицина и сельское хозяйство¹⁰.

В конце 1940-х годов в Краснодарском институте пищевой промышленности появились болгарские и югославские студенты и аспиранты. Их проживание в общежитии, питание, обеспечение учебной литературой проходило в документах института отдельной строкой – необходимо было сделать образ страны Советов привлекательным для будущих агрономов, инженеров, учёных дружественных стран¹¹.

Смена политического руководства способствовала оживлению международных научных контактов. Вышло постановление Совета Министров и Президиума ЦК КПСС «Об улучшении работы по научно-техническому сотрудничеству между СССР и народно-демократическими странами» (авг. 1953 г.), в 1954–1955 годах советские учёные вступили в ряд международных ассоциаций, выделялись валютные средства для приглашения в СССР зарубежных учёных¹². Разнообразные, в том числе и научно-технические, контакты интенсифицировались после визита Н.С. Хрущёва и Н.А. Булганина в Индию, Бирму и Афганистан осенью 1955 года. Однако вслед за секретным постановлением Совмина №1616-899с «Об упорядочении командировок советских специалистов за границу для изучения достижений зарубежной науки и техники и об улучшении использования министерствами и ведомствами СССР материалов этих командировок» (5 сент. 1955 г.) появились инструкции, регламентирующие порядок: оформления заграничных командировок и отчётности о них; приглашения и приёма зарубежных учёных; публикации работ советских учёных в зарубежных журналах; переписки с зарубежными коллегами¹³.

С 1956 года начались регулярные стажировки американских учёных в СССР и советских – в США. Подписанный в 1958-м документ о культурном обмене между двумя странами получил неофициальное название «Соглашение Лэйси – Зарубина».

Как и коллег из других регионов, кубанских учёных направляли за рубеж для оказания теоретической и практической помощи. Заведующий кафедрой растениеводства КСХИ Н.И. Володарский в 1957–1958 годах был советником по сельскохо-

зяйственному образованию Пекинской сельскохозяйственной академии¹⁴. Известный рисовод, впоследствии доктор сельскохозяйственных наук профессор КСХИ Н.Б. Натальин во второй половине 1950-х – начале 1960-х работал экспертом в Бирме, Индии, Индонезии¹⁵. Его докторская диссертация посвящена возделываемым растениям Бирмы. В качестве консультантов и лекторов в Китае работали известные кубанские учёные-аграрии П.С. Ерыгин и А.П. Джулай¹⁶. Докторская диссертация П.С. Ерыгина «Физиологические основы орошения риса» была издана на китайском (в 1956 и 1958 гг.) и на вьетнамском (1965) языках.

В числе первых прямые научные связи были установлены в 1955 году между ВИТИМом и болгарской государственной опытной станцией табака села Жебел; Краснодарским НИИ сельского хозяйства (КНИИСХ) и Добруджанским НИИ пшеницы и подсолнечника г. Генерал Тошево (ДНИИПП); ДНИИПП и Всесоюзным НИИ масличных и эфиромасличных культур (ВНИИМК) г. Краснодара¹⁷.

Краснодарский филиал ВНИИнефть отправлял техническую документацию с описанием методик нефтедобычи в Польшу и Румынию. Краснодарский НИИ пищевой промышленности с 1957 года контролировал качество консервов, вырабатываемых в «странах народной демократии»¹⁸.

Правилами, регламентирующими зарубежные контакты, предусматривалось, что коллективы, состоящие в переписке с разными городами капстран, должны информировать об этом партийные органы (это целиком распространялось на деловую переписку учёных). Пока персональное приглашение на международную конференцию проходило множественную «экспертизу», сам учёный не имел права дать какой-либо определённый ответ¹⁹.

Научные учреждения (кроме так называемых секретных), как и многие другие объекты Кубани, стали доступными для посещения зарубежными специалистами из социалистических, капиталистических и развивающихся стран со второй половины 1950-х годов. Секретным протоколом бюро Краснодарского крайкома КПСС (4 апр. 1961 г.) был утверждён список промышленных предприятий, колхозов и совхозов, научных и культурно-бытовых учреждений и учебных заведений для посещения иностранными туристами и делегациями²⁰. Программы пребывания иностранных делегаций и отдельных гостей утверждались на уровне заместителя председателя крайисполкома. Прописывались сроки, цель, источники финансирования поездки, время прибытия, встречающие и сопровождающие лица, размещение в гостинице, питание, основные пункты посещения.

Иностранные визитёры бывали в научных учреждениях Кубани, приезжая на научные форумы, в составе делегаций по обмену опытом, в рамках частных визитов. В 1972 году КНИИСХ сообщал крайкому КПСС о приёме 44 делегаций: 28 из социалистических

¹⁴ Учёные табачной отрасли (к 90-летию Всерос. науч.-иссл. ин-та табака, махорки и табачн. изд.). Краснодар, 2004. С. 23.

¹⁵ ГАКК. Ф. Р-1755. Оп. 2. Д. 293, 298.

¹⁶ Шейджен А.Х., Галкин Г.А. Учёные-рисоводы Кубани. Краснодар, 1998. С. 15, 22.

¹⁷ Вартаньян Э.Г. Аграрная наука Болгарии: Ист. и современность. Краснодар, 2002. С. 312.

¹⁸ Песчаный Д.Г. Страницы великой дружбы: Об экономич. и культ. связях Краснодарского края со странами народной демократии. Краснодар, 1964. С. 19–20.

¹⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 22. Л. 62.

²⁰ ГАКК. Ф. Р-1640. Оп. 2. Д. 117. Л. 10.

¹⁰ Казарина И.В. Влияние СССР на развитие науки в социалистических странах в 1952–1953 гг. // За «железным занавесом»: мифы и реалии сов. науки. СПб., 2002. С. 409.

¹¹ Еремеева А.Н. Кубанский студент 1940-х годов: штрихи к портрету // Вопросы регионоведения. Краснодар, 2002. Вып. 1. С. 49.

¹² Прокуменчиков М.Ю. ЦК КПСС и советская наука на рубеже эпох (1952–1953) // За «железным занавесом» ... С. 404.

¹³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 22. Л. 40–61.

стран (в том числе 5 – из Югославии), 11 – из капиталистических; за 1973–1977 годы институт посетили 193 зарубежные делегации общей численностью 1197 чел.²¹ Иностранцам показывали опытные поля, колхозы и совхозы. В отчёте отмечалось:

*Встречи с учёными и специалистами других стран представляют для наших учёных большую ценность, т. к. позволяют получать свежую информацию о развитии научных исследований, их результатах и методике исследовательской работы из первых рук, дают возможность обмениваться материалами, изучать сорта, гибриды и линии в самых разных условиях. Встречи с селекционерами из Болгарии, Венгрии, Румынии, Польши позволили получить сведения о поведении, продуктивности и других показателях сортов пшеницы Аврора, Кавказ в этих странах в условиях 1972 г.*²²

Последнее было очень важным: разработки кубанских селекционеров широко внедрялись за рубежом, особенно в странах социализма. Например, на созданный П.П. Лукьяненко высококачественный и высокоурожайный сорт «Безостая 1» приходилось до 60–80% всех посевов озимой пшеницы в Болгарии. Широкое распространение в этой стране в 1950-е – 1960-е годы имели советские сорта и гибриды кукурузы «ВИР-42», «ВИР-25», «ВИР-42 МВ», «Краснодарская-5», созданные М.И. Хаджиновым, Г.С. Галеевым и др. Подсолнечник селекции В.С. Пустовойта, по данным за 1974 год, высевался на площадях ок. 1 млн га в Болгарии, Румынии, Югославии и ряде других стран; выведенный им сорт «Первенец» использовали в Западной Европе и США.

В столице Кубани проводились крупные научные форумы. В 1967 году под руководством академика П.П. Лукьяненко состоялся представительный советско-шведский симпозиум по селекции самоопыляющихся культур. В августе–сентябре 1977 года на базе КНИИСХ были организованы два больших международных совещания: заседание секции кукурузы и сорго Европейской ассоциации селекционеров ЕУКАРПИЯ (EUCARPIA) и симпозиум по хранению зерна. На Кубань приезжали ведущие учёные-аграрии, в частности известный селекционер Н. Борлоут – руководитель Международного центра по улучшению кукурузы и пшеницы (Мехико), лауреат Нобелевской премии мира (1970), зарубежный член ВАСХНИЛ профессор Д. Александер (Иллинойский ун-т) и др.

Специалисты в области аграрной науки (численно преобладавшие в регионе), особенно селекционеры, были наиболее инкорпорированы в мировое научное сообщество. Они в большинстве своём были «выездными»: могли после прохождения многочисленных формальных процедур принимать участие в международных форумах, посещать зарубежные страны в составе делегаций по обмену опытом. Поездки оплачивались государством (научные командировки) либо самим учёным (научный туризм – стоимость 10-дневного тура в информационных письмах ВАСХНИЛ указывалась в размере 350 руб.; сами же учёные, выезжавшие по линии научного туризма, вспоминают, что поездки в капстраны стоили от 450 до 1000 руб.).

Многие кубанские аграрии имели солидный список зарубежных командировок. Так, директор Северо-Кавказского зонального НИИ садоводства и виноградарства

1. Академик АН СССР и ВАСХНИЛ П.П. Лукьяненко и профессор Джонсон (США) на полях КНИИСХ (1972) (из фондов музея П.П. Лукьяненко, КНИИСХ)
2. Академик ВАСХНИЛ М.И. Хаджинов принимает делегацию во главе с профессором Д. Александером (США) в КНИИСХе (из фондов музея П.П. Лукьяненко, КНИИСХ)

²¹ Там же. Оп. 2 (пр). Д. 730. Л. 92.

²² Там же. Д. 593. Л. 3.

(СКЗНИИСиВ) А.К. Приймак в составе официальных делегаций советских учёных и общественных деятелей ездила во Францию, КНДР, Польшу, Бельгию, Болгарию, Чехословакию, Италию, США (чему во многом способствовал общественный статус самой известной женщины-учёной в крае). В представительных зарубежных форумах принимали участие П.П. Лукьяненко, М.И. Хаджинов, В.С. Пустовойт. Неоднократно представлял советскую науку на международных конференциях в США, Канаде, странах социалистического блока крупнейший специалист по субтропическим растениям В.В. Воронцов.

На XVII Международном конгрессе по садоводству в США (авг. 1966 г.) выступил на английском языке с докладом «Изучение подвоев плодовых деревьев на Северном Кавказе» известный специалист в области промышленного интенсивного садоводства Г.В. Трусевич (СКЗНИИСиВ). Вернувшись с конгресса, он рассказывал на Краснодарском краевом совещании бригадиров садовых совхозов о мировых тенденциях в этой агротехнической области²³ и в дальнейшем выступал в пользу выращивания на Кубани таких сортов яблок, как айдоред, голден-делишес, старкримзон²⁴.

Крупные учёные-аграрии края были хорошо известны за рубежом, входили в редколлегии престижных международных журналов. Постоянными членами ЕУКАРПИЯ состояли П.П. Лукьяненко, В.С. Пустовойт, М.И. Хаджинов (председатель секции кукурузы в 1977–1979 гг.); Г.С. Галеев в этот же период возглавлял Южный комитет секции кукурузы. Кубанцы были удостоены многих иностранных правительственных наград и почётных званий. Например, П.П. Лукьяненко – почётный член Венгерской академии наук, иностранный член Академии сельскохозяйственных наук Болгарии, почётный доктор Академии сельскохозяйственных наук ГДР, иностранный член Королевской академии сельского хозяйства и лесоводства Швеции, награждён орденами и медалями зарубежных стран.

Научные стажировки за рубежом для кубанцев, как и для большинства провинциальных учёных, были достаточно редкими. В конце 1960-х – 1970-е среди стажировавшихся – научные сотрудники КНИИСХ: заведующий лабораторией селекции высоколизиновой кукурузы К.И. Зима (в США), специалист по селекции гибридов мягкой пшеницы В.Б. Тимофеев (в Канаде), заведующий лабораторией селекции ячменя В.М. Шевцов (в Швеции).

К.И. Зима, побывавший в 1968–1969 годах на кафедре генетики престижного университета Урбана-Шампейн (Иллинойс), вспоминал, что американская стажировка имела большое значение (после многолетнего запрета генетики в СССР наблюдалась заметная отставание от ведущих стран Запада)²⁵. Убедённый сторонник генетики (в прошлом сотрудник Н.И. Вавилова) академик М.И. Хаджинов, проводивший опыты в области селекции кукурузы на качество белка, с энтузиазмом принял предложение американского коллеги Д. Александера и содействовал поездке своего ученика К.И. Зимы. Стажировка В.Б. Тимофеева стала возможной в результате сотрудни-

Пропуск директора Северо-Кавказского зонального НИИ садоводства и виноградарства А.К. Приймак на 16 международный садоводческий конгресс в Брюсселе, 1962 г. (из фондов ГАКК)

Письма В.Б. Тимофеева из Канады академику П.П. Лукьяненко (из фондов музея П.П. Лукьяненко, КНИИСХ)

чества академика П.П. Лукьяненко и канадского профессора Л. Шебецки (сохранились фотографии их совместных посещений опытных полей КНИИСХ; учёные встречались и в Канаде). Многочисленные письма, которые посылал В.Б. Тимофеев на родину из Канады, – с подробным описанием опытов, оборудования, материалов – свидетельствуют о большом интересе к зарубежной практике селекции пшеницы.

«После шведской стажировки В.И. Шевцова значительно ускорилось создание высокоурожайных сортов ячменя», – читаем в отчёте КНИИСХ, где количество зарубежных командировок и стажировок признано недостаточным²⁶. По мнению руководства института, не только селекционеры, но и представители таких специальностей, как защита растений, земледелие, механизация и экономика нуждались в изучении зарубежного опыта²⁷.

Одной из форм международного сотрудничества учёных являлись совместные экспедиции. Южное отделение института океанологии им. П.П. Ширшова АН СССР (Геленджик) выполняло исследования по литодинамическим программам в 11 международных экспедициях (у берегов Болгарии, Кубы, Ливии, Польши). Лаборатория геологии южных морей участвовала в разработке планов глубоководного бурения на американском буровом судне «Г. Челленджер» (Чёрное и Средиземное моря), вела анализ и обобщение полученных результатов. В США были опубликованы работы ведущих сотрудников лаборатории Я.П. Маловицкого и К.М. Шимкуса²⁸.

О вовлечённости вузовских учёных в международное сотрудничество следует отметить, что на протяжении сорока послевоенных лет были приоритетны вузовские

²³ Архив СКЗНИИСиВ. Отчёт по научно-исследовательской работе Северо-Кавказского зонального НИИ садоводства и виноградарства за 1966 г. С. 13.

²⁴ Из интервью с докт. с.-х. наук К.А. Сергучихиной (22 мая 2008 г.).

²⁵ Из интервью с канд. биол. наук К.И. Зимой (5 июня 2008 г.).

²⁶ ГАКК. Ф. Р-1640. Оп. 2 (пр). Д. 694. Л. 4.

²⁷ Там же. Д. 730. Л. 40.

²⁸ Овчинников И.М. Южное отделение института океанологии им. П. П. Ширшова Академии наук СССР, 1949–1989 гг. (осн. результаты научн. иссл.). Геленджик, 1989. С. 25, 28, 43, 44.

образовательные обмены со странами социалистического лагеря. Существовавшая с конца 1950-х годов практика двусторонних соглашений между вузами касалась долгосрочного обучения, стажировки преподавателей, производственной практики студентов²⁹. В нашем распоряжении имеется датированный 1965 годом документ, который был принят Министерством высшего и среднего образования СССР, а затем и аналогичными министерствами союзных республик. Они разослали по техническим вузам страны постановление «О плане подбора кандидатов для выезда в капиталистические страны на научную стажировку на 1966–67, 1967–68 учебные годы», согласно которому: каждый из кандидатов (лица не старше 34; в США и ФРГ – не старше 40 лет) должен владеть одним из иностранных языков, иметь опыт самостоятельной научной работы, «быть способным глубоко изучать опыт зарубежной науки и техники и разработать предложения по его использованию в нашей стране». Устанавливался контроль за подготовкой отобранных кандидатов. Она включала в себя ознакомление с состоянием научно-технических проблем (в СССР и стране командировки), языковую подготовку на кафедре иностранных языков (10–12 час. в нед.), «самостоятельную работу кандидатов по общественно-политической подготовке»³⁰. На Краснодарский политехнический институт (КПИ) выделялись в среднем по две вакансии на год для стажировки в США, Исландии, Греции, Японии (практика стажировок в капиталистических странах имела место и в дальнейшем, но число посланных из регионов было незначительным; наиболее реальные шансы имели ведущие университетские преподаватели иностранных языков).

Важно подчеркнуть, что открытая состязательность на конкурсной основе была невозможна, личная инициатива преподавателей не поощрялась: выдвижением кадров для стажировки всегда ведали партийное руководство и администрация вузов. Вот выписка из отчёта по международному сотрудничеству Кубанского государственного университета за 1972 год:

В связи с отсутствием заблаговременной информации о проводимых симпозиумах, конференциях и съездах учёных за рубежом учёные КГУ в их работах в 1972 г. участия не принимали.

Полученное личное приглашение проф. Лопатыным принять участие в работе международного конгресса химиков в Токио поступило поздно, в результате чего выездное дело было оформлено в неустановленные сроки. По этой же причине не принял участие в работе съезда математиков профессор Митюк и в работе международного конгресса юристов доцент Аджаров³¹.

В монографии историка науки Северного Кавказа М.Д. Розина представлена статистика участия учёных региона в зарубежных конференциях. В 1971–1975 годах

²⁹ В 1975 г. были заключены долгосрочные договоры об учебном и научном сотрудничестве КПИ с Высшим институтом пищевой промышленности в Пловдиве (Болгария), с рядом алжирских вузов. В 1970–1980-е осуществлялся обмен студенческими группами между Высшим сельскохозяйственным институтом им. В. Коларова (г. Пловдив, Болгария), Высшей школой земледелия (г. Брно, Чехо-Словакия), сельскохозяйственной академией (г. Люблин, Польша), институтом им. В. Пика (г. Ростов, ГДР) и КСХИ. Группы в составе восьми–девяти студентов и двух преподавателей выезжали за рубеж для ознакомительной и производственной практики. Это был обмен на так называемой безвалютной основе. Преподаватели КСХИ выезжали на трёхнедельные и месячные стажировки в эти же вузы.

³⁰ ГАКК. Ф. Р-68. Оп. 3. Д. 236. Л. 69.

³¹ Там же. Л. 69. 31

150 специалистов сектора, подведомственного Северо-Кавказскому научному центру высшей школы (более 40 учреждений, среди которых 6 университетов, филиалы факультетов и отделений вузов), выступали на 57 международных конгрессах и конференциях³². Однако в целом для работников высшей школы научные контакты с зарубежными коллегами были скорее исключением, чем правилом. Лишь в том случае, если научные интересы учёного (или целой кафедры) были связаны с какой-то зарубежной страной, особенно социалистической, тесные связи становились возможными. Школа болгаристики на историческом факультете Кубанского университета – яркое тому подтверждение³³.

Загранпоездка была сопряжена с немалыми бюрократическими сложностями. Могли возникнуть препятствия на уровне администрации института, партийного руководства края, центральных министерств и ведомств. Опрошенные мною респонденты подчёркивали тот факт, что провинциальных учёных столичные чиновники нередко вычёркивали из списков, чтобы места делегатов на различные форумы достались чьим-то родственникам, знакомым, просто «нужным людям». Отвергнутых кандидатов о причинах отказа, как правило, не информировали.

Независимо от статуса учёного необходима была положительная резолюция крайкома КПСС. В музее П.П. Лукьяненко сохранилось письмо из ВАСХНИЛ (1965). Учёный секретарь президиума Академии оповещал академика ВАСХНИЛ и АН СССР Лукьяненко о том, что его доклад для Европейского конгресса селекционеров уже «направлен в Главлит и дан для перевода на английский язык» (Главлит был обязательной цензурной инстанцией. – А. Е.), и выражал тревогу по поводу того, что «до сего времени не прислали согласие крайкома КПСС на командировку»³⁴. Академик ВАСХНИЛ М.И. Хаджинов обращался к первому секретарю Краснодарского крайкома КПСС С.Ф. Медунову, пытаясь помочь своему коллеге К.И. Зиме, который не мог выехать на симпозиум в Великобританию из-за несогласия крайкома³⁵. Несколько перспективных стажировок не состоялось из-за претензий крайкома к кандидатуре учёного.

Итак, контакты учёных с зарубежными коллегами на всём протяжении советской истории были детерминированы особенностями политической ситуации, экономическими и идеологическими приоритетами государства. Интенсивность поездок за границу и обмена делегациями зависела от статуса научных учреждений (вузов) и их местонахождения. В целом слабая включённость провинциальной науки в систему международных научных контактов обуславливалась «остаточным принципом».

Дисциплинарно-отраслевой фокус международных конференций, в которых участвовали кубанские специалисты, форумов, проводившихся на Кубани, как и заграничных стажировок сосредоточивался в рамках аграрной тематики, что соответствовало статусу и уровню развития науки во «всероссийской житнице».

³² Розин М.Д. Научный комплекс Северного Кавказа. Ростов н/Д, 2000. С. 143.

³³ Вартаньян Э.Г. Научные связи историков-славистов Кубани и Болгарии (1970-е – 2008 г.) // История научной интеллигенции Юга России: межрегиональн. и междунар. аспекты. Краснодар, 2008. С. 122–130.

³⁴ Кабинет-музей П.П. Лукьяненко (КНИИСХ). Док. №603-3-26-79.

³⁵ Письмо академика ВАСХНИЛ Михаила Ивановича Хаджинова первому секретарю Краснодарского крайкома КПСС Сергею Фёдоровичу Медунову // История научной интеллигенции Юга России ... С. 259–261.

7.3. Пропаганда советских достижений в освоении космоса: как это было в Краснодарском крае¹

Успех Спутника-1, полёты Юрия Гагарина и других космонавтов были восприняты советскими людьми с гордостью и энтузиазмом. В советском пантеоне героев появились новые персонажи – покорители космоса. Пропаганда советских космических успехов стала важной частью государственной идеологии.

Как известно, в Краснодарском крае нет и не было космодромов и крупных конструкторских бюро космического профиля. Однако множество учёных, инженеров, рабочих в советское время было вовлечено в реализацию космических программ. Здесь в конце 1920-х гг. создавал главный труд своей жизни Юрий Кондратюк (настоящие имя и фамилия – Александр Шаргей). Кубанские учёные в обстановке секретности проектировали глобальные системы управления и связи, широко использовавшиеся в космической индустрии, в создании тележки лунохода. На краснодарском заводе «Сатурн» было налажено производство солнечных батарей для ракетно-космической техники. Гистологи медицинского института изучали воздействие длительных космических полётов на органы пищеварения грызунов².

Уроженцы Краснодарского края – знаменитый лётчик-испытатель Григорий Бахчиванджи, «первый химик космонавтики» Николай Чернышёв, Дмитрий Козлов, руководивший созданием первых ракетно-космических комплексов, аппаратов для картографирования Земли. С краем тесно связаны биографии шести космонавтов. Сюда переселялись многие ветераны космодромов Байконур и Плесецк. В течение последних сорока лет регион является одним из ведущих центров пропаганды космического наследия.

Важнейшей предпосылкой формирования в общественном сознании космического энтузиазма является распространение позитивной информации об истории,

¹ В основе очерка – доклад автора на международной конференции «Cosmic Enthusiasm: The cultural impact of space exploration on the Soviet Union and Eastern Europe since the 1950-s» (22–24 января, 2009. Базель, Швейцария). Англоязычная версия доклада опубликована: Ereemeeva A. The regional dimension of space propaganda // Soviet Space Culture. Cosmic Enthusiasm in Socialist Societies Edited by Eva Maurer, Julia Richers, Monica Rütters and Carmen Scheide. Palgrave Macmillan, 2011 / P. 139–150.

² См. Еремеева А.Н. Развитие биомедицинских космических исследований на Кубани в 1970-е годы / Научная жизнь и научное сообщество Кубани в XX веке: очерки истории. Краснодар, 2006. С. 58–62.

современном состоянии и перспективах космических исследований. Официальный пропагандистский дискурс выстраивался таким образом, чтобы убедить широкие слои населения в необходимости реализации отечественных космических программ, их способности улучшить жизнь всех и каждого в отдельности, их важности для авторитета «первого в мире социалистического государства». В космической пропаганде использовались всевозможные средства массовой коммуникации – радио, телевидение, кинематограф (документальный и художественный), литература, музыка, изобразительное искусство. Образы исследователей космоса запечатлевались на почтовых марках, монетах, медалях, в памятниках, музейных экспозициях; их имена присваивались населённым пунктам, улицам, пионерским лагерям, школам...

Официальная пропаганда существенно дополнялась активной и безвозмездной деятельностью энтузиастов, главным образом интеллигенции, в том числе ветеранов космической отрасли, учителей, учёных.

Жители регионов СССР получали разнообразную информацию об исследовании космоса как из общесоюзных/общереспубликанских, так и из местных медиаресурсов. Информационный поток включал официальные сообщения и комментарии по поводу полётов, поздравления в связи с Днём космонавтики; научно-популярные статьи и программы; интервью с космонавтами, их родственниками, специалистами в области космических исследований; биографии «героев космоса»; объявления о выставках, новых музейных экспозициях, фильмах, книгах о покорении космоса, встречах с космонавтами; стихотворения, рассказы, песни...

Анализ материалов средств массовой информации Краснодарского края приводит к выводу о том, что региональная пропаганда космических достижений была достаточно широко представлена уже после запуска Спутника-1. В газетах печатались сводки фотографической станции наблюдения за спутниками, которую обслуживали преподаватели и студенты физико-математического факультета Краснодарского педагогического института, множество статей о перспективах дальнейших разработок спутников, создавались радио-, телевикторины и передачи о космосе.

Зрелищность телепередач соответствовала скромным возможностям провинциальной студии. Вот краткое описание одной из них (14 марта 1961 г.): на фоне лунной поверхности и первого спутника возникают слова «Человек и космос», затем следует фото с цитатой из труда Циолковского, затем звучит дикторский текст: «Советские ракеты не только проникают за пределы атмосферы, они смело ведут космическую разведку, забрасывают на нужные орбиты автоматические межпланетные станции». О значении запуска спутниковых ракет рассказывал преподаватель Краснодарского педагогического института Николай Истошин, полный текст выступления которого был заранее утверждён редакцией общественно-политических программ комитета по радиовещанию и телевидению Краснодарского края. В порядке подтверждения значимости советских открытий Истошин приводил мнения западных экспертов со страниц «New York Times», «Daily Mirror», других зарубежных газет, токийского радиокomentатора. «Советские люди уверены, что наша страна,

первая на Земле построившая социалистическое общество, будет первой и в освоении межпланетного пространства», – резюмировал выступавший³.

Ссылки на высокие оценки зарубежных специалистов, как и последняя фраза (в разных вариантах) были обязательными атрибутами текстов, транслировавшихся в те годы в средствах массовой информации: ведь пропаганда отечественных космических достижений увязывалась с амбициозным лозунгом «догнать и перегнать Америку». Одним из его региональных вариантов был «Кубань вызывает Айову», символизировавший соревнование Краснодарского края и американского штата Айова. Всеобщее признание космических приоритетов СССР создавало иллюзию возможности прорыва и в других областях.

В год полёта Юрия Гагарина в Краснодаре стотысячным (!) тиражом была издана красочная стихотворная книга для детей местного поэта Виктора Подкопаева «Белка и Стрелка (Сказка-быль)» о соревновании животных за право полететь в космос⁴. «Гривастые и лысые» доктора – члены комиссии – в итоге отобрали двух собак, несколько мышей и крыс. Сам того не зная, поэт воссоздал ситуацию конкуренции, реально существовавшую, правда, не в мире животных, а в мире людей. Отбор происходил в рамках отряда космонавтов, тренировки которого перед первым полётом шли, в обстановке секретности, в окрестностях Краснодара. Помимо космонавтов достойными претендентами себя считало множество жителей различных уголков страны, в том числе и Краснодарского края, атаковавших письмами редакцию газеты «Красная звезда», президента Академии наук СССР, неведомого тогда никому «товарища главного конструктора космических кораблей» и т.д.⁵ Люди были готовы участвовать даже в заведомо рискованных программах вместо животных⁶.

Властные структуры рассматривали победы в космосе как важный инструмент формирования патриотических настроений и социального оптимизма. Вот выдержка из отчёта в ЦК КПСС о политических настроениях в Краснодарском крае (январь 1969 г.): «У трудящихся подъём патриотических чувств вызвал полёт космических кораблей Союз-4 и Союз-5. Митинги на предприятиях завершились единодушным одобрением программы космических исследований»⁷.

«Подъём патриотических чувств» был особенно важен на фоне негативного восприятия отдельных жителей региона недавнего вмешательства СССР в чехословацкие события (об этом тоже шла речь в отчёте).

В кубанских газетах космические, как и другие важные события, сопровождались «откликами с мест» под заголовками типа «Сказка стала былью», «Радостная весть», «Гордимся!»... Под ними стояли фамилии реальных людей – жителей городов и сельских районов края. Рабочие и колхозники доминировали, были представлены также мастера, инженеры, учителя, учёные, партийные работники низшего

звена. Большинство подобных откликов писали, либо «организовывали», либо существенно редактировали журналисты.

Типичный отклик с мест состоял из следующих смысловых компонентов: восхищения подвигом покорителей космоса, обещания «беспримерную победу в космосе закрепить многочисленными трудовыми победами на производстве, чтобы родина наша стала ещё могущественнее»⁸, информации о собственном производственном процессе.

Сейчас в нашем колхозе горячая пора: в разгаре сенокос, закладка сенажа, готовится травяная мука [...] С небывалым подъёмом трудятся колхозники. Победа в космосе вдохновляет их на новые трудовые достижения – писал секретарь партийного комитета колхоза имени В.И. Ленина⁹.

Сейчас механизаторы обрабатывают междурядья. [...] День ото дня растёт число стогов душистого сена у ферм. Колхозники нашего хозяйства, все труженики Кубани продолжают на земле космическую вахту отважных исследователей... – сообщал читателям главный агроном колхоза имени М.И. Калинина¹⁰.

Структура «откликов с мест» соответствовала логике построения официальных газетных передовиц, где сообщение о научно-технических результатах полётов в космос дополнялось рассуждениями о преимуществах социалистической системы и насущных задачах государства.

Воспитанию любви к «малой родине» способствовало появление «собственных» космонавтов – тех, кто родился/вырос/получил профессиональное образование/начинал трудовой путь в регионе. Полёт первого кубанца Виктора Горбатко (двадцать первого среди космонавтов) в октябре 1969 г. сопровождался огромным количеством фотографий, стихотворений в честь знаменательного события, статей в местной прессе («От Кубани до космоса», «Мать космонавта», «Полчаса с другом космонавта» и т.д.). Во время полёта в Звёздном городке состоялась пресс-конференция с участием председателя и начальника управления культуры Краснодарского крайисполкома С.Ф. Медунова и М.М. Шапиро.

Семья Горбатко читает письмо от земляков-кубанцев (Калишевский В.С. В космосе – сын Кубани [Герой Советского Союза В.В. Горбатко]. Краснодар, 1970)

⁸ Строчка из письма рабочего Краснодарской кожевенной фабрики (Советская Кубань. 1970. 26 сент.). Это клише постоянно повторялось в различных модификациях.

⁹ Якунин В. Радостная весть // Советская Кубань. 1971. 9 июня.

¹⁰ Краснобрыж С. Гордимся! // Там же.

³ ГАКК. Ф. Р-1530. Оп. 1. Д. 412. Л. 79.

⁴ Подкопаев В. Белка и Стрелка (Сказка-быль). Для детей. Илл. А. Мезенцев. Краснодар, 1961. 20 с.

⁵ АРАН. Ф. 1647. Оп. 1. Д. 260.

⁶ Вот фрагмент одного из писем: «... я считаю, чем послать животных, лучше людей, так как люди говорят, не беря во внимание даже возвращение на землю» (АРАН. Ф. 1647. Оп. 1. Д. 260. Л. 2).

⁷ ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 15. Д. 114. Л. 37.

В.В. Горбатко встречается с бригадой слесарей-сборщиков п/о «Точмашиприбор». Армавир, 1972 г. (из архива Федерации космонавтики Кубани)

Через несколько месяцев после полёта пятитысячным тиражом в Краснодаре вышла книга «В космосе – сын Кубани»¹¹ – биография с иллюстрациями, где космонавт запечатлён в процессе общения с кубанскими колхозниками, рабочими, детьми из детского сада, школьниками.

Формальная (например, праздничные поздравления космонавтов землякам через средства массовой информации, участие в официальных встречах) и неформальная коммуникация со «своими» космонавтами была достаточно интенсивной. Практически каждый приезд на Кубань для космонавтов был связан с посещением родного населённого пункта, встречами с чиновниками разного уровня, с сотрудниками научно-исследовательских учреждений, музеев, архивов, других организаций, связанных с сохранением и популяризацией космического наследия. Нередко сами встречи происходили в музейных залах с космическими экспонатами. Множество простых людей писали письма космонавтам-землякам с разнообразными просьбами, жалобами на несправедливые решения государственных или судебных инстанций.

Процесс постоянного общения с «малой родиной», заинтересованность космонавтов в её процветании регулярно освещались и визуализировались в региональной печати. В упомянутой выше книге о В. Горбатко есть фотография семьи космонавта в момент чтения письма. Под фотографией – текст «Звёздный городок. Письма от земляков-кубанцев – большая радость в доме Горбатко»¹². Это типично постановочный кадр, предназначенный для публичного дисплея. Важность момента подчёркивает наличие в комнате всех членов семьи, а также внешний вид взрослых и детей.

Космонавт в военной форме, его жена в нарядном платье, на высоких каблуках, со «свежей» причёской, младшая дочь в нарядном платье, с большим бантом и кошкой на коленях, старшая – в школьной парадной форме и тоже с бантом.

Космонавт-кубанец А. Березовой, описывая свой 211-суточный полёт, отмечал: Дело в том, что имел я от своих земляков специальный заказ. А родом я с Кубани – самый сельскохозяйственный район. И есть в Краснодарском крае одна научная организация, которая очень интересуется вопросом использования космической техники для нужд сельского хозяйства. Когда я ездил домой в отпуск, сотрудники этой организации «заразили» меня своей верой в возможности космоса как помощника земледельца. Земляки просили меня подробнейшим образом описать цветовую гамму полей на этих контролируемых участках, уточнить, как движется по ним «зелёная волна» озимых культур, фиксировать границы паводковых разливов...¹³

Научной организацией, упомянутой Березовым, был Краснодарский региональный агрокосмический центр, созданный для использования аэрокосмической информации в интересах сельского хозяйства. Руководил данной организацией Э.М. Трахов. Заказы специалистов Центра выполняли ещё до полёта Березового многие космонавты, уроженцы различных регионов СССР¹⁴. «Кубанский» фрагмент в хронике полёта служил дополнительным аргументом в пользу самоидентификации космонавта как «сына Кубани». Проживший к тому времени в Звёздном городке дольше, чем в Краснодарском крае, Березовой называет домом Кубань, а её население – земляками.

«Местные» космонавты становились членами кубанской элиты, несмотря на постоянное проживание за пределами края. В. Горбатко в 1969 г. получил свидетельство №1 почётного гражданина Краснодара, В. Севастьянов стал первым почётным

Письмо Э.М. Трахову с борта корабля «Т-5», 1982 г. На конверте подписи экипажа корабля и участников двух экспедиций посещения (из архива Федерации космонавтики Кубани)

¹¹ Калишевский В.С. В космосе – сын Кубани [Герой Советского Союза В.В. Горбатко]. Краснодар, 1970.

¹² Там же. С. 64.

¹³ Березовой А.Н. 211 суток на орбите // Березовой А.Н., Горьков В.П., Кизим А.Д. С думой о земле. М.: Молодая гвардия, 1987. С. 97.

¹⁴ Например, летавшие на «Союзе Т-4» В. Коваленок и В. Савиных. См.: Космос пахарю помощник // Советская Кубань. 1981. 17 июля.

А.Н. Березовой с комбайнёрами совхоза «Адыгейский», 1983 г.
(из архива Федерации космонавтики Кубани)

гражданином Сочи (1970). Космонавты представляли регион на всесоюзных форумах¹⁵. Кубанские школьники изучали биографии земляков-космонавтов.

Исследователь истории советской космонавтики (бывший сотрудник Института истории естествознания и техники РАН, а ныне американский профессор С. Герович) отмечает, что сами космонавты препятствовали восприятию себя как идеальных моделей советского человека, пропагандистских образцов¹⁶. Данное положение подтверждается многочисленными респондентами, встречавшимися с космонавтами в гостеприимной обстановке «малой родины». Это были живые люди, а не коммунистические иконы. Окружённые действительно всенародной любовью, космонавты играли роль медиатора между верхушкой общества и обычными людьми.

Пантеон «космических героев» Кубани, состоявший преимущественно из космонавтов (к середине 1980-х годов их было трое), медленно, но дополнялся именами учёных. После признания одного из авторов «Аполлона» о заимствовании идеи Ю.В. Кондратюка повышенное внимание к его личности проявили и в СССР. Стараниями журналистов, учёных, в том числе профессора Краснодарского государствен-

¹⁵ Виктор Горбатко, например, был избран от Краснодарского края делегатом XIX съезда комсомола (1982).

¹⁶ Gerovitch S. "New Soviet Man" Inside Machine: Human Engineering, Spacecraft Design, and the Construction of Communism // Osiris 22/ 2007. P. 156.

ного института культуры Т.И. Агаповой, энтузиастов был установлен факт написания рукописи книги «Завоевание межпланетных пространств» на Кубани, на Крыловском элеваторе. Значительно позже в региональные страницы истории освоения космоса были вписаны имена работавших в обстановке секретности Н.Г. Чернышёва, Д.И. Козлова, И.И. Яценко и др.¹⁷

Официальная пропаганда космических достижений и деятельность пропагандистов-энтузиастов стимулировала создание, используя терминологию французского учёного П. Нора, мест памяти. На аллее Космонавтов в сочинском парке «Ривьера» появились деревья, посаженные Ю. Гагариным, В. Терешковой, А. Леоновым и другими советскими/российскими и зарубежными космонавтами, в т.ч. участниками совместного проекта «Союз–Аполлон». Космонавты разных стран делали прививки на знаменитом сочинском дереве Дружбы.

В 1970-е годы формируется мемориальный комплекс, посвящённый Ю.В. Кондратюку. Знаменитый создатель космических двигателей академик В.П. Глушко в письме 1-му секретарю Краснодарского КК КПСС С.Ф. Меудунову комментировал это следующим образом:

Теперь с удовлетворением и благодарностью могу отметить, что 4 октября 1973 г. на Крыловском элеваторе Краснодарского края был открыт первый в стране мемориальный комплекс Ю.В. Кондратюка. Комплекс включает в себя мемориальный

В.В. Горбатко и профессор Т.И. Агапова в Доме авиации и космонавтики Всероссийского ЦК ВЛКСМ пионерского лагеря «Орлёнок» (из архива Федерации космонавтики Кубани)

¹⁷ См.: Пламенный пропагандист космонавтики. О жизни и деятельности основателя и первого руководителя общественного движения «Кубань и космонавтика» Т.И. Агаповой / Под ред. В.А. Садыма. Краснодар, 2011.

музей, сосредоточивший более 500 уникальных документов, фотографий, объектов. В станции Октябрьской, примыкающей к элеватору, создан школьный музей авиации и космонавтики Ю.В. Кондратюка. Улица, на которой он жил 1925–1926 гг., названа его именем¹⁸.

Государственные, ведомственные, школьные музеи Краснодарского края включали в состав постоянной экспозиции аэрокосмические блоки, организовывали временные, в т.ч. передвижные, выставки «Кубань и космонавтика»¹⁹. Посёлки Венцы-Заря и Энем включаются в сеть экскурсионных маршрутов как «родина космонавта Горбатко» и «родина космонавта Березового». Устанавливаются памятники исследователям космоса.

На базе Краснодарского государственного института культуры Т.И. Агаповой проводятся научно-практические конференции «Памятники авиации и космонавтики и их использование в коммунистическом воспитании трудящихся», способствующие вовлечению в поисковую и аналитическую работу преподавателей института и студентов. Концепция сохранения космического наследия, его трансляции формулируются в трудах конференций, в документах общественного движения «Кубань и космонавтика».

Складываются традиции празднования Дня космонавтики и других событий, связанных с памятливыми датами в области освоения космоса. Формируется комплекс методических материалов, используемых при подготовке подобных мероприятий. Тексты кубанских поэтов в честь отдельных космонавтов и исследователей космоса многократно тиражируются в т.н. стихотворных монтажах – неотъемлемой части пионерских сборов и выступлений школьников на «взрослых» мероприятиях. Вот пример четверостишья «космического» монтажа:

*Как долго мы черёд свой ждали,
Как верили! И вышло так!
Штурмует солнечные дали
В стране отважных наш земляк²⁰.*

Появление памятных мест, выработка концепций и ритуалов проведения «космических» мероприятий способствовали формированию массовых представлений о важности космических исследований, неразрывной связи истории региона и истории освоения космоса, коллективной памяти.

Заметим, что пик космической пропаганды в изучаемом регионе приходится на 1970-е – начало 1980-х годов, т.е. время, когда «космический энтузиазм» в стране и в мире явно идёт на убыль. Романтический дискурс сменяется прагматическим. Победы в космосе больше не ассоциируются со скорым построением коммунизма

¹⁸ Письмо опубликовано В. Садымом: История регионального научного сообщества: проблемы изучения / отв. ред. А.Н. Еремеева. Краснодар, 2008. С. 28–30.

¹⁹ Стругова М.Р. Выставка «Кубань и космонавтика» Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына // Кубань и космонавтика. 2007. №1(1). С. 39.

²⁰ Подкопаев В. Посланец нашей стороны // Советская Кубань. 1969. 14 окт. С. 2.

(«пророчество» Хрущёва, высказанное на XXII съезде КПСС, закреплённое в Программе партии, никто уже всерьёз не воспринимает), космические проблемы всё крепче увязываются с земными. Это просматривается даже на уровне названий статей газеты «Советская Кубань». Заголовки конца 1950-х – 1960-х «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью», «Прыжок в будущее», «Великая победа в мирном соревновании с капитализмом» трансформируются в такие, как «В космос во имя земли», «Во имя науки для блага людей», «Космос – арена международного сотрудничества», «Космос – пахарю помощник».

Тем не менее космическая тематика на фоне других приоритетных для государства патриотических проектов выглядела привлекательно, по крайней мере, для детей. Проект «космос» формировал не только историческую память, но и светлые перспективы будущего. Многочисленные музейные экспозиции (в т.ч. региональные) с элементами интерактивности, книги, особенно научно-фантастические, фильмы, в числе которых мегапопулярные «Москва–Кассиопея» и «Отроки во Вселенной», кружки и тематические выставки детского технического и художественного творчества, олимпиады, инициативы «снизу» (движение «Кубань и космонавтика»), стимулировавшие исследовательскую работу на различных уровнях, – всё это обеспечивало стабильный интерес к теме освоения космоса.

В целом формирование массового космического энтузиазма как инструмента для реализации насущных идеологических задач было одним из удачных проектов эпохи позднего социализма. Отечественные успехи в космосе рассматривались как важный аргумент в пользу правильности «магистрального пути», избранного страной Советов, показатель единства народа, предпосылка счастливого будущего.

Региональная космическая пропаганда, с одной стороны, воспроизводила общесоюзные образцы (что было неизбежно), с другой – фокусировалась на развитии местного патриотизма. Появление в 1970-е – 1980-е годы космических «мест памяти», местного пантеона героев космоса формировало общественные представления о неразрывной связи истории космических исследований и истории региона.

7.4. «Щедра спортивная нива Кубани»: подготовка к Олимпиаде-80 в Краснодарском крае

Летняя Олимпиада 1980 года, безусловно, была одним из самых ярких событий в позднесоветской истории. Собственно спортивные состязания проводились в Москве, Киеве и Таллине, однако все без исключения регионы СССР были включены в подготовку Игр. Олимпийская тема широко освещалась в центральных и местных средствах массовой информации. Под лозунгом «От значка ГТО к олимпийским медалям» шла активная пропаганда физкультуры и спорта.

Для Краснодарского края предолимпийский и олимпийский годы были насыщены разнообразными событиями и общественно-политическими акциями. Доминировала борьба за миллион тонн кубанского риса. О «белом золоте Кубани» в прессе писали едва ли не больше, чем о юбилеях – 110-летию со дня рождения В.И. Ленина и 35-летию Победы.

Среди спортивных событий широко обсуждался дебют краснодарской футбольной команды «Кубань» в высшей лиге в апреле 1980 года. Газета «Советская Кубань» даже поместила ноты и слова «Гимна кубанских футболистов» (стихи К. Обойщикова, музыка В. Пономарёва):

*Спортивной судьбой мы довольны:
С мечтой породниться смогли.
Мы любим футбольное поле –
Частичку кубанской земли...¹*

Иллюстрируя всеобщую эйфорию жителей края, В. Прохоров из станицы Анапской изобразил в карикатуре «На уроке географии» школьника, утверждающего, что «Кубань впадает в высшую лигу»². К разочарованию болельщиков первый матч с ереванским «Арагатом», как и большинство последующих матчей, кубанцы проиграли.

¹ Советская Кубань. 1980. 2 апр.

² Там же.

Спортивные достижения кубанцев в глазах региональных лидеров были весомым вкладом в престиж края. Имена земляков – победителей олимпиад знали почти все. Первые большие успехи кубанских спортсменов были связаны с боксом: на Олимпийских играх в Мельбурне (1956) А. Лагетко завоёвывает бронзовую медаль, в 1960 году на Римской Олимпиаде серебряным призёром стал Ю. Радоняк. На Олимпийских играх в Мюнхене (1972) золотую медаль в беге на 1500 метров получила Л. Брагина. Среди победителей Монреальской Олимпиады (1976) прославился дзюдоист из Майкопа В. Невзоров, в составе сборной команды СССР по гандболу золотую медаль получил В. Гассий.

Первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС С.Ф. Медунов с гордостью рапортовал, что в 1979 году кубанские спортсмены 19 раз поднимались на пьедестал почёта мировых и европейских первенств, а за четыре года пятилетки 50 раз становились чемпионами и призёрами подобных соревнований. По данным на апрель 1980 года, 49 кубанцев являлись членами сборных команд СССР, из них 21 спортсмен был кандидатом в олимпийскую сборную³.

Подготовкой профессионалов в области физкультуры и спорта занимались Краснодарский институт физкультуры, Адыгейский педагогический институт и Ейское педагогическое училище. На официальном сленге тех лет их называли «кузницами спортивных кадров».

Все мероприятия, способствующие развитию спорта в регионе – визит чемпиона мира по шахматам А.Е. Карпова и председателя Всесоюзной федерации шахмат В.И. Севастьянова (апрель 1980 г.), собрание спортивной общественности (29 мая того же года) – проходили с участием первых лиц края. Среди выступавших фигурировали первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС С.Ф. Медунов, председатель крайисполкома Г.П. Разумовский, первый секретарь крайкома ВЛКСМ А.В. Маслов.

Особое внимание уделялось детскому и юношескому спорту, спортивной работе по месту жительства. Кроме традиционных состязаний в мае 1980 года проведены Первые спортивные игры молодёжи Кубани, на них были представлены 23 вида спорта; командную победу одержал коллектив студенческого ДСО «Буревестник»⁴.

В обеспечении Олимпиады-80, как известно, были задействованы различные службы, в том числе и транспортные. В аэропорту Краснодара составляли специальные олимпийские графики авиаперевозок. Международный сектор переоборудовался. В зале отдыха установили кондиционер и переговорное устройство для связи с кассами, радиоприёмники и цветной телевизор с центральным и местным вещанием⁵.

Статьи и заметки на тему будущей Олимпиады публиковались практически в каждом номере «Советской Кубани». По тематике их можно разделить на две группы: материалы политические и спортивные. В перепечатках из центральных изданий преобладал политический аспект. Как известно, ещё за несколько

³ Советская Кубань. 1980. 30 мая.

⁴ Там же.

⁵ Дётчики – Олимпиаде // Советская Кубань. 1980. 2 мая.

Команда кубанских спортсменов – участников Олимпиады-80 и их тренеры (из фондов КГИИМЗ)

ко лет до этого предстоящего спортивного события КГБ информировал высшее партийное руководство о «замыслах западных спецслужб и зарубежных антисоветских организаций в связи с Олимпиадой-80». Ю.В. Андропов предупреждал, например, о возможных акциях эмигрантских организаций «Комитет за возвращение высланных крымских татар на их родину», «Эстонский национальный совет», ассоциация молодых христиан (УМСА). Последняя, по данным советской разведки, планировала провести в Москве в период Олимпиады международную конференцию-встречу «Верующая молодёжь и спорт»⁶. Однако непосредственно перед Олимпиадой вышел на первый план бойкот Игр со стороны ряда стран, а не «шпионско-диверсионные страсти». Красноречивы сами названия статей – «Уступив нажиму и шантажу», «Среди олимпийцев США уныние и разочарование». Освещалось согласие отдельных стран участвовать в Играх: «Как и вся прогрессивная Африка, республика Мали готова к Московской Олимпиаде», – сообщал 2 апреля 1980 года корреспондент АПН в заметке с пафосным заголовком «Во имя олимпийских идеалов».

Значительная часть материалов была посвящена развитию спорта в крае. В «Советской Кубани» на ежемесячной спортивной страничке, украшенной олимпийским мишкой (эмблема ожидаемого спортивного события) вёл подсчёт дней, оставшихся до открытия Олимпиады. Публиковались очерки Михаила Рубана по истории спорта на Кубани, интервью с известными кубанскими спортсменами, анализировались отдельные события спортивной жизни. Вопросы олимпийской викторины были призваны активизировать изучение читателями истории олимпиад. По понятным причинам в прессе вообще не затрагивались аспекты коммерческой выгоды проведения Игр в Москве.

Непосредственно перед началом Олимпиады «Советская Кубань» опубликовала список и портреты участников-кубанцев. Их было шестеро (как и в 1972 г.): боксёр Шамиль Сабиров, пятиборец Евгений Липеев, дзюдоист Арамбий Емиж, гандболист Владимир Репьев, легкоатлеты Людмила Чернова и Евгений Евсюков. Читателям были предложены суммарные социологические выкладки: средний возраст спортсменов 24,3 года, все имеют высшее образование или завершают обучение в институте, все – мастера спорта международного класса.

В итоге Олимпийские игры в Москве принесли золото Ш. Сабирову, Л. Черновой и – в составе команды – Е. Липееву. В. Репьев получил серебро, А. Емиж бронзу. Кубанские олимпийцы подтвердили слова, прозвучавшие на собрании спортивной общественности Краснодарского края за три месяца до открытия Олимпиады: «Щедра спортивная нива Кубани».

⁶ См.: *Власть и диссиденты. Из документов КГБ и ЦК КПСС. М.: МХГ, 2006. С. 202.*

8. Культурная жизнь Кубани в условиях радикальной трансформации общества: середина 1980-х — 1990-е гг.

Период перестройки и постперестроечные годы можно назвать временем потерь и обретений. Ослабление роли государства в руководстве культурой, раскрепощение общественного сознания способствовали развитию частной инициативы, многообразию форм культурной жизни. Однако резко возрос поток низкокачественной продукции в сфере культуры. Коммерциализация привела к закрытию и перепрофилированию дворцов и домов культуры, клубов, кинотеатров, к сокращению объёма бесплатных услуг, усложнила для населения, в первую очередь детей и молодёжи, доступ к культурным ценностям. Значительно уменьшилось число посетителей библиотек.

Пик кризисной ситуации пришёлся на 1990-е.

Одновременно происходил поворот к истории и духовности: восстановление разрушенных храмов и памятников, возвращение наследия незаслуженно забытых деятелей культуры, носителей народной традиции.

Поиски новой, социально и политически значимой системы ценностей имели на Кубани свои особенности, связанные с историческим прошлым региона. Они нашли отражение в региональных постановлениях и законах второй половины 1990-х об охране и использовании памятников истории и культуры, о мемориальных зонах Краснодарского края, в краевой антикризисной программе «Система духовного и физического оздоровления населения Кубани».

На страницах местной и всероссийской (журналы «Библиотека», «Народное творчество» и др.) периодики кураторы и руководители краевого департамента культуры Н.Г. Денисов¹, Д.М. Саетович, Л.П. Пятигора, ректор Краснодарской государственной академии культуры (с 1999 г. – университета культуры) И.И. Горлова били тревогу по поводу недофинансирования сферы культуры, говорили о трудностях адаптации учреждений культуры к рыночным условиям. В то же время подчёркивалось, что ситуация на Кубани (комплектование библиотек, развитие само-

Встреча в Краснодарском отделении Фонда культуры. Слева направо: профессор Т.И. Агапова, академик ВАСХНИЛ, председатель отделения Е.П. Алешин, зам. председателя отделения М.М. Шапиро, директор Краснодарского художественного музея К.М. Войцехович, зам. начальника департамента культуры крайисполкома А.Г. Наконечный (фото предоставлено М.М. Шапиро)

деятельного и профессионального художественного творчества, материальная база культуры) значительно лучше, чем в других регионах России.

Одним из организаторов культурной жизни становится Краснодарское отделение Советского (позже – Российского) фонда культуры.

Перемены второй половины 1980-х гг. способствовали возрождению казачества. Многим улицам городов и станиц были возвращены их исторические имена. В 1990-х на базе Кубанского казачьего хора начал действовать Центр народной культуры Кубани (руководитель – В.Г. Захарченко). При нём была организована детская экспериментальная школа народного искусства.

В архивы и музеи Кубани поступило множество документов и экспонатов, вывезенных в годы Гражданской войны и сохранных казаками за рубежом; в начале XXI в. увенчались успехом длительные переговоры о передаче из США бесценных казачьих регалий, среди которых знамёна, жалованные грамоты правителей России и т.д. Частью собрания Краснодарского художественного музея стала коллекция академика Л.Ф. Ильичёва, включающая произведения прославленных отечественных мастеров.

Однако финансовые трудности постперестроечных лет привели к закрытию ряда народных музеев; государственные и муниципальные музеи работали в условиях ограниченного финансирования. Несмотря на трудности, в те годы

¹ Н.Г. Денисов как заместитель председателя правительства края курировал образование, науку и культуру, спорт, молодёжную политику с 1997 по 2001 г.

сформировался как исследовательский и просветительский центр Северокавказский филиал Государственного музея искусства народов Востока, основанный в Майкопе в 1985 г. В его коллекциях – древнее, традиционное и современное искусство народов Северного Кавказа.

Крупнейшим кубанским музеям были присвоены имена основателей: имя Е.Д. Фелицына – Краснодарскому государственному историко-археологическому музею-заповеднику, имя Ф.А. Коваленко – Краснодарскому художественному музею. Шедевры из их коллекций (картины русского авангарда, золотые изделия из курганов Кубани, холодное оружие казаков и др.) экспонировались в рамках международных выставочных проектов.

В доме основоположника кубанской литературы Я.Г. Кухаренко в Краснодаре открылся Литературный музей Кубани – отдел Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына. Сформировался археологический отдел Таманского музейного комплекса. Здание археологической экспозиции построено по проекту известного архитектора В. Гаврилова. Он же является автором проекта музея семьи Степановых в Тимашевске.

В районных центрах края (Горячий Ключ, Апшеронск, Лабинск, Усть-Лабинск, Гулькевичи и др.) на рубеже тысячелетий появились муниципальные музеи. Обрела официальный статус Абинская картинная галерея.

Важным направлением региональной культуры является развитие традиционных художественных промыслов и ремёсел. Федеральный закон «О народных художественных промыслах» (1998) закрепил за народными промыслами статус неотъемлемой части культурного достояния России. В Краснодарском крае бытуют традиционные виды народного искусства: изготовление гончарной посуды и глиняных игрушек, вышивка, вязание, ткачество, плетение из лозы, соломы, листьев початков кукурузы, резьба по дереву и др. Опыт народных мастеров сохраняется и транслируется посредством полевых исследований, выставок, фестивалей². Создаются кафедры, детские школы искусств, специализирующиеся на традиционных ремёслах Кубани, открываются мастерские.

Восстанавливаются ранее разрушенные и возводятся новые памятники. Мемориал в кубанской столице в честь 200-летия Кубанского казачьего войска восстановлен в 1999 г. К 200-летию А.С. Пушкина были установлены памятники во многих населённых пунктах региона. Увековечена в скульптурах память о выдающихся полководцах А.В. Суворове и Г.К. Жукове.

В начале нынешнего века краевую столицу украсили памятники Екатерине II, кубанским казакам-первопроходцам, Царские ворота, святой Екатерине. В Ейске появился памятник основателю города князю М.С. Воронцову, в Анапе – основателю курорта врачу В.А. Будзинскому, в Армавире – командующему Кубанской линией генералу Г.Х. Зассу и др.

Увековечение памяти событий и лиц, связанных с завоеванием Северо-Западного Кавказа, как правило, сопровождалось бурными дискуссиями, в основе которых лежали различные оценки методов российской колонизации региона.

² См.: Вакуленко Е.Г. Народные мастера Кубани. Краснодар, 2009.

Память о трагических событиях последних десятилетий XX века отразилась в монументах чернобыльцам и воинам-афганцам. Воздвигнуты памятники и кресты – символы примирения «красных» и «белых» в братоубийственной Гражданской войне. Один из них (по проекту архитектора А. Гурина и скульптора А. Корнаева) находится в краснодарском парке им. Горького.

Первоначальное стремление к уничтожению скульптурного наследия советского времени постепенно сменялось осознанием необходимости сберечь и охранять его.

Несмотря на все трудности, началось издание многотомной краевой Книги Памяти с занесением в неё имён кубанцев, погибших в годы Великой Отечественной войны. Местные активисты общества «Мемориал» во главе с С.А. Кропачевым способствовали увековечению памяти жертв политических репрессий.

Веротерпимость нового руководства страны благоприятствовала возврату к религиозным традициям. Реставрировались и открывались церкви. В 1988 г. кубанцы вновь услышали звон колоколов. На месте, где когда-то стоял войсковой храм Александра Невского, был построен одноимённый храм-часовня. (Новый храм Александра Невского в Краснодаре у начала улицы Красной был отстроен в 2005 г.). Активизировалась деятельность религиозных объединений. В 2000 г. их было 639; они представляли 27 религиозных направлений³.

Эпоха «перестройки» была отмечена дискуссиями о реформировании образования, созданием экспериментальных педагогических площадок. Одна из них – центр комплексного формирования личности детей и подростков (руководитель М.П. Щетинин) – с 1988 г. работала в ст-це Азовской, а в 1994 г. переместилась в пос. Текос (Геленджикский р-н). Массово возникали гимназии, лицеи с углублённым изучением отдельных предметов, школы с казачьим профилем (Кубанский детский корпус и др.), казачьи классы, религиозные учебные заведения. Появляются частные школы. В конце 1990-х в 20 частных школах края училось более 3000 человек. Несмотря на значительную миграцию в край, количество учащихся из-за общего снижения рождаемости уменьшилось. На рубеже тысячелетий школьников в крае было на 100 тысяч меньше, чем 10–20 лет назад.

За 1990-е гг. численность студентов высших учебных заведений на Кубани выросла в 2,7 раза (и значительно превысила средний по России показатель), чему способствовало открытие в крае негосударственных вузов, филиалов государственных и негосударственных высших учебных заведений (в 2001 г. их было соответственно 20, 53 и 34). Более 70% студентов получали образование в 12 государственных вузах, которые (почти все) обрели к концу 1990-х гг. статус университетов⁴.

Финансовые трудности конца 1980-х – 1990-х гг. привели к закрытию ряда научных учреждений. Крупнейшие научно-исследовательские центры края выжили, однако восстановить прежние темпы развития и объёмы исследовательских работ

³ Краснодарскому краю – 65 лет. Страницы истории в документах архивного фонда Кубани. С. 247.

⁴ Все подсчёты произведены на основании ежегодных статистических ежегодников «Краснодарский край». Об образовательной сфере Кубани в 1990-е гг. см.: Денисов Н.Г. Модернизация образования на рубеже XX–XXI вв.: региональный опыт // Культура. Наука. Образование. Учёные записки кафедры теории и истории культуры Краснодарского государственного университета культуры и искусств. Вып. 2 / отв. ред. Т.В. Коваленко. Краснодар, 2011. С. 103–114.

не удалось. По-прежнему наука была ориентирована на агропромышленное направление. В кубанских НИИ велись исследования зерновых, масличных культур, кукурузы, винограда, плодовых, в том числе субтропических культур, табака, риса.

Разрабатываются высокие технологии комплексной переработки растениеводческой продукции, создаются новые виды пищевых изделий (массовый ассортимент и лечебно-профилактическое питание); совершенствуются методы контроля качества продукции.

Сравнительно новым направлением стало комплексное изучение экологических систем Кубани, экологический мониторинг и технологии реабилитации окружающей среды. Проводятся уникальные геофизические исследования, направленные на поиск новых месторождений нефти и других полезных ископаемых. Методика кубанского Центра прогнозирования стихийных бедствий (руководитель академик РАН В.А. Бабешко) – одна из самых эффективных в мире.

НИИ медицинской приматологии (Сочи) – единственный в России исследовательский приматологический центр с питомником обезьян. Под руководством академика АМН Б.А. Лапина там ведутся уникальные исследования, готовятся научные кадры по редкой специальности – «медицинская приматология».

Учёные-гуманитарии в конце 1980-х – 1990-е гг. создали множество трудов по истории и культуре Кубани. Особое значение придавалось казачьей тематике. Перед широкой читательской аудиторией предстали судьбы видных учёных, писателей, общественных деятелей, просветителей дореволюционной Кубани – К. Россинского⁵, Я. Кухаренко, Е. Фелицына, Ф. Щербины, Ф. Коваленко... Вышли в свет летописи истории края и его отдельных городов, энциклопедические издания, библиографические указатели, учебники по истории Кубани, региональной литературе. Важным коммуникативным и информационным ресурсом стали многочисленные конференции по истории казачества, литературно-исторические чтения, Кухаренковские чтения, Дикаревские чтения, Фелицынские чтения, Коваленковские чтения, Щербиновские чтения.

Одна из примет реформирующегося общества – появление негосударственных СМИ. Уже в начале 1990-х гг. на Кубани печатались и газеты разных политических направлений, и чисто развлекательные издания, свои печатные органы имели многочисленные национально-культурные объединения. С 1990 г. издаётся газета «Пра-

Академик РАН В.А. Бабешко
(из фондов музея КубГУ)

вославный голос Кубани». Беспрепятственно распространяются печатные органы различных религиозных конфессий. Замечательным явлением региональной прессы можно считать художественно-публицистическую газету «Душа моя» (основана в 1996 г.), отражавшую на своих страницах всю палитру культурной жизни региона.

Вместе с региональными кубанскими вкладышами в «Аргументы и факты», «Комсомольскую правду», «Известия», «Московский комсомолец» и другие столичные газеты в крае выходит множество самостоятельных периодических изданий информационно-развлекательного, рекламного, делового характера.

Научное осмысление исторических и культурных процессов представлено в журналах «Кубань: проблемы культуры и информатизации» (издавался с 1995 по 2001 г.), «Голос минувшего» и др. Проблемы регионального образования и науки рассматриваются в «Педагогическом вестнике Кубани», «Науке Кубани». Журнал «Родная Кубань» (основан в 1998 г., главный редактор В.И. Лихоносов) ориентирован на возвращение историко-литературного наследия кубанцев. На его страницах опубликованы мемуары видных общественных деятелей, писателей, публицистов С. Эрастова, В. Барки (В. Очерета), Ф. Елисеева и других, архивные документы с комментариями.

Существование государственного и негосударственного секторов было характерно для регионального телевидения и особенно ярко проявилось в 1990-е годы. Наряду с ГТРК «Кубань» в эфир выходили телеканалы «Пионер», «Фотон», «АВС», «Контакт» и др.

Экономические трудности, кризис кинопроизводства, развитие рынка видеопродукции резко снизили посещаемость кинотеатров, привели к закрытию многих из них. Преодолению данной ситуации отчасти способствовало проведение на территории края престижных ежегодных кинофестивалей: сочинского «Кинотавра» и анапского «Киношока», тематических кинофестивалей в городах Кубани, подвижность кубанских киноведов (Г. Гиберт, Ю. Болдырев), а также реализация закона о государственной поддержке кинематографии в Краснодарском крае.

С окончанием советского периода значительно ослабла роль творческих союзов в организации художественной интеллигенции. И в центре, и в регионах, как заметила журналист Т. Василевская, «творческие организации перестали быть инструментом, с помощью которого власть определяла очерёдность доступа к распределительному корыту. Их функции изменились, и они стали скорее филиалами соборов для творческих работников»⁶. На Кубани с начала 1990-х гг. действовали не одна, а две краевые писательские организации.

Заметным событием литературной жизни стало издание и переиздание романа В.И. Лихоносова «Наш маленький Париж», удостоенного Государственной премии РСФСР им. М. Горького и Международной премии им. М. Шолохова. Это лирико-эпическое произведение – литературный памятник Екатеринодару. Судьба казачества в годы Гражданской войны – центральная тема удостоенного Государственной премии РСФСР романа А. Знаменского «Красные дни». Государственной премией

⁵ Премией администрации Краснодарского края им. К. Россинского в 1990-е гг. были награждены видные учёные, писатели, деятели культуры и искусства.

⁶ Василевская Т. Чтоб рвущиеся к власти навластивались властью? // Краснодар. изв. 1998. 20 июня. С. 8.

Поэт Н. Зиновьев
(из фондов КГИИМЗ)

СССР был отмечен роман И. Машбаша «Раскаты далёкого грома» о событиях конца XVIII века в Адыгее.

Любовь читателей снискали поэтические сборники И. Вараввы «Казачья бандура», «Казачий кобзарь» и др. На сцене Краснодарского драмтеатра шла его стихотворная комедия «Хорош дом, да морока в нём». Продолжалась творческая деятельность В. Неподобы, К. Обойщикова и др. Одно из ярких имён, появившихся в конце 1980-х гг., – поэт Н. Зиновьев.

Краснодарский край благодаря наличию современных театральными концертными помещениями и широкой зрительской аудитории (в том числе из числа многочисленных курортников) является одним из самых привлекательных регионов для отечественных и зарубежных гастролёров.

В 1990 году в Краснодаре был образован гастрольный театр «Премьера» (руководитель А.Г. Гатов).

Позже в творческое объединение «Премьера» вошли симфонический оркестр, театр классического балета, Молодёжный театр, Музыкальный театр, Новый театр кукол и др. Обычным явлением для столицы края стали оперные спектакли, балеты в постановке прославленного Ю. Григоровича, выступления джазового оркестра «Биг-бэнд Георгия Гараняна», Кубанского симфонического оркестра под руководством лучших российских дирижёров – А. Петухова, С. Скрипки, В. Зивы, А. Лавренюка, В. Понькина.

Успех в крае и далеко за его пределами имели спектакли драматических коллективов Краснодара (в 1996 г. Краснодарский театр драмы получил звание академического) и Армавира, кукольных театров Краснодара⁷. В 1988 г. группа профессиональных артистов во главе с А. Слюсаренко основала в Геленджике театр «Торикос», уже через 8 лет этот коллектив стал лауреатом 18 международных и российских фестивалей⁸. Однако вследствие ряда причин, в том числе отсутствия финансирования, группа распалась. С большим трудом, но выживали народные театры.

Среди творческих коллективов Кубани особое место занимает Кубанский казачий хор. Песенное и танцевальное богатство казачьей культуры отражено также в репертуаре ансамбля «Казачья вольница» (руководитель Е. Перминова).

Созданный в 1993 году при Краснодарской филармонии концертный русский народный оркестр «Виртуозы Кубани» (руководитель А. Винокур) продолжает традиции старейших оркестров русских народных инструментов.

На Кубани работают около 400 профессиональных и самодеятельных славянских и более 50 фольклорных коллективов других народов.

На рубеже 1980-х – 1990-х при Краснодарском краевом отделении Союза композиторов России был организован камерный хор под руководством В. Яковлева.

⁷ См.: Комиссинская А.В. О театральных процессах на Кубани в последнее десятилетие XX в. // Культура. Наука. Образование... Вып. 2. Краснодар, 2011. С. 171–177.

⁸ Слюсаренко А. Ничейный остров // Театральная жизнь. 1996. №11–12. С. 42–43.

Фестиваль «Золотое яблоко». Фото П.К. Скирды

Основу репертуара составили русская классическая и духовная музыка, сочинения современных композиторов и обработки народных песен. Среди самых сложных работ хора – «Всенощное бдение» – цикл духовных гимнов и молитв (композитор Г. Пономаренко) – одно из последних произведений знаменитого композитора-песенника. Аранжировка этого произведения для хора сделана В. Магдалицем⁹.

Музыкальные коллективы Кубани и других регионов России исполняют сочинения современных кубанских композиторов Б. Целковникова, В. Чернявского, В. Комиссинского, В. Волченко, В. Кеворкова, Г. Селезнёва, В. Малюченко. На сцене ДК ст. Тамань в 1994 году состоялась премьера балета по мотивам произведений М. Лермонтова «Тамань», автором музыки к которому был В. Магдалиц.

Популяризации искусства способствует проведение многочисленных фестивалей: «Кубанская музыкальная весна», «Екатеринодарские музыкальные встречи», «Эоловы струны», «Золотое яблоко», «Дни славянской письменности и культуры», «Юные звёзды Кубани», «Кубанский казачок», фестивалей органной музыки и др. Подвижниками пропаганды музыки, музыкальных традиций Кубани являются А. Слепов, В. Фролкин, Н. Магдалиц, Н. Фомичёва и др.

Краснодарская краевая организация Союза художников России – одна из самых многочисленных среди региональных союзов (более 250 человек). Среди её членов немало выпускников Краснодарского художественного училища и художественно-графического факультета КубГУ, а также «детища» 1990-х – факультета

⁹ См. Комиссинский В.Г. Музыка, творчество, жизнь. Статьи, материалы, документы. Краснодар, 2007. С. 136.

монументально-декоративного и промышленного искусства КГУКИ.

На Кубани продолжали работать художники старшего поколения (Г. Булгаков, П. Калягин, И. Халюткин, Г. Аракелян, Н. Калугина) – наследники традиций русской реалистической и импрессионистической эстетики. Следующее поколение живописцев и графиков (А. Паршков, С. Воржев, И. Пугач, Л. Самокиш, В. Коробейников, М. Архангельский, О. Ковтун, С. Дудко, Е. Казицын и др.) в той или иной степени перерабатывает художественное наследие символизма, модернизма и постмодернизма¹⁰.

Зрители знакомились с многообразными стилями и жанрами в Краснодарском краевом выставочном зале изобразительных искусств (учреждён в 1989 г.), многочисленных, художественных галереях. Краснодарский художественный музей помимо собственных коллекций экспонировал работы кубанских мастеров, проводил выставки из фондов Эрмитажа, Русского музея, Третьяковской галереи, частных собраний отечественных и зарубежных коллекционеров.

На Кубани работает большое число иконописцев. При Краснодарской епархии существует иконописная мастерская. Кубанские художники-монументалисты (Д. Беломыцев, В. Толмачёв и др.) расписывают православные храмы в стиле московской, новгородской и ярославской школ. Обучение иконописи как одно из главных направлений входит в деятельность «Инвастудии» – краевой организации детей-инвалидов и инвалидов детства (руководитель Н. Галкин)¹¹.

Итак, реформирование общества оказало серьёзное и противоречивое воздействие на культурное развитие. Как справедливо отмечал российский культуролог И.В. Кондаков, в культуре 1990-х были парадоксальным образом сопряжены несовместимые ценностные ориентации: коллективизм и индивидуализм, резкая политизированность и демонстративная аполитичность, антизападные изоляционистские настроения и стремление воссоединиться с «мировой цивилизацией», секуляризация и десекуляризация различных сфер жизни и культуры, государствоцентризм и анархическая свобода от партийно-государственной ангажированности.¹² Ситуация в культурной жизни Кубани – красноречивое подтверждение этому.

Композитор В. Магдалиц
(фото предоставлено В.А. Чернявским)

¹⁰ См. Соколинская Т. Основные тенденции в развитии изобразительного искусства Кубани 80-х – 90-х годов // Коваленковские чтения-95. Наследие XX века. Опыт переосмысления. Краснодар, 1995. С. 50–57.

¹¹ Соколинская Т.И. Национальные традиции в современном искусстве Кубани (на примере изобразительного искусства и скульптуры). Мир культур. Материалы Всероссийской научно-творческой конференции «Народы и культуры: проблемы и перспективы». Краснодар, 2007. С. 50–54.

¹² Кондаков И.В. Введение в историю русской культуры. М., 1997. С. 631.

Библиография

- Бардадым В.П. Зодчие Кубани. Краснодар: Вишера, 2011. – 368 с.: ил.
- Бардадым В.П. Ими восхищались кубанцы. Краснодар: Советская Кубань, 2006. – 128 с.: ил.
- Бардадым В.П. Радетели Земли Кубанской. 2-е изд. доп. Краснодар: Советская Кубань, 1998. – 272 с.: фотогр.
- Барды Кубани: песни трёх поколений самодеятельных авторов Краснодарского края/сост. В.Н. Ушканов. Краснодар: Печат. двор Кубани, 1999. – 223 с.: ил.
- Бич Ю.Г. История физкультуры и спорта на Кубани: очерки/ Ю.Г. Бич. Краснодар: Традиция, 2011. – 192 с.: ил.
- Болдырев Ю.А. Художественная культура Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. СПб: Нестор, 1996. – 143 с.
- Бондарь В.В. Города Екатеринодар в пространстве и времени: опыты исторической урбанистики: моногр. сб. Краснодар: Платонов И., 2006. – 126 с.: ил.
- Борисов Б., Борисов Г., Бурылев В. Краснодарская филармония: прошлое и настоящее. Краснодар: кн. изд-во, 1989. – 176 с.
- Горлова И.И. Культурная политика, культурологическое образование: региональный аспект. Краснодар, 1997. – 200 с.
- Екатеринодар–Краснодар: два века города в датах, событиях, воспоминаниях [1793–1993]: материалы к летописи / сост. А.М. Авраменко. Краснодар: кн. изд-во, 1993. – 798 с.
- Еремеева А.Н. Между прошлым и будущим (художественная жизнь Кубани в годы революции и гражданской войны 1917–1920 гг.). СПб.: Нестор, 1996. – 152 с.
- Еремеева А.Н. Научная жизнь и научное сообщество Кубани в XX веке: очерки истории. Краснодар: Кубанькино, 2006. – 76 с.
- Еремеева А.Н., Рожков А.Ю., Стругова М.Р. Наука и власть: кубанский контекст (1917–1941). Краснодар: Кубанькино, 2010. – 122 с.
- Ерёменко С.И. Хоровое искусство Кубани. Краснодар: кн. изд-во, 1977. – 144 с.
- Из истории Кубанского казачьего хора: материалы и очерки /сост. и общ. ред. В.Г. Захарченко. Краснодар: Диапазон-В, 2006. – 312 с.: ил.
- Казачинский В.П., Бондарь В.В. Архитектура и градостроительство Кубани XIX–XX веков. Краснодар: Изд-во Юж. ин-та менеджмента. Ч. 2: Архитектура Кубани до 1985 года: Очерк. 2002. – 95 с.
- Колесников А.Г. Оперетта в Краснодаре. Летопись творческого пути. Воспоминания. Библиография. М.: Театралис, 2005. – 368 с., 24 л. ил.
- Краснодарский край в 1937–1941 гг.: Док. и материалы / Центр документации новейшей истории Краснодар. края. Краснодар, 1997. – 1120 с.+ 1 карта-вл.
- Краснодарскому краю – 65 лет. Страницы истории в документах архивного фонда Кубани / сост. А.А. Алексеева, А.М. Беляев, И.Ю. Бондарь. Краснодар, 2002. – 379 с.
- Кубанский государственный медицинский университет, 1920–2010 / сост. Б. Войцеховский. Краснодар, 2010. – 159 с.: ил.
- Кубанский государственный университет: 90 лет в ист. образования и науки России. Краснодар: Периодика Кубани, 2010. – 600 с.: ил.
- Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: рассекреченные документы. Хроника событий /сост. А.И. Беляев, И.Ю. Бондарь. Краснодар: Совет. Кубань, 2000. Кн. 1: 1941–1942. – 814 с.
- Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: рассекреченные документы. Хроника событий / сост. А.И. Беляев, И.Ю. Бондарь. Краснодар: Совет. Кубань, 2003. Кн. 2. Ч. 1: 1943 год. – 896 с.: ил.
- Кубань и великие победы России в творчестве художников Краснодарского края [авт. и рук. проекта Н.Л. Щурик]. Краснодар: Диапазон-В, 2010. – 157, [2] с. ил., цв.
- Культурное строительство на Кубани, 1918–1941 гг.: сб. / науч. ред. И.Я. Куценко. Краснодар: кн. изд-во, 1978. – 191 с.: ил.

- Куценко И.Я. Кубанский государственный технологический университет. 1918–2003. Майкоп. ГУРИПП, Краснодар, 2003. – 472 с.
- Куценко И.Я. Революция и культура. Очерк истории борьбы партийных организаций Северного Кавказа за осуществление культурной революции в 1918–1932 гг. Краснодар: кн. изд-во, 1973. – 246 с.
- Куценко, И.Я. С.Я. Маршак в Екатеринодаре-Краснодаре, 1918–1922. Краснодар, 1997. – 877, [1] с.
- Куценко, И.Я. Б.Л. Розинг – первооткрыватель электронного телевидения, основатель Кубанского политехнического института. Майкоп: Полиграфиздат «Адыгея», 2007. – 259, [1] с. ил.
- Лотышев И.П. Музей кубанской журналистики: путеводитель. Краснодар: Периодика Кубани, 2011. – 156, [3].
- Магдалиц Н.В. Этюды о «Премьере»: (к 10-летию твор. наследия/ 2-е изд., доп. и испр. Краснодар.: Эолковы струны, 2003. – 166 с., [6] л. ил.
- Магдалиц Н.В. Наш современник Григорий Максимович Плотниченко. Краснодар: Эолковы струны, 2003. – 212 с.: ил.
- Магдалиц Н.В. Виртуозы Кубани: 10-летию оркестра. Краснодар: Эолковы струны, 2003. – 98 с.: ил.
- Музеи Кубани / авт.-сост. Н.В. Карева, А.Г. Ерёмченко. Краснодар: Традиция, 2011. – 216 с.: ил.
- Нежигай Э.Н. Городская культура Кубани периода НЭПа. Краснодар, 2010. – 289 с.
- Русское искусство первой трети XX века: каталог/ Краснодар. краев. худож. музей им. Ф.А. Коваленко; науч. ред. И.И. Ващенко, Ю.А. Солодовников. Самара: СамПлюсПринт, 2011. – 336 с.
- Трубиллин И.Т., Шейджен А.Х., Онищенко А.М. История аграрного образования на Кубани. Майкоп: Афиша, 2006. – 344 с., [65] л. ил.
- Фролкин В.А. Краснодарский музыкальный колледж им. Н.А. Римского-Корсакова. История, события, факты (1906–2006). Краснодар, 2006. – 239 с.
- Фролкин В.А. Кубанский симфонический оркестр (1812–2002). Краснодар: Эолковы струны, 2002. – 82 с.
- Щурик Н.Л. Мастера изобразительного искусства Кубани. Живопись. Графика. Ч. 1. Поколение создателей. Краснодар, 2006. – 120 с.

Список сокращений

- АРАН – Архив Российской академии наук
- ВНИИМК – Всероссийский научно-исследовательский институт масличных культур имени В.С. Пустовойта
- ВНИИЦиСК – Всероссийский научно-исследовательский институт цветоводства и субтропических культур
- ГАКК – Государственный архив Краснодарского края
- КГИАМЗ – Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына
- ККУНБ – Краснодарская краевая универсальная научная библиотека им. А.С. Пушкина
- ККХМ – Краснодарский краевой художественный музей им. Ф.А. Коваленко
- КНИИСХ – Краснодарский научно-исследовательский институт сельского хозяйства им. П. П. Лукьяненко
- ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
- ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
- РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории
- РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
- РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
- ЦГВА – Центральный государственный военный архив
- ЦДНИКК – Центр документации новейшей истории Краснодарского края